

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 16

Выпуск 4

Екатеринбург – 2016

Главный редактор

чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф. **В.Н. РУДЕНКО**

Заместители главного редактора

Философия: к. филос. наук, доц. **К.В. КИСЕЛЕВ**

Политическая наука: к. полит. наук, доц. **В.С. МАРТЬЯНОВ**

Право: к. юрид. наук **В.В. ЭМИХ**

Международный редакционный совет

Д-р юрид. наук, проф. **А.С. АВТОНОМОВ**; д-р права, д-р полит. наук, проф. **А.С. ДУРАН**; д-р философии, проф. **Х.Х. АЛАРКОН** (Испания), д-р юрид. наук, проф. **А.Н. КОКОТОВ**, акад. РАН, д-р филос. наук, проф. **В.А. ЛЕКТОРСКИЙ (председатель)**; д-р филос. наук. **О.Ю. МАЛИНОВА**; проф.-исследователь **М.А. МАЛЬШЕВ** (Мексика); акад. РАН, д-р полит. наук, проф. **Ю.С. ПИВОВАРОВ**; д-р политологии, проф. **Т. РЕМИНГТОН** (США); д-р философии, проф. полит. наук и междунар. отношений **Р. САКВА** (Великобритания); д-р политологии **К. СИГМАН** (Франция).

Редакционная коллегия

Философия: д-р филос. наук, проф. **Ю.Г. ЕРШОВ**; д-р филос. наук, проф. **В.О. ЛОБОВИКОВ**; д-р филос. наук, проф. **К.Н. ЛЮБУТИН**; д-р филос. наук **Е.А. СТЕПАНОВА (ответственный редактор раздела)**; д-р филос. наук, проф. **Е.Г. ТРУБИНА**.

Политическая наука: д-р полит. наук **Е.Г. ДЬЯКОВА**; д-р полит. наук **С.В. МОШКИН**; д-р полит. наук, проф. **О.Б. ПОДВИНЦЕВ**; д-р полит. наук, проф. **О.В. ПОПОВА**; д-р полит. наук, проф. **О.Ф. РУСАКОВА (ответственный редактор раздела)**.

Право: д-р юрид. наук, проф. **О.И. ЗАЗНАЕВ**; д-р юрид. наук **М.Ф. КАЗАНЦЕВ (ответственный редактор раздела)**; д-р юрид. наук, проф. **С.В. КОДАН**; д. юрид. н., проф. **П.В. КРАШЕНИННИКОВ**; д-р юрид. наук, доц. **Н.А. ФИЛИПОВА**.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», в базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS) – с 2014 г.; ERIH PLUS – с 2015 г.

Учредитель

Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук

Издается с 1999 г. Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС77-29547 от 14 сентября 2007 г.

ISSN 1818-0566 (Print); ISSN 2312-5128 (Online)

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Матвейчев О.А.* К дискуссии о генезисе древнегреческой философии.....5
- Подопригора А.В.* Генератор реальности: информация и механизмы самоорганизации..... 17

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Дьякова Е.Г.* Общественные советы в системе институтов гражданского общества: формирование и функции 33
- Ковин В.С.* Локальные факторы электоральных девиаций в регионах Урала на выборах 18.09.2016 45
- Скиперских А.В.* Политическая элита Орловской области: от Егора Строева до Вадима Потомского 60

ПРАВО

- Пономарев А.М.* Методологические аспекты анализа функционирования ценностно-нормативной системы (на примере права)..... 73
- Тлембаева Ж.У.* Зарубежный опыт организации парламентского контроля и вопросы совершенствования его правовых механизмов в Казахстане 91

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- Matveychev, O.* To discussion on genesis
of ancient Greek philosophy 5
- Podoprigora, A.* Reality generator:
information and mechanisms of self-organization 17

POLITICAL SCIENCE

- Dyakova, E.* Public councils in the system of civil society institutions:
formation and functions..... 33
- Kovin, V.* Local factors of electoral deviations
in Ural regions in elections of 18.09.2016 45
- Skiperskikh, A.* Political elite of Orel region: problems of incorporation 60

LAW

- Ponomaryev, A.* Methodological aspects of analysis
of functioning of value-normative system
(on the example of law) 73
- Tlembaeva, Zh.* Foreign experience of parliamentary control
and issues of improvement of its legal mechanisms
in Kazakhstan 91

ФИЛОСОФИЯ

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 4, с. 5–16
<http://yearbook.uran.ru>

К ДИСКУССИИ О ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(38) (092)

Олег Анатольевич Матвейчев

кандидат философских наук,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: omlet@km.ru

Статья представляет собой историографический обзор основных концепций генезиса древнегреческой философии, появившихся в XVIII–XX вв. Автор утверждает, что вплоть до XVIII в. древнегреческая философия не воспринималась как самостоятельный, особенный феномен и, следовательно, вопрос об истоках и генезисе просто не мог быть поставлен. «Поворот к грекам» в истории философии происходит у Д. Тидемана, автора понятия «дух времени» (*Zeitgeist*). Мощнейшее воздействие на все последующее развитие философской мысли оказало учение Гегеля, в котором в наиболее законченном виде проявился принцип историзма. Древнегреческой философии в ряду других этапов развития абсолютного духа Гегель отводит особое место, утверждая, что именно с нее и начинается философия в собственном смысле. Радикализовав эту гегелевскую идею, еще один авторитетнейший историк философии, Э. Целлер, вступил в полемику с господствовавшим в начале–середине XIX в. панориентализмом, отрицая какое бы то ни было внешнее влияние на раннюю греческую философию. Вместе с тем Целлер полемизировал и с гегелевским априоризмом, выдвинув на передний план историко-философской науки источниковедение и первым изучив, сопоставив и интерпретировав все имеющиеся на то время труды древнегреческих мыслителей. Фактически вся последующая историко-философская наука развивалась в полемике либо с Гегелем, либо с Целлером. При этом в историко-

философских учениях XIX–XX вв. можно обнаружить несколько противоборствующих подходов к проблеме происхождения древнегреческой философии. В методологическом плане априоризму Гегеля и его последователей противостоит эмпиризм Целлера, близкий также Я. Буркхардту, В. Виндельбанду, Т. Гомперцу, Г. Дильсу и др. Относительно возможной преемственности между философией и дофилософскими формами сознания дискуссия развернулась между адептами мифогенной (Ф. Корнфорд, А. Вебер, Дж. Томсон) и гносеогенной (В. Виндельбанд, Т. Гомперц, Дж. Бёрнет, Г. Дильс) концепций; впрочем, был и ряд мыслителей, которые предприняли попытки преодолеть их крайности (У. Гатри, Ж.-П. Вернан). По поводу внутренних и внешних источников ранней греческой философии спор шел между сторонниками автохтонной (Ф. Гельдерлин, Г. Гегель, Э. Целлер, Дж. Бёрнет) и ориентальной (Ф. Шлейермахер, А. Гладиш, А. Рёт, П. Таннери, У. Хельшер, Дж. Кёрк, Дж. Рейвен, У. Гатри, М. Уэст, В. Буркерт) гипотез. Все эти дискуссии в той или иной форме продолжают существовать и в наше время. Хорошо представлять себе их истоки и контекст возникновения необходимо, чтобы проникнуть в подлинную, глубинную суть современных дискуссий, не всегда осознаваемую самими диспутантами.

Ключевые слова: философия, история философии, историография античной философии, мифология, религия, наука, Древняя Греция, генезис философии.

Вплоть до XVIII в. древнегреческая философия не воспринималась как самостоятельный, особенный феномен и, следовательно, вопрос об истоках и генезисе просто не мог быть поставлен. «Собрание пестрых глав», хаотический набор мнений мудрецов древности – именно так представлялась античная философия в «Книге о жизни и смерти древних философов и поэтов», написанной англичанином Уолтером Бёрли (Вальтером Бурлеем) в XIV в. и долгое время являвшейся чуть ли не единственным трудом по истории античной философии в Западной Европе.

Впрочем, даже Монтень не ждал от подобных произведений ничего другого, кроме поучительных жизнеописаний, которые донесли бы до нас мнения древних о благе и поведении, и искренне жалел о том, что «у нас нет десятка Диогенов Лаэртиев или нет хотя бы одного, более пространныго и объемистого», чтобы написать такую книгу [Монтень 1979: 363].

Ждал подобную книгу и Френсис Бэкон. «Мне бы хотелось, – пишет он, – чтобы было создано тщательно продуманное сочинение о древних философах, включающее сведения, почерпнутые из жизнеописаний древних философов, из сборника Плутарха об их учениях, из цитат у Платона, из полемики Аристотеля, наконец, из разбросанных и случайных упоминаний, встречающихся в других книгах христианских и языческих писателей (Лактанция, Филона, Филострата и др.) Насколько мне известно, такого сочинения до сих пор не существует». Вместе с тем Бэкону уже не достаточно лишь нагромождения сведений – он требует отдельного и систематического изложения каждого учения: «Ведь любая цельная философская система стоит на собственном основании, и отдельные ее части взаимно укрепляют и разъясняют друг друга; если же их оторвать одну от другой, они теряют свой смысл и становятся непонятными» [Бэкон 1971: 236].

«Заказ» Бэкона выполнил уже в 1655 г. Томас Стэнли, процитировавший приведенные нами слова из труда «О достоинстве и приумножении

наук» в своей «Истории философии». Ограничившись лишь древними учениями, Стэнли с большой тщательностью попытался восстановить их по весьма широкому кругу источников – от Плутарха и Диогена Лаэртского до Суды. Генеральная идея, однако, – вполне в духе того времени – заключалась в том, что философские учения суть учения язычников и с возникновением христианства эпоха философии ушла в прошлое. А язычники – они и есть язычники, греки они либо же халдеи, персы или арабы (всем им нашлось место в труде английского ученого).

Как один из ранних этапов развития человеческой мысли от дикого, языческого состояния к высокоразвитой христианской науке греческая философия предстает и в «Истории философии в семи книгах» Джорджа Хорна (Георга Горна), вышедшей в том же 1655 г.¹, а также в пятитомной «Критической истории философии от сотворения мира до нашего времени» Иоганна Якоба Брукера (1742–1744). Последний делил историю мировой философии на три этапа: от сотворения мира до основания Рима, от основания Рима до Возрождения и от Возрождения до нынешних времен. Древнегреческая философия, относящаяся к первому этапу, по мнению автора, не представляла собой самоценный феномен и во многом была обязана своим возникновением «варварским учениям», в первую очередь египетским.

Гипотезу о восточном происхождении греческой философии разделял и Андрэ Франсуа Буаро-Деланд. В своей «Критической истории философии» (1737) он, в частности, показал, что греки, свысока относившиеся к «варварам», на деле переняли у них очень многое. Так в истории западной философии, пожалуй, впервые появляется ориенталистская тема, впоследствии ставшая весьма влиятельной и популярной. Относительно происхождения философии Буаро-Деланд настаивает, что она возникла одновременно у всех народов как «побочный эффект» занятий наукой и законодательством и что древние греки не были в этом ряду чем-то выдающимся.

Сегодня это кажется удивительным, но до второй половины XVIII в. ученых вообще мало интересовала тема Древней Греции – их интерес к античности в основном ограничивался Древним Римом. «Поворот к грекам» произошел, прежде всего, благодаря Иоганну Винкельману, основоположнику научной истории искусств, провозгласившему превосходство греческого искусства над искусством других народов [Винкельман 2000: 101].

«Поворот к грекам» и пробуждающееся чувство истории привели к тому, что греческая философия, наконец, получает «постоянную прописку» в своей эпохе. Начало этому положил, судя по всему, Дитрих Тидеман, автор книги «Первые философы Греции, или Жизнь и системы Орфея, Ферекида, Фалеса и Пифагора» (1780) и шеститомного труда «Дух спекулятивной философии» (1791–1797). По мысли Тидемана, каждая эпоха обладает своим характером, определяющимся сочетанием ведущих (наиболее «успешных») философских идей, политических, эстетических и прочих воззрений. Именно Тидеман ввел в научный оборот понятие «дух времени» (Zeitgeist),

¹ Помимо учений эллинов автор описывает воззрения Адама, Авеля, Ноя, Януса, а также скифов и гипербореев.

чтобы выразить мысль о тесной связи философии с другими сферами жизни общества – политикой, правом, литературой, моралью, модой. Соответствие духу времени и есть главный критерий философского учения, а вовсе не степень его «истинности». И в этом отношении философия древних греков в ее лучших образцах столь же совершенна, что и современная.

Мощнейшее воздействие на все последующее развитие философии оказало учение Гегеля, в котором в наиболее законченном виде проявился принцип историзма, развивавшийся (правда, за пределами истории философии) целым рядом мыслителей XVIII – начала XIX в., от Вико и Гердера до Канта и Фихте. Наиболее подробно вопросы истории философии разрабатывались Гегелем в берлинский период его деятельности (1818–1831); опубликованы его лекции были Карлом Мишле в 1833–1836 гг.

Для Гегеля история философии – это не простой перечень мнений и не только лишь «галерея героев мыслящего разума» [Гегель 1993: 69], но единый логический процесс развития абсолютного духа в мировой истории. Развитие это последовательно поступательное, поэтапное, каждый этап внутренне необходим, каждая философская система «есть изображение особенного момента, или особенной ступени в процессе развития идеи» [Гегель 1974: 219].

И как каждый человек – сын своего времени, так и философия есть время, постигнутое в мысли [Гегель 1990: 55]; это продукт духа времени (Zeitgeist), но рождающийся не вместе со своей эпохой, а на ее исходе: «В качестве мысли о мире она появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения. ... Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [Гегель 1990: 56].

Такова и древнегреческая философия, которой в ряду других этапов развития абсолютного духа Гегель отводит особое место, утверждая, что именно с нее и начинается философия в собственном смысле. На Востоке для зарождения философии нет главного условия – свободы мышления, с практической стороны связанной с политической свободой: «...философия выступает в истории лишь там и постольку, где и поскольку образуется свободный государственный строй» [Гегель 1993: 146]. И происходит это именно в древней Элладке.

Хронологически Гегель локализует начало греческой философии в VI в. до н.э., в период упадка ионийских свободных государств в Малой Азии. «Когда погиб этот прекрасный мир, самостоятельно развившийся и достигший высокого уровня культуры, тогда появилась философия» [Гегель 1993: 189-190]. Первыми философами стали так называемые семь мудрецов, жившие «в период перехода греков от патриархального правления царей к правовому или насильственному правлению» [Гегель 1993: 190-191].

Гегелевский призыв исключить восточную мысль из истории философии пришелся на время, когда в Европе торжествовала противоположная тенденция, и голос Гегеля звучал дерзко и почти одиноко; исключение составляет лишь его друг Гёльдерлин, убежденный не только в том, что философия пошла от эллинов, но также и в том, что именно у эллинов и

была подлинная философия, равно как подлинное искусство и религия (это убеждение много позднее унаследует от Гёльдерлина Мартин Хайдеггер). «Народ философов» – именно так и не иначе Гёльдерлин характеризует греков в «Гиперионе» [Гёльдерлин 1988: 147, 148]. Грек «вышел прекрасным из рук природы», развивался независимо от навязываемых извне различных влияний и стал способен к познанию вечной красоты, что и является, по Гёльдерлину, условием появления философии [Гёльдерлин 1988: 142-151].

Между тем как раз на начало XIX в. пришелся пик панориентализма, основывавшегося на компаративных исследованиях киклических поэм и финикийской и египетской мифологий, открытиях экспедиций К. Нибура и Наполеона и т.д. Ничтоже сумняшеся ориенталисты постулировали вторичность эллинской цивилизации по отношению к ближневосточным и тренд этот был представлен и в истории античной философии.

Так, например, Фридрих Шлейермахер, изучая в 1808 г. фрагменты Гераклита, пришел к выводу о значительном влиянии на философию Эфесца «иранской мудрости». К подобному мнению относительно Гераклита склонялся в 1819 г. и Фридрих Крейцер, известный своим убеждением о единстве всех древних религий и протофилософий мира.

В 1840–1860-х гг. с целой серией книг о восточных корнях греческих философских учений выступил Август Гладиш – характерны сами их названия: «Пифагорейцы и китайцы» (1841), «Элейцы и индейцы» (1844), «Эмпедокл и египтяне» (1858), «Гераклит и Зороастр» (1859), «Анаксагор и израильтяне» (1864).

К тому же периоду относятся и основные произведения А. Рёта, «патентованного» египтомана и одного из наиболее ревностных приверженцев восточной гипотезы, пытавшегося «с блестящей фантазией ... воскресить объяснения новоплатоновцев, которые при помощи аллегорических толкований и перетолкований подсовывали к пришедшим с Востока мифическим взглядам философские учения Греции, чтобы снова найти их в первых как древнейшую мудрость» [Виндельбанд 1995: 32].

Несмотря на, казалось бы, повальное увлечение Востоком и доминирование панориенталистских тенденций как в исследованиях древней истории, так и в лингвистике середины XIX в., у восточной гипотезы находились и яростные критики. В их числе оказался Эдуард Целлер, автор фундаментальной «Греческой философии в ее историческом развитии» (1844–1852). Радикализируя гегелевскую идею о том, что в собственном смысле философия появилась только в Древней Элладе, Целлер отрицал какое бы то ни было внешнее влияние на раннюю греческую философию. Он заявил с предельной резкостью, что у древнейших представителей греческой философии «не обнаруживается ни одно из явлений, которые в других случаях всегда встречаются, когда народ заимствует свое знание из-за границы: в ней нет никакой борьбы между местным и чужим, нет употребления непонятных формул, нет ни следа самостоятельного заимствования и подражания воспринятому» [Целлер 1996: 32-34].

Философ гегелевской школы, Целлер довольно скоро отказался от соблазна конструировать историю философии, исходя из одной «единственно

верной» априорной идеи. «Непреходящая заслуга Гегеля состоит в том, что он более настойчиво, чем кто-либо до него, указал на ... закономерную взаимосвязь исторических явлений и рассмотрел с этой точки зрения именно историю философии. Но неверно и обманчиво было при этом понимать всякую взаимосвязь как чисто логическую и провозглашать принцип, в соответствии с которым последовательность философских систем идентична последовательности логических категорий и может быть подобно им обнаружена с помощью диалектической конструкции» [Целлер 2006: 107].

Именно Целлер выдвинул источниковедение на передний план историко-философской науки, первым изучив, сопоставив и интерпретировав все имеющиеся на то время труды античных философов. Результаты его работы сохраняли научную ценность более века. Алексей Лосев еще в 1975 г. утверждал, что Целлер «в смысле позитивного изучения фактов всех превзошел и не превзойден еще до сих пор» [Лосев 2000: 861].

В вопросе о происхождении греческой философии Целлер был последовательным приверженцем автохтонной гипотезы, утверждая, что «греческая философия носит всецело национальный характер» [Целлер 1996: 33]. Как и Гегель, он настаивал на том, что ни один народ до древних эллинов не обладал философией. Почва же для возникновения философии в Древней Греции была подготовлена уникальным сочетанием целого ряда факторов, среди которых Целлер выделяет: 1) умеренный климат, приносивший дары «лишь тем, кто умел добывать их собственной деятельностью»; 2) грандиозную греческую колонизацию, образовавшую «широкую арену для собственной национальности»; 3) отсутствие жречества (а стало быть, теократической иерархии и религиозной догматики); 4) вытеснение в большинстве полисов древних аристократий, послужившее установлению гражданских свобод, развитию демократии и воспитанию уважения к закону. «Из свободы, в которой жизнь развивалась во всех своих проявлениях, научная мысль черпала ту независимость и смелость, которая восхищает нас уже в древнейших греческих философах. Чутье к порядку и закону, развившееся в практической жизни, требовало и в теоретическом мирозерцании, чтобы все единичное было объединено в целое и подчинено законам этого целого» [Целлер 1996: 35].

Среди непосредственных источников греческой философии Целлер выделяет 1) религию, лишенную строгой организованности, которая бы препятствовала свободному движению и прогрессу мышления у греков (непосредственно на философию повлияла в малой степени); 2) социальную практику («живая подвижность и многообразные запросы гражданской жизни должны были содействовать формальному упражнению мышления и речи»); 3) поэзию, сумевшую подвести «итоги теологическим, космологическим и этическим воззрениям греческих племен в изображениях и изречениях, которые современникам и потомству представлялись выражением общепризнанной истины»; 4) «научные стремления» (в первую очередь, в области математики, астрономии и медицины) [Целлер 1996: 34-36]. Характерно, что Целлер не относит к источникам греческой философии древние космогонии, в которых «в основе картины

происхождения мира лежат лишь весьма простые восприятия и размышления и еще не ставится вопрос о естественных причинах вещей» [Целлер 1996: 36], и, как уже было сказано, восточные воззрения, всю свою долгую творческую жизнь, оставаясь «строгим блюстителем чистоты эллинского философского гения» [Лебедев 1983: 51]. Именно благодаря Целлеру восточная гипотеза быстро растеряла своих сторонников, и долгое время в историко-философской науке раздавались лишь осторожные призывы придерживаться «взвешенной» позиции. О ближневосточных влияниях на восточных греков писали, в частности, Вильгельм Виндельбанд (1888) и Теодор Гомперц (1896), оговариваясь, впрочем, что влияния эти ограничены областями естественных наук – математики и астрономии [Виндельбанд 1995: 33; Гомперц 1999: 49-50].

Строго говоря, ни математика, ни астрономия не достигли у ближневосточных народов теоретического уровня, оставаясь сводом чисто практических знаний. Именно греки начали задаваться вопросами о первопричинах, сущностях, взаимосвязи явлений и, стало быть, философствовать. И Виндельбанд, и Гомперц связывают возникновение философии с формированием основ научного мышления [Виндельбанд 1995: 42-43; Гомперц 1999: 45-47]. Еще более определенно выражался на эту тему Джон Бёрнет, утверждавший в «Ранней греческой философии» (1892), что научное мышление – это мышление по способу греков. Интеллектуальная революция, приведшая к появлению философии, по мысли Бёрнета, заключалась в возведении познания в самоцель, его отрыве от практических нужд. Вслед за Целлером и Гомперцем Бёрнет относит к необходимым условиям появления философии в Древней Греции отсутствие в ней высшей духовной касты – догматичного и консервативного жречества. Свободное греческое мышление, по Бёрнету, отринило традиционные взгляды на мир и начало движение «от мифа к логосу» (формулировка Вильгельма Нестле), от фантастических представлений к отражению объективного положения вещей и поиску управляющих ими законов.

Идею Бёрнета, что философия появилась из протонаучных наблюдений за природой, сочли наивной уже многие его современники. К ним относился, в частности, Френсис Корнфорд, доказывавший в своей нашумевшей книге «От религии к философии» (1912), что философия не возникает как совершенно новое явление, но естественно и постепенно вырастает из религиозного сознания. Корнфорд убежден, что индивидуальный ум не способен привнести в философию какие бы то ни было новые концепции: философия – это «продукт коллективной ментальности», «анализ религиозного материала» [Cornford 1957: 127, 125], уходящего корнями в структуру племенного общества. По словам Александра Маковельского, для Корнфорда содержание древнегреческой философии «не вышло за пределы религиозного материала, послужившего для нее исходным материалом. Философия лишь анализировала этот материал... Греческая философия имела не творческий, а лишь аналитический характер. Ее источником не был реальный мир вещей, ее системы возникли из анализа прежнего дофилософского мировоззрения» [Маковельский 1999: 36].

Итак, в историко-философских учениях XIX – начала XX в. можно обнаружить несколько противоборствующих подходов к проблеме происхождения древнегреческой философии.

В методологическом плане априоризму Гегеля и его последователей противостоит эмпиризм Целлера, близкий также Якобу Буркхардту, Вильгельму Виндельбанду, Теодору Гомперцу, Герману Дильсу и др.

Относительно возможной преемственности между философией и до-философскими формами сознания дискуссия развернулась между адептами мифогенной (Френсис Корнфорд, Джордж Томсон, в известной мере Альфред Вебер) и гносеогенной (Виндельбанд, Гомперц, Бёрнет, Дильс) концепций.

По поводу внутренних и внешних источников ранней греческой философии спор шел между сторонниками автохтонной (Гельдерлин, Гегель, Целлер, Бёрнет) и ориентальной (Шлейермахер, Гладиш, Рёт, Поль Таннери) гипотез.

Все эти дискуссии в той или иной форме продолжались и в течение всего XX в. Так, взяв паузу более чем на полвека, в середине XX столетия возобновилась полемика о возможных восточных истоках греческой философии. После выхода в 1953 г. статьи Уво Хёльшера «Анаксимандр и истоки философии» [Hölscher 1953] к восточной гипотезе стала возвращаться былая популярность. Ее поддержали Джефффри Кёрк и Джон Рейвен [Kirk, Raven 1957], Уильям Гатри [Guthrie 1962]. А после работ Мартина Уэста [West 1971 и др.] и Вальтера Бурккерта [Burkert 1982 и др.] сомневаться в наличии у греческой философии восточных корней и вовсе стало чуть ли не дурным тоном. Идея о самородности греческой философии и ее доктринальной чистоте, господствовавшая в философской историографии со времен Целлера, практически ушла из философского обихода, сохранившись в качестве рудимента лишь в некоторых учебниках компилятивного характера. Таким образом, до известной степени был снят и вопрос о пресловутом «греческом чуде», как вслед за Эрнестом Ренаном [Renan 1884: 59–60] называют феномен генезиса совершенно особенной формы культуры на территориях греческого мира.

Изменило характер и противостояние мифогенной и гносеогенной доктрин. Ряд мыслителей предприняли попытки преодолеть их крайности. Так, Уильям Гатри, связывавший генезис философии с отказом (на сознательном уровне) от объяснения природных явлений с помощью мифологических образов (здесь он несколько расходился с позицией своего учителя Корнфорда), вместе с тем настаивал, что связь с мифологией не рвется одномоментно, но продолжает удерживаться за счет имплицитного принятия мифологических концептов. Вся греческая философия, таким образом, находится в близком родстве с мифологией, религией, магией, и даже такой рационалист, как Аристотель, не может порвать с ней полностью, будучи убежден в том, что небесные тела являются живыми существами, что наиболее совершенные формы – круг и шар, а главное на свете число – три [Guthrie 1962: 1–2].

Еще одна «компромиссная» концепция принадлежит французскому исследователю Жану-Пьеру Вернану. В предисловии к русскому изданию

его книги «Происхождение древнегреческой мысли» Вернан предостерегает читателей от слишком резкой интерпретации его позиции, что, мол, судьба греческой мысли разыгрывалась между двумя полюсами – мифом и разумом. Миф и разум не полярны. Выявляя пути, «которые привели к противопоставлению *mythos*'а, понимаемого как выдумка, и *logos*'а, понимаемого как истинное и обоснованное рассуждение», Вернан отмечает: безусловно, само слово «миф» мы унаследовали именно от греков, однако для последних оно имело совсем другой смысл. «*Mythos* означает “слово”, “рассказ” и на первых порах не противопоставляется *logos*'у, первоначальным смыслом которого также является “слово”, “речь”. И только в дальнейшем *logos* стал означать способность мышления, разум. Начиная с V в. до н.э. в философии и истории *mythos*, противопоставленный *logos*'у, приобрел уничижительный оттенок, обозначая бесплодное, необоснованное утверждение, которое не опирается на строгое доказательство или надежное свидетельство. Но даже в этом случае *mythos*, дисквалифицированный с точки зрения истинности и противопоставленный *logos*'у, не распространяется на священные тексты о богах и героях. Подобно многоликому Протею, он обозначает весьма различные реалии: разумеется, теогонию и космогонию, но также всякого рода побасенки, родословные, бабушкины сказки, пословицы, поучения, традиционные изречения, короче говоря, все слухи, которые как бы сами собой передаются из уст в уста. Следовательно, в греческом контексте *mythos* предстает не только как особая форма мысли, но и как совокупность того, что передается и распространяется в ходе случайных контактов, встреч, бесед как безликая, анонимная, неуловимая сила, которую Платон именуется *rhēmē* – молва. ... Сегодня, следовательно, речь идет не о том, чтобы противопоставить миф и разум как двух противников, обладающих каждый собственным оружием, а о том, чтобы путем точного текстологического анализа установить, в чем отличие теогонических рассуждений такого поэта, как Гесиод, и философских или исторических построений его преемников, выявить расхождение в способах композиции и организации материала, семантических приемах и логике повествования» [Вернан 1988: 21–23].

Дискуссии относительно происхождения и источников древнегреческой философии продолжают, мерно возгораясь по мере появления новых ярких концепций или обнаружения новых источников и мерно угасая на непродолжительное время, чтобы затем вновь вспыхнуть с новой силой. Для проникновения в подлинную, глубинную суть современных дискуссий, не всегда осознаваемую самими диспутантами, необходимо хорошо представлять себе их истоки и контекст возникновения и развития. Это необходимое условие качества преподавания истории философии на гуманитарных факультетах вузов.

Материал поступил в редколлегию 30.04.2015 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бэкон Ф. 1971. Великое восстановление наук. Ч. 1. О достоинстве и приумножении наук // Ф. Бэкон. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. С. 85–546.

- Вернан Ж.-П. 1988. Происхождение древнегреческой мысли. М. : Прогресс. 224 с.
- Виндельбанд В. 1995. История древней философии. Киев : Тандем. 368 с.
- Винкельман И.И. 2000. История искусства древности // И.И. Винкельман. История искусства древности. Малые сочинения. СПб. : Алетейя : Гос. Эрмитаж. С. 7-302.
- Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. : Мысль. 452 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. М. : Мысль. 524 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1993. Лекции по истории философии. Т. 1. СПб. : Наука. 350 с.
- Гёльдерлин Ф. 1988. Гиперион. М. : Наука. 720 с.
- Гомперц Т. 1999. Греческие мыслители. Т. 1. СПб. : Алетейя. 605 с.
- Лебедев А.В. 1983. Демиург у Фалеса (К реконструкции космогонии Фалеса Милетского) // Текст. Семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М. : Наука. С. 51-66.
- Лебедев А.В. (сост.) 1989. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. О эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев ; отв. ред. И.Д. Рожанский. М. : Наука. 576 с.
- Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. Харьков : Фолио ; М. : Изд-во АСТ. 880 с.
- Маковельский А.О. 1999. Досократики. Минск : Харвест. 784 с.
- Монтень М. 1979. Опыты. Т. 1. М. : Наука. 704 с.
- Целлер Э. 1996. Очерк истории греческой философии. СПб. : Алетейя. 296 с.
- Целлер Э. 2006. История философии, ее цели и пути // Логос. № 1 (52). С. 103-108.
- Burkert W. 1982. Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg : Winter. 135 p.
- Cornford F.M. 1957. From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation. New York : Harper Torchbook. X, 275 p.
- Guthrie W.K.C. 1962. A History of Greek Philosophy. Vol. 1. The Earlier Presocratics and the Pythagoreans. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 539 p.
- Hölscher U. 1953. Anaximander und die Anfänge der Philosophie // Hermes. Bd. 81, ...h. 3. S. 257-271; Bd. 81, ...h. 4. S. 385-417.
- Kirk G.S., Raven J.E. 1957. The Presocratic Philosophers: A Critical History with a Selection of Texts. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 487 p.
- Renan E. 1884. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Paris : Calmann Lévy. 412 p.
- West M.L. 1971. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxford : Clarendon Press. XV, 256 p.

References

- Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk* [The Great Instauration], *F. Bekon, Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1971, vol. 1, pp. 85-546. (in Russ.).
- Burkert W. *Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur* [The Orientalizing Period in Greek Religion and Literature], Heidelberg, Winter, 1982, 135 p. (in German).
- Cornford F.M. *From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation*, New York, Harper Torchbook, 1957, x, 275 p.
- Gompertz T. *Grecheskie mysliteli. T. 1* [Greek Thinkers, vol. 1], St. Petersburg, Aleteyya, 1999, 605 p. (in Russ.).
- Guthrie W.K.C. *A History of Greek Philosophy. Vol. 1. The Earlier Presocratics and the Pythagoreans*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1962, 539 p.
- Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [The Encyclopaedia Logic: Part 1 of the Encyclopaedia of Philosophical Sciences], Moscow, Mysl', 1974, 452 p. (in Russ.).

- Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Elements of the Philosophy of Right], Moscow, Mysl', 1990, 524 p. (in Russ.).
- Hegel G.W.F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy], vol. 1, St. Petersburg, Nauka, 1993, 350 p. (in Russ.).
- Hölderlin F. *Giperion* [Hyperion], Moscow, Nauka, 1988, 720 p. (in Russ.).
- Hölscher U. *Anaximander und die Anfänge der Philosophie* [Anaximander and the Beginnings of Philosophy], *Hermes*, 1953, bd. 81, iss. 3, pp. 257-271, iss. 4, pp. 385-417. (in German).
- Kirk G.S., Raven J.E. *The Presocratic Philosophers: A Critical History with a Selection of Texts*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1957, 487 p.
- Lebedev A.V. (comp.) *Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1* [Fragments of the Early Greek Philosophers, pt. 1], Moscow, Nauka, 1989, 576 p. (in Russ.).
- Lebedev A.V. *Demiurg u Falesa. (K rekonstruktsii kosmogonii Falesa Miletskogo)* [Thales's Demiurge. (By the Reconstruction of Cosmogony Thales of Miletus)], *T.V. Tsiv'yan (resp. ed.) Tekst. Semantika i struktura*, Moscow, Nauka, S. 51-66. (in Russ.).
- Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [History of Ancient Aesthetics. Aristotle and Later Classics], Kharkov, Folio, Moscow, Izd-vo ACT, 2000, 880 p. (in Russ.).
- Makovelsky A.O. *Dosokratiki* [Presocratics], Minsk, Kharvest, 1999, 784 p. (in Russ.).
- Montaigne M. *Opyty. T. 1* [Essays, vol. 1], Moscow, Nauka, 1979, 704 p. (in Russ.).
- Renan E. *Souvenirs d'enfance et de jeunesse* [Childhood and Youth Memories], Paris, Calmann Levy, 1884, 412 p. (in French).
- Vernant J.-P. *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoy mysli* [Origins of Greek Thought], Moscow, Progress, 1988, 224 p. (in Russ.).
- West M.L. *Early Greek Philosophy and the Orient*, Oxford, Clarendon Press, 1971, xv, 256 p.
- Winckelmann J.J. *Istoriya iskusstva drevnosti* [History of Ancient Art], *I.I. Vinkel'man, Istoriya iskusstva drevnosti. Malye sochineniya*, St. Petersburg, Aleteyya, Gos. Ermitazh, 2000, pp. 7-302. (in Russ.).
- Windelband W. *Istoriya drevney filosofii* [History of Ancient Philosophy], Kiev, Tandem, 1995, 368 p. (in Russ.).
- Zeller E. *Istoriya filosofii, ee tseli i puti* [The History of Philosophy, its Goals and the Way], *Logos*, 2006, no. 1 (52), pp. 103-108. (in Russ.).
- Zeller E. *Ocherk istorii grecheskoy filosofii* [Outline of the history of Greek philosophy], St. Petersburg, Aleteyya, 1996, 296 p. (in Russ.).

Oleg A. Matveychev, Candidate of Philosophy, Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: omlet@km.ru

TO DISCUSSION ON GENESIS OF ANCIENT GREEK PHILOSOPHY

Abstract: The article is a historiographical overview of the main concepts of the genesis of ancient Greek philosophy appeared in the XVIII–XX centuries. The author argues that Greek philosophy was not perceived as an independent, peculiar phenomenon until the XVIII century; therefore, the question of the origins and genesis could not be formulated. “Turning to the Greeks” in the history of philosophy comes from D. Tiedemann, the author of “Zeitgeist” concept. Hegel’s philosophical system and the manifestation of the principle

of historicism in its most complete form had a huge impact on the subsequent development of philosophical thought. Hegel devotes Greek philosophy special place among other stages of the development of the Absolute Spirit; he argues that ancient Greek philosophy was the beginning of philosophy in its proper sense. E. Zeller radicalized Hegelian idea and entered into controversy with Orientalism, which dominated in the beginning and in the middle of the XIX century. Zeller denied any external influence on early Greek philosophy. Simultaneously, Zeller questioned Hegelian apriorism. In fact, the subsequent history of philosophy was developed in polemics either with Hegel or with Zeller. There are several conflicting approaches to the problem of the origin of ancient Greek philosophy in the historical and philosophical doctrines of the XIX–XX century. Methodologically, Hegel's and his followers' apriorism opposed Zeller's empiricism. J. Burckhardt, W. Windelband, T. Gompertz, H. Diels were close to this empiricism. The discussion between the adherents of mytho-genic concept (F.M. Cornford, A. Weber, G. Thomson) and epistemo-genic concept (W. Windelband, T. Gompertz, J. Burnet, H. Diels) was about continuity between philosophy and previous forms of consciousness. In addition, there were thinkers who attempted to overcome extremes of two positions (W.K.C. Guthrie, J.-P. Vernant). The dispute between supporters of autochthonous hypothesis (F. Hölderlin, Hegel, E. Zeller, J. Burnet) and Oriental hypothesis (F. Schleiermacher, A. Gladish, A. Röth, P. Tannery, U. Hölscher, G.S. Kirk, J.E. Raven, W.K.C. Guthrie, M.L. West, W. Burkert) was about internal and external sources of early Greek philosophy. In one form or another, the same discussions continue in our time. In order to enter into a genuine, deep essence of contemporary debates, which is not always recognized by the disputants, it is necessary to know well their origins and the context of occurrence

Keywords: natural-language-of-dialectical-philosophy; formal-axiological-semantics; evaluation-functional-meaning; evaluation-variable; evaluation-function; compositionality.

Keywords: philosophy; history of philosophy; historiography of ancient philosophy; mythology; religion; science; Ancient Greece; genesis of philosophy.

ГЕНЕРАТОР РЕАЛЬНОСТИ: ИНФОРМАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ

УДК 1(116)

Александр Васильевич Подопригора

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Научно-образовательного центра
Института экономики УрО РАН и Челябинского
государственного университета, г. Челябинск.
E-mail: agora821@gmail.com

В статье обобщаются существующие подходы к определению понятия «информация», ставится задача выработки концептуального представления о самостоятельном содержании этого понятия, а также более точного определения его места в системе философского знания. Информационный аспект обнаруживается сейчас в основе любого физического, биологического или социального процесса, что порождает дисциплинарную ограниченность и тавтологии в его трактовках. С информацией как таковой отождествляются те или иные специальные «сведения», «данные», «знания» о процессах и явлениях; часто информация представляется лишь функцией человеческого сознания, элементом коммуникации. В других случаях акцентируется исключительно атрибутивный характер этой категории, а ее содержание сводится к различным свойствам материи, вещества и психофизических феноменов. Информацией принято считать *сообщение о чем-то*, что, в отличие от самого сообщения, является фактом, событием реальности. Другая крайность – признание за информацией статуса субстанции, первоосновы бытия. В работе подчеркивается актуальность новой философской интерпретации природы информации в рамках синергетической парадигмы, интегрирующей современные представления различных научных дисциплин и нивелирующей традиционные антитезы «материя – дух», «субъект – объект». Предлагается сформированное на базе адаптации подходов К. Шеннона и Н. Винера, с использованием модели Эверетта и теории динамических систем, определение информации как универсального вероятностного процесса генерации структур реальности в рамках межсистемного взаимодействия в условиях фундаментальной неопределенности бытия.

Ключевые слова: информация, структура, реальность, самоорганизация, динамические системы, неопределенность, моделирование, отражение, вероятность.

Представления об информации: неуловимость содержаний. Потребность в научном осмыслении и определении понятия «информация» была связана в середине XX в. с насущной политической практикой: теорию информации начинали разрабатывать математики и инженеры Алан

Тьюринг и Клод Шеннон, отталкиваясь от надобностей проектов связи и криптоанализа в ходе Второй мировой войны (известна роль Тьюринга в декодировании германского шифра «Энигмы»), Шеннон работал с военными ведомствами США, писал труды по теории связи в секретных системах). «Инженеры предоставили такую возможность и бросили философам вызов: понять, как может развиваться смысл; как жизнь, оперируя информацией и кодируя ее, переходит к интерпретации, вере и знанию» [Глик 2013: 444]. Однако эта задача остается нерешенной, притом что поговорка «все из бита» давно стала популярной в международной ученой среде [Ллойд 2013: 9]. Несмотря на то что различных определений информации насчитываются десятки, «обще-признанных представлений о концептуальной природе информации в научной среде до сих пор не выработано» [Колин 2008: 56]. Существует также подкрепленная авторитетом академика Н. Моисеева точка зрения, согласно которой строгое универсальное определение информации в принципе невозможно и не нужно науке – именно в силу универсальности этого феномена и неисчерпаемого множества его проявлений [Моисеев 1998: 98].

Информация (от лат. *informatio* – разъяснение, изложение) определяется в энциклопедиях, исследованиях и учебниках преимущественно через сходные по смыслу понятия «сведения», «данные», «знания», «содержания», которые также можно без особенных потерь заменить термином «информация». Межгосударственный стандарт РФ дает следующее определение информации: «...сведения, воспринимаемые человеком или специальными устройствами как отражение фактов материального мира в процессе коммуникации», – или просто: «...значимые данные» [ГОСТ 7.0-99, 2000]. Международные стандарты содержат сходные формулировки: информация – это «знания относительно фактов, событий, вещей, идей и понятий, которые в определенном контексте имеют конкретный смысл» [Стандарт ISO/IEC 2382-1:1993]. Практически все современные определения информации основаны на интерпретациях формулировок основоположников теории информации Клода Шеннона и Норберта Винера, данных в середине XX в. Известна классическая трактовка информации Шеннона через понятие энтропии как «снятой неопределенности» наших знаний о чем-то [Шеннон 1963: 261]. Винер определяет информацию в качестве обозначения «содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств» [Винер 1958: 3].

Но что такое *знание*, если это не снятая неопределенность нашей информации о чем-то? И чем могут быть «сведения», «содержания», как не информацией? Данные понятия выглядят синонимичными и мало объясняют друг друга. Определения Шеннона и Винера по сей день являются ключевыми, но скорее описывают «эффект от информации», нежели ее природу [Середа 2011: 133]. Следуя этим же путем, кибернетики были склонны делать акцент при формулировании определения информации на акте выбора: «Информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» [Чернавский 2004: 13].

Такой подход оставляет без удовлетворения интуитивно понятное требование *содержательного* аспекта природы информации, презентуя ее на

уровне достаточно механистического процесса. Для преодоления трактовки информации исключительно как выбора между данными вариантами А. Урсул вводит понятия *разнообразия* и *отражения*, утверждая, что «информация – это разнообразие, которое один объект содержит о другом объекте в процессе их взаимодействия... Если объективная (и потенциальная для субъекта) информация может считаться свойством материи, то идеальная, субъективная информация есть отражение объективной, материальной информации» [Урсул 2010: 228-229]. Получается, что информация – это «отраженное разнообразие», то есть, по сути, отражение информации или отраженные сведения объектов о самих себе. Р. Абдеев разделяет информацию на структурную, содержащуюся в самом объекте любой природы, и оперативную, принимаемую получателем информации [Абдеев 1994: 336]. При этом возникает противоречие между пониманием структурной информации как внутренней сущности любого объекта и оперативной информации лишь как свойства высокоорганизованной материи. К. Колин не случайно обращается к понятию *структуры реальности*, включающему физическую и идеальную реальности, и подчеркивает, что именно «способность физической и идеальной реальности к взаимному отражению является их фундаментальным свойством, которое, собственно, и создает возможность проявления различных аспектов феномена информации» [Колин 2008: 60]. Обе реальности носят здесь вполне физический характер, а информация, собственно говоря, сводится к взаимному отражению материальных объектов.

О. Отраднова, обобщая выводы Ф. Уэбстера, Н. Винера, В. Гадасина, Н. Моисеева, Б. Кадомцева, Л. Бриллюэна, Г. Хакена, А. Урсула и др., выделяет информацию в *особую бытийную категорию* в несводимости ее к материи или духу»; соответственно информация есть «философская категория, выступающая в качестве субстанции, осуществляющая связь между природой как материей и сознанием как идеальным началом» [Отраднова 2012: 129]. Вслед за Т. Стониером подчеркивается «аксиоматический» характер информации, получающей статус независимой онтологической категории, однако ее субстанциональность тут же ставится под сомнение детерминированностью информации (средство «связи» или «обмена») со стороны материи и сознания – без прояснения при этом природы информации и содержания работы ее механизмов. Как метко иронизировал Д. Чернавский, суммировавший имеющиеся определения информации, в итоге получается, что «информация есть отражение отображения наших соображений» [Чернавский 2004: 11].

Отсутствие общепризнанных определений информации иллюстрирует тот факт, что в новейшем учебнике Московского государственного университета, рекомендованном для студентов, обучающихся по специальности «Философия», такого определения нет вообще; лишь в главе о свойствах материи упомянуто об *отражении* – «способности свойств и состояний одних материальных объектов нести в себе информацию о состоянии других объектов» [Разин 2015: 227]. Таким образом, информация то ли отождествляется с отражением, то ли является некоей сущностью, которая каким-то образом содержится в материальных объектах и как-то характеризует их состояние, отражаясь в других.

Приведенные оценки свидетельствуют о неразрешенности главных мировоззренческих проблем формирующейся сейчас *информационной парадигмы*, в которые упираются (или которые по кругу обходят) теория и философия информации и связанные с ними дисциплины. Акцентирование многоплановости феномена информации и исключительного многообразия его специфических реализаций в разных областях знаний и человеческой деятельности представляется сегодня недостаточным для раскрытия самостоятельного содержания этого понятия.

Неопределенность и процессы самоорганизации. Философское осмысление феномена информации получило новый импульс в ходе утверждения *синергетической парадигмы*, интегрирующей подходы бурно развивающихся в последнее время научных дисциплин: нейробиологии, квантовой механики, семиотики, теории динамических систем, когнитивистики, а также конвергирующих технологий. Суть синергетического подхода – рассмотрение информации как многостороннего и многоуровневого процесса – четко просматривается уже у основателей теории информации: Н. Винер отмечал, что «информация является скорее делом процесса, чем хранения» [Винер 1958: 128]. Подобное представление базируется на положении «философии процесса» А. Уайтхеда [Уайтхед 1990] и развито в работах И. Мелик-Гайказян [Мелик-Гайказян 1997: 11-15].

Подтверждая, что «информация действительно не является “ни материей, ни энергией”, а является процессом» Мелик-Гайказян подчеркивает (следуя здесь за Г. Кастлером, подобно другим сторонникам синергетического подхода) *случайный* характер выбора системой, находящейся в состоянии неустойчивости, одного варианта из многих возможных и равноправных (а также его запоминаемость, фиксацию) в качестве базы для определения информации [Мелик-Гайказян 2011: 468]. На наш взгляд, такое акцентирование роли случайности является одновременно ключевым и самым уязвимым пунктом синергетического подхода в его нынешнем формате.

Понятна роль категории случайности для синергетики как концепции саморазвития. Именно она позволяет решить главную задачу – объяснить и обосновать механизм появления нового исключительно из возможностей самой системы, не прибегая к телеологическим и иным метафизическим конструкциям, оставаясь в рамках выдвинутой научной концепции. Однако необходимо учитывать, что Г. Кастлер, исследуя биологические системы, особо оговаривал «фактическую невозможность появления жизни в результате случайного соединения молекул» и призывал «искать такой механизм, который не предусматривает столь чудовищно маловероятных происшествий» [Кастлер 1967: 19]. Для нас особенно важно, что, сохраняя верность расширенно толкуемому кастлеровскому определению, исследователи, по сути, отказываются от выявления самостоятельного содержания понятия «информация», отождествляя его с процессом ее создания – генерацией информации – и описывая его этапы [Мелик-Гайказян 2011: 471]. То есть информация оборачивается здесь генерацией информации.

На самом деле высокую сложность поведения динамических систем в точках бифуркации трудно отличить от случайности. Вместе с тем совре-

менное понимание Вселенной как модели, в которой *все* процессы являются взаимосвязанными и взаимозависимыми, ставит текущие изменения сложных систем в зависимость от предыдущих (и, в определенном смысле, от последующих). Когда балансы внутри сложной открытой системы нарушаются из-за того, что она не может справиться с новыми возмущениями, система формирует структуры с заданными содержанием вызова качествами; при этом случайность выбора системой реакций «канализирована» информацией, это как бы «*прирученная случайность*, которая дает ключ к пониманию механизмов роста сложности в процессе эволюции» [Князева, Куркина 2011: 456]. Таким образом, случайность выбора трансформируется в его *вероятность*, что открывает новые возможности для характеристики содержания и роли информации.

Мы увидим ниже, сколь существенное философское значение приобретает в этом смысле вероятностный подход, если связать его с *многомировой интерпретацией Эвереттом* квантовой механики. Здесь же важно подчеркнуть, что попытки содержательного определения информации во многом упираются в ее интуитивное понимание как *сообщения о чем-то*, что первично по отношению к самому сообщению и является (в отличие от сообщения) фактом, событием объективной реальности. В информации обычно видят лишь *отражение* реальности, а потому определение этого отражения как самостоятельного феномена представляет собой немалую сложность. Более того, необходимость подобного определения часто не кажется очевидной.

Потребности общества в производстве знаний до недавнего времени удовлетворял, при всех оговорках, такой подход. Однако развитие современной науки (особенно – квантовой физики) позволяет по-новому интерпретировать потенциал классических определений информации, учитывая, что сами классики (Шеннон, Тьюринг, Бриллюэн, Колмогоров) занимались в основном математическими и инженерными аспектами темы и мало интересовались философскими обобщениями. На наш взгляд, представление об информации как о «снятой неопределенности» позволяет, абстрагируясь от инструментального подхода, вычлнить *фундаментальный аспект реальности*, описываемый понятием информации, и четче выявить самостоятельное содержание этого понятия.

Этот аспект – *неопределенность*, принцип которой был сформулирован Вернером Гейзенбергом в 1927 г. и впоследствии стал ключевой категорией не только квантовой механики и теории самоорганизации, но и всего современного научного миропонимания. В общем виде он гласит, что все-ленная физических законов существует не в строго детерминистическом состоянии, но как бесконечный набор вероятностей. Данный принцип не только базируется на том факте, что *измерение всегда меняет измеряемую квантовую систему* (и даже, по ряду оценок, *создает* ее), но и закладывает неопределенность в основу всего мироздания, построенного из проявляющих свойства частиц и волн, «всегда находящихся везде» неуловимых субатомных сущностей (известна дискуссия на эту тему между А. Эйнштейном и Н. Бором – «играет ли Бог в кости?»). Суть этой перемены в научном

мировоззрении, превратившей эпистемическую неопределенность в онтологическую, сформулировал Н. Винер: «...в вероятностном мире мы уже не имеем больше дела с величинами и суждениями, относящимися к определенной реальной вселенной в целом, а вместо этого ставим вопросы, ответы на которые можно найти в допущении огромного числа подобных миров» [Винер 1958: 25].

Однако признание фундаментальной неопределенности мира не только создает серьезную эпистемологическую проблему, но и делает логически невозможными построение и реализацию целенаправленных сценариев, в частности жизни как таковой. Компромисс, неудовлетворенность которым физики и философы испытывают по сей день, был найден в «копенгагенской концепции», разделившей законы микро- и макромира. В соответствии с ней квантовая неопределенность не переносится на производимые в «классическом» мире наблюдения. Это приводит многих склонных к философской рефлексии физиков (начиная с А. Эйнштейна) к «разрыву шаблона», поскольку «означает, что в каком-то звене цепи, соединяющей исследуемую квантовую систему с экспериментальной установкой, шкалами и измерительными приборами, нашими органами чувств, нашим мозгом и, наконец, нашим сознанием, должно происходить нечто такое, что рассеивает квантовую неопределенность» [Дэвис 1989: 272] (курсив мой – П.А.).

Такой «разрыв шаблона» можно устранить, если расшифровать это «нечто» как процесс форматирования реальности механизмами информации.

Наша интерпретация классического подхода к пониманию информации заключается в том, что настоящим содержанием информации как процесса являются именно *операции систем с неопределенностью*, снижающие последнюю до уровня моделируемых вероятностей, что открывает возможность построения вероятностного сценария реальности для каждой системы в каждом моменте бытия. Информация выступает в таком случае *не как сообщение о реальности, но как сама реальность*, процесс ее генерации, логический алгоритм коммуникативного формирования и структурирования сложных систем. Этот процесс во многом совпадает с процессом самоорганизации, хотя не тождественен ему.

Наиболее впечатляющим примером служит здесь код ДНК, представленный сочетанием молекул нуклеотидов, которое, воздействуя на среду, *физически является информацией*, сообщением (в данном случае – от нуклеиновых кислот белкам), а репликация молекул ДНК – ответным сообщением и копированием информации, которое генерирует новую реальность, снижая энтропию биосистемы. Причем в «длинной» молекуле ДНК возможно множество комбинаций последовательности оснований, иначе говоря, множество вероятных вариантов сообщений, из которых «срабатывают» лишь определенные. То, что сообщения могут существовать и передаваться в форме электромагнитных колебаний, звуковых волн или знаковых систем, подчеркивает изоморфность информационной архитектуры для любого класса систем.

Молекулы ДНК, символы «азбуки Морзе», буквы и ноты сами по себе не являются информацией – только программный алгоритм их последова-

тельности превращает эти знаки в имеющие смысл и цель структуру и процесс, в информацию. Принципиально то, что природа этих негэнтропийных алгоритмов носит экзогенный характер в отношении формируемых на их базе систем: текст можно напечатать на станке, отлить на линолите или набрать на компьютере, но рождается он в голове автора. Простая компьютерная программа способна сгенерировать последовательность «случайных» чисел, однако вывести *из нее* уравнение этой программы невозможно; именно попытки отыскать эндогенные системам порождающие алгоритмы (программные коды) часто заводили исследователей в тупик.

Наша гипотеза, таким образом, состоит в том, что не акт случайного выбора системой есть *генерация информации* (при таком подходе отыскание содержания и природы информации подменяются описанием процесса ее генерации, толкуемой как случайный выбор, и, далее, запоминанием, обработкой чего-то так и не определенного, а просто названного процессом), но процесс и механизм *генерации реальности* через взаимодействие и адаптацию различных по сложности и качествам систем, алгоритмически обуславливающие вероятностный выбор, являются информацией¹.

Выбор, который делает открытая неравновесная система, взаимодействуя с внешней средой и отвечая на вызовы возмущений, всегда имеет целью формирование через уменьшение неопределенности (энтропии в определенном контексте) иного структурного качества, достижение когерентности системы в следующем моменте; они могут быть запомнены (зафиксированы) как результат процесса информации (с учетом вероятных «ошибок», случайностей, «программных сбоев» различного происхождения). И. Пригожин не изучал специально феномен информации, но открытые им *диссипативные* процессы, рождающие устойчивые порядки и балансы на грани хаоса в неравновесной системе при поступлении энергии извне, генерирующие негэнтропию и сбрасывающие энтропию (неопределенность, беспорядок) в среду – «порядок и беспорядок, таким образом, оказываются тесно связанными – один включает в себя другой» [Пригожин 1991: 49], можно назвать информационными по своей природе (не случайно, что основы теории диссипации заложил Алан Тьюринг).

Таким образом, процесс адаптации, воспроизводства и развития любой системы есть набор алгоритмических соизмеряющих реакций на постоянные внутренние/внешние возмущения и вызовы; возобновление и усложнение/упрощение структуры бытия в ходе нелинейной коммуникации разноуровневых систем есть *информационный* процесс, ибо «наиболее существенные черты информации рассматриваются как структурно-пространственная взаимосвязь и организация» [Колмаков 2004: 66]. Именно эти интенциональная взаимосвязь и со-организация системы и среды определяют реакции системы и «коридоры путей» ее развития как «ответа на вызов» и достижения цели. Данный механизм – алгоритм совершения целенаправленных действий – исследователи предлагают именовать «оператором», полагая, что «информацией можно назвать алгоритм построения

¹ Притом, что лат. *generatio* переводится именно как «рождение», процесс образования, воспроизводства, формирования нового, функция построения.

системы, обеспечивающей воспроизведение этой информации, функционально связанной со средой своего местоположения» [Корогодин, Корогодина 2000: 208]. Можно отчасти согласиться с подобной трактовкой (она, как и большинство предыдущих, описывает феномен информации через его же наименование), обобщив ее на все уровни «построения» реальности и учитывая, что алгоритм снижения неопределенности (информация) обеспечивает воспроизводство не информации о системе, но самой системы как информационной структуры.

Согласно концепции академика Б. Кадомцева, Вселенная представляет собой совокупность «вложенных» друг в друга иерархических систем. Сложные системы могут структурно «раслаиваться» на управляющие («информационные») и управляемые («динамические») подсистемы; первые способны воспринимать из внешней среды и «спускать вниз» очень слабые процессы обмена энергией – информационные сигналы (реагируя не на их интенсивность, а на их форму, то есть «смыслы»), а также создавать «тезаурус» – набор внутренних архивов, который позволяет производить «процессинг» входящей информации с выработкой управляющих сигналов, адресованных динамической подсистеме [Кадомцев 1997: 16, 331-344]. При этом самоорганизация системы возможна лишь при наличии двух «элементов питания» – энергии и негэнтропии (информации): оба эти элемента «поставляются» в систему из внешней среды и являются ее структурной основой.

Иначе говоря, механизм самоорганизации работает с учетом определяющего воздействия сигналов и влияний внешней среды, преобразованных управляющими подсистемами через контур обратной связи в адаптирующие структурные трансформации и новую траекторию движения динамической системы. Логично предположить, что источником этого воздействия, его информационной «матрицей» и параметром цели (аттрактором) служит сбалансированная структура иерархически более сложной системы или континуума таких систем как автотомодельного процесса; в общем смысле – *структура реальности*, коммуникативно и генеративно связанная информацией. Процесс и пространство такого нелинейного взаимодействия внутри открытых, иерархически организованных сложных систем, а также между системами, главным содержанием которого является генерация актуального сценария реальности (понимаемой как самоорганизация), мы называем информацией.

«Генератор реальности» и миры Эверетта. Возможности синергетического подхода к выработке концептуального определения информации наиболее полно проявляются при обращении к многомировой интерпретации Эверетта [Власова 2012: 23-27]. Физик Хью Эверетт предложил в 1957 г. оригинальное решение одной из «великих проблем» квантовой механики – упоминавшейся здесь «проблемы измерения» (или «проблемы наблюдателя»), заключенной в парадоксе – любую квантовую систему нельзя измерить, не нарушив при этом ее состояния. То есть само измерение является сообщением, воздействием на систему, создающим ее наблюдаемое состояние, а квантовый мир – основа мироздания – оказывается принципиально неопределенным.

«Копенгагенская» интерпретация квантовой механики разрешает этот парадокс тем, что утверждает: ненаблюдаемых состояний одних и тех же частиц действительно существует множество, но в момент измерения они редуцируются (стягиваются) в единственное достоверно реальное, отсекая альтернативы. Эта модель не избегает, однако, принципиального противоречия: микромир существует в ней по одним законам (квантовой неопределенности), а макромир – по другим (достоверно описываемым и измеряемым). Это противоречие, носящее глубокий мировоззренческий характер, призвана устранить модель Эверетта.

В ней не происходит редукции (необратимого выбора единственного сценария) в момент измерения системы. Вместо этого классически несоместимые состояния мира сосуществуют, находясь в суперпозиции, и *разделяются сознанием наблюдателя* в момент измерения на альтернативные реальности (миры Эверетта), фиксируя отдельное состояние или сценарий. Именно сознание как воздействующая система разделяет, «раслаивает» эти миры, наблюдает и «проживает» отдельные сценарии, на самом деле находящиеся в суперпозиции – вне времени, в состоянии обратимости. Позднейшие интерпретации концепции Эверетта предполагают, что компоненты квантовой суперпозиции соответствуют различным «локально предсказуемым» сценариям или «классическим мирам», которые достоверны и равнозначны, составляя универсум квантовой реальности (*Universe* превращается в *Multiverse*) и интегрируя, таким образом, механику микро- и макромира [Менский 2011: 94, 104].

В контексте нашей работы подобная модель принципиально уместна, так как именно информация представляется в ней процессом и механизмом *разделения альтернатив – снижения неопределенности* «спутанной» системой (в которой нивелируется дуализм наблюдателя и наблюдаемого, субъекта и объекта, «внешнего» и «внутреннего») и моделирования наиболее приемлемого с точки зрения достижения цели (ответа на вызов) сценария. То есть структурной генерацией реальности.

Идея Х. Патнэма о *функциональном изоморфизме* всего континуума различных по своим характеристикам систем раскрывает работу этого общего принципа, выводя его за рамки индивидуального сознания: «фактически одну и ту же структуру можно реализовать невероятно разнообразными способами» и значение имеет только имманентная структура единой реальности, а не «техническое обеспечение» (*hardware*), которое ее всякий раз феноменально репрезентирует. В этом смысле становится совершенно неважным, «из чего состоит» человек и его сознание как *система* – из материи, духовной субстанции или швейцарского сыра [Патнэм 1999: 88-98]; принципиально лишь то, что эта система функционально изоморфна любой другой и ее «программа» может быть представлена аналогичной программой компьютера или молекулы ДНК.

Информация выступает в этом смысле как универсальная *программа снижения неопределенности*. Генерация реальности в живой и неживой природе осуществляется в этой программе в рамках универсального алгоритма кросс-системной коммуникации посредством присущих различным

классам систем структурно-функциональных параметров (каналов взаимодействий), образуя контуры обратной связи; события в этой программе генерируются как «ответ на вызов», или *сообщение*, декодируемое системой в виде сценария реакции и целенаправленного действия. Среди известных на сегодня параметров такого взаимодействия можно назвать физические (масса частиц, заряд, гравитация), химические (молекулы, соединения, реакции), биологические (генотип, метаболизм, инстинкты), социальные (сознание, общественные отношения, политика), когнитивные (идеи, модели, трансценденция, виртуальность). На самом деле таких параметров может существовать бесконечное множество в формате развертывания изоморфной всем системам бытия структурно-функциональной матрицы коммуникативной генерации реальности, или «кода творения».

Если на уровне неживой природы коммуникативные негэнтропийные процессы носят «протоинформационный» характер взаимодействия-отражения, создавая тем не менее элементарные устойчивые упорядоченные структуры, то в живой природе и социуме появляется активное отношение к воздействиям среды, а «отражение превращается в информационную модель, в образ и используется в процессах управления и познания» [Тюхтин 1971: 43]. Превращаясь на уровне живого в *реакцию*, отражение становится информацией, интенционально формируя контуры обратной связи, кодируя реакции как ответ на ритмически повторяющиеся воздействия-вызовы внешней среды и «архивируя» эти данные в генетическом коде в целях воспроизводства системы и снижения энтропии. Здесь формируются *опережающие отражения*, или «предвосхищения» действительности [Анохин 1978: 20-24], как основа самоорганизации через выявление оптимальных сценариев действий живой системы, направленных на *достижение цели* приспособления и воспроизводства. Человек адаптирует и архивирует эти реакции и «предвосхищения» посредством кодирующих механизмов сознания-памяти, речи и знаковых систем в гигантском тезаурусе знаний, генерируя и обновляя множественные информационные модели реальности, в рамках которых осуществляется «снятие» неопределенности как самоорганизация социума и социальное действие.

«Центральным процессором» системы «человек-среда», преобразующим воздействия и сигналы мира (как «внешнего», так и «внутреннего» – эти дефиниции становятся условностью) в упорядоченный сценарий жизни, является головной мозг, проецирующий на «экран сознания» антропную картину мира, подобную голографическому отображению структуры бытия; информация представляется «интерфейсом» этой системы. На том уровне, где материальные системы граничат и коммуницируют с нематериальными (логическими и семантическими), речь идет об информации как процессе нелинейно детерминированного отражения и адаптации холистических феноменов *семантического континуума* в виде *виртуальной реальности* – целостности структур, качественно экзогенных миру вещества и энергии, но структурно и функционально изоморфных ему; результатом такого взаимодействия становится архитектура знания: творчество, экзистенциальные опыты, символы, модели, знаки и тексты.

Этот феномен был описан математиком Василием Налимовым, который интерпретировал в своей теории *вероятностного исчисления смыслов* сознание как открытую систему – как *текст*, носитель смыслов. Взаимодействуя с миром, сознание распоряжается своей текстовой природой, «распаковывая» смыслы в вероятностной байесовой логике: «...управляя, задает вопросы и прислушивается, получая ответы из ниоткуда, из мира метасемантики. Создавая новые тексты, сознание порождает новые миры – новые культуры. Сознание оказывается трансцендирующим устройством, связывающим разные миры. Оно выступает в роли творца – микродемиурга» [Налимов 2011: 137].

То, о чем писал Налимов в 1987 г. в терминах метафизики, сегодня мы бы назвали информационным взаимодействием открытых динамических систем в контексте спонтанной самоорганизации сознания, вероятностным процессом отражения и адаптации (генерации) структур и сценариев многомерной иерархии реальности. Общим содержанием этого процесса являются упорядочение и самоорганизация нестабильных систем, определение ими траектории движения и достижение новой когерентности, обеспечение *связности бытия*. Ключевым оператором, обеспечивающим работу такой модели, становится информация.

* * *

Исходя из сказанного, можно предложить следующее *определение информации*, интегрирующее наиболее существенные замечания, приведенные выше.

Информация – это универсальный вероятностный процесс генерации и адаптации открытой динамической системой, в ходе взаимодействия по характерным параметрам обратной связи с другими системами, актуальных сценариев (моделей) многомерной структуры реальности, снижающий неопределенность и регулирующий энтропию системы, обеспечивая ее упорядочение, воспроизводство и развитие.

Информация понимается также как философская категория, имеющая онтологический статус – атрибут бытия, содержательно характеризующий ключевую форму его структурно-функциональной организации, связности и движения в условиях фундаментальной неопределенности.

Главное содержание такой философской интерпретации информации заключается в том, что она снимает противоречие между неопределенностью мира как бесконечного числа сосуществующих вероятностей и определенным бытием системы, для воспроизводства и развития которой необходим лишь один необратимый сценарий. Иначе говоря, механизм информации является тем *генератором реальности*, который создает для системы в бесконечном наборе сценариев Мультивселенной «коридор путей», в котором возможны упорядоченность, жизнь, познание и развитие. При этом решается «проблема наблюдателя» (а также субъективности измерений и знания вообще): измерение становится частью генерирующей реальность процесса – информационного интерфейса «спутанных» систем, имплицитно содержащего рекурсию субъекта и объекта. Здесь открывается

возможность *синергийной онтологии*, а эпистемический дуализм оборачивается автопоэзисом, коммуникацией, контекстом.

Предлагаемая интерпретация понятия информации также позволяет снять очевидное противоречие между научно признанной с 1948 г. математической формулой измерения количества информации Шеннона (где мерой информации является степень уменьшения неопределенности, а единицей информации служит *1 бит*) и показательным отсутствием четкой корреляции счетного определения *количества информации* с различными расплывчатыми определениями *содержания* этого понятия («отражение», «разнообразие» и прочее не могут исчисляться в битах, а «случайный выбор» не несет достаточной смысловой нагрузки). Философская трактовка информации как вероятностного процесса генерации реальности через коммуникационное взаимодействие системы и среды («ответ на вызов»), позволяет устранить это противоречие: «бинарный код» (bit) в качестве обозначения вероятности событий (опыта, имеющего два равновероятных исхода) или количества информации в ответе на вопрос, допускающем лишь одно из значений («да» и «нет», 0 и 1), становится естественным способом измерения вероятностного опыта-исхода (сценария реальности в предложенном понимании). Бит – единица информационной реальности, сочетающая в себе процессуальность и дискретность, вероятностность и определенность, – органично вписывается, таким образом, в квантовую парадигму современного миропонимания.

Принципиальным моментом является также то, что адаптация модели Эверетта позволяет лучше объяснить появление *нового* в русле синергетической парадигмы, не прибегая к неоправданным ссылкам на трансценденцию и не абсолютизируя роль случайности в саморазвитии. В рамках этой модели все вероятности и события являются *заданными суперпозицией состояний* и автомодельными процессами; речь идет о механизмах их выявления и адаптации для той или иной системы по определенному сценарию для данного момента («снимка бытия»). Таким механизмом является вероятностный информационный процесс, осуществляемый в многообразных контурах обратной связи, межсистемных коммуникаций и спецификаций; можно предположить, что индивидуальное сознание в его современной форме развилось именно как способ представить в социально приемлемом формате, обозначить и описать актуальную для человека модель реальности.

Ключевую роль в построении такой модели-сценария человеческим сознанием играют в качестве контуров обратной связи с семантической метасистемой (как одной из структур реальности Мультивселенной) параметры духовной и психической жизни: коллективное бессознательное и его архетипы, религиозные опыты, эстетические ценности, моральные и этические нормы и идеалы, мировоззренческие концепции и социальные конструкции, мемотические комплексы. Будучи интегрированы сознанием через *семиосферу* [Лотман 2015: 176] в символах, образах и текстах, эти структурные элементы семантической реальности воплощают основу человеческой культуры. Представления людей *реально* генерируют социальную среду вокруг них; именно поэтому для каждой культуры и группы общества сценарии реальности оказываются разными.

Адекватность и скорость реализации информации в различных взаимодействующих социально-политических средах (часто живущих в разных «темпомирах») всегда, а сегодня в особенности, определяющим образом влияют на динамику общественных и экономических процессов, развивая или искривляя социальное пространство, задавая суммарный результат происходящих трансформаций [Подопригора 2006: 56-59]. Трактовка информации как вероятностного процесса программной генерации реальности представляется продуктивной для современной информационной эпохи, особенно значимой в контексте изучения и моделирования социальных явлений.

Материал поступил в редколлегию 01.03.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдеев Р.Ф. 1994. Философия информационной цивилизации. М. : Владос. 336 с.
- Анохин П.К. 1978. Философские аспекты теории функциональной системы. М. : Наука. 400 с.
- Винер Н. 1958. Кибернетика и общество. М. : Изд-во иностр. лит. 200 с.
- Власова С.В. 2012. Многомировая интерпретация квантовой механики и множество миров Н. Гудмена // Рос. гуманит. журн. Т. 1, № 1. С. 23-29.
- Волков Д.Б. 2008. Теория сознания Д. Деннета : автореф. дис. .... канд. филос. наук. М. 30 с.
- Глик Д. 2013. Информация. История. Теория. Поток. М. : АСТ. 573 с.
- Девис П. 1989. Суперсила. Поиски единой теории природы. М. : Мир. 272 с.
- Дойч Д. 2015. Структура реальности. М. : Альпина нон-фикшн. 429 с.
- Кадомцев Б.Б. 1997. Динамика и информация. М. : Ред. журн. «Успехи физ. наук». 400 с.
- Кастлер Г. 1967. Возникновение биологической организации. М. : Мир. 89 с.
- Князева Е.Н., Куркина Е.С. 2011. Природа сложности: методологические следствия математического моделирования эволюции сложных структур // Синергетическая парадигма / отв. ред. В.И. Аршинов. М. : Прогресс-традиция. Вып. 7: Синергетика инновационной сложности. С. 443-464.
- Колин К.К. 2008. Структура реальности и феномен информации // Открытое образование. № 5. С. 56-61.
- Колмаков В.Ю. 2004. Информация, информационность, виртуальность. Красноярск : Изд-во Сиб. гос. тех. ун-та. 357 с.
- Корогодина В.И., Корогодина В.Л. 2000. Информация как основа жизни. Дубна : Феникс. 208 с.
- Ллойд С. 2013. Программируя Вселенную. Квантовый компьютер и будущее науки. М. : Альпина нон-фикшн. 255 с.
- Лотман Ю.М. 2015. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука. 416 с.
- Мелик-Гайказян И.В. 1997. Информационные процессы и реальность. М. : Наука : Физматлит. 192 с.
- Мелик-Гайказян И.В. 2011. Законы информации как добыча синергетического бумеранга // Синергетическая парадигма / отв. ред. В.И. Аршинов. М. : Прогресс-традиция. Вып. 7: Синергетика инновационной сложности. С. 464-480.
- Менский М.Б. 2011. Сознание и квантовая механика : Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности) / авторизир. пер. с англ. В.М. Ваксмана. Фрязино : Век 2. 320 с.

- Моисеев Н.Н. 1998. Расставание с простотой. М. : Аграф. 480 с.
- Налимов В.В. 2011. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Акад. проект. 399 с.
- Отраднава О.А. 2012. Проблема онтологического статуса информации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 1. С. 128-132.
- Патнэм Х. 1999. Философия сознания. М. : Дом интеллектуал. кн. 240 с.
- Подопригора А.В. 2006. Революция регионов. Россия на пороге глобальной трансформации. М. : Олма. 320 с.
- Пригожин И.Р. 1991. Философия нестабильности // Вопр. философии. № 6. С. 46-52.
- Разин А.В. 2015. Философия : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Проспект. 496 с.
- Середа С.Г. 2011. Анализ понятия «информация» – метафоры и трактовки // Дистанц. и виртуал. обучение. № 12. С. 130-149.
- Тюхтин В.С. 1971. Теория отражения в свете современной науки. М. : Наука. 48 с.
- Уайтхед А. 1990. Избранные работы по философии. М. : Прогресс. 702 с.
- Урсул А.Д. 2010. Природа информации. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 231 с.
- Чернавский Д.С. 2004. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М. : Едиториал УРСС. 288 с.
- Шеннон К. 1963. Работы по теории информации и кибернетике. М. : Изд-во иностр. лит. 827 с.
- ГОСТ 7.0-99. СИБИД. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения [Электронный ресурс]. Взамен ГОСТ 7.0-84, ГОСТ 7.26-80 ; введ. 2000-07-01. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200004287> (дата обращения: 20.02.2016).
- Стандарт ISO/IEC 2382-1:1993. Термины и определения [Электронный ресурс]. URL: http://elib.sbras.ru:8080/jspui/bitstream/SBRAS/9193/1/ISO-IEC_2382-1.pdf (дата обращения: 20.02.2016).

References

- Abdeev R.F. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii* [Philosophy of information civilization], Moscow, Vldos, 1994, 336 p. (in Russ).
- Anokhin P.K. *Filosofskie aspekty teorii funktsional'noy sistemy* [Philosophical aspects of the theory of functional systems], Moscow, Nauka, 1978, 400 p. (in Russ).
- Chernavskiy D.S. *Sinergetika i informatsiya. Dinamicheskaya teoriya informatsii* [Synergetics and Information. Dynamic information theory], Moscow, Editorial URSS, 2004, 288 p. (in Russ).
- Colin K.K. *Struktura real'nosti i fenomen informatsii* [The structure of reality and the phenomenon of information], *Otkrytoe obrazovanie*, 2008, no. 5, pp. 56-61. (in Russ).
- Davies P. *Supersila. Poiski edinoy teorii prirody* [Superpower. The search for a unified theory of nature], Moscow, Mir, 1989, 272 p. (in Russ).
- Deutsch D. *Struktura real'nosti* [The structure of reality], Moscow, Al'pina non-fikshn, 2015, 429 p. (in Russ).
- Glick D. *Informatsiya. Istoriya. Teoriya. Potok* [Information. History. Theory. Flow], Moscow, AST, 2013, 573 p. (in Russ).
- GOST 7.0-99. SIBID. *Informatsionno-bibliotchnaya deyatel'nost', bibliografiya. Terminy i opredeleniya. Vzamen GOST 7.0-84, GOST 7.26-80 ; vved. 2000-07-01* [Standard 7.0-99. SIBID. System of standards on information, librarianship and publishing. Information and librarian activity, bibliography. Terms and definitions], available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200004287> (accessed 20 February 2016). (in Russ.).

Kadomtsev B.B. *Dinamika i informatsiya* [Dynamics and information], Moscow, Red. zhurn. «Uspekhi fiz. nauk», 1997, 400 p. (in Russ).

Kastler G. *Vozniknovenie biologicheskoy organizatsii* [The emergence of biological organization], Moscow, Mir, 1967, 89 p. (in Russ).

Knyazeva E.N., Kurkina E.S. *Priroda slozhnosti: metodologicheskie sledstviya matematicheskogo modelirovaniya evolyutsii slozhnykh struktur* [Nature: methodological investigation of mathematical modeling of the evolution of complex structures], V.I. Arshinov (resp. ed.) *Sinergeticheskaya paradigm*, Moscow, Progress-traditsiya, 2011, iss. 7, pp. 443-464. (in Russ).

Kolmakov V.Yu. *Informatsiya, informatsionnost', virtual'nost'* [Information, informativeness, virtuality], Krasnoyarsk, Izd-vo Sib. gos. tekhn. un-ta, 2004, 357 p. (in Russ).

Korogodin V.I. Korogodina V.L. *Informatsiya kak osnova zhizni* [Information as the basis of life], Dubna, Feniks, 2000, 208 p. (in Russ).

Lloyd S. *Programmiruyaya Vselennuyu. Kvantovyy komp'yuter i budushchee nauki* [Programming the Universe. A quantum computer, and the future of science], Moscow, Al'pina non-fikshn, 2013, 255 p. (in Russ).

Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside minded worlds], St. Petersburg, Azbuka, 2015, 416 p. (in Russ).

Malik-Gaykazyan I.V. *Zakony informatsii kak dobycha sinergeticheskogo bumeranga* [Information act as prey boomerang synergetic synergetic paradigm], V.I. Arshinov (resp. ed.) *Sinergeticheskaya paradigm*, Moscow, Progress-traditsiya, 2011, iss. 7, pp. 464-480. (in Russ).

Melik-Gaykazyan I.V. *Informatsionnye protsessy i real'nost'* [Information Processes and reality], Moscow, Nauka, Fizmatlit, 1997, 192 p. (in Russ).

Mensky M.B. *Soznanie i kvantovaya mekhanika : Zhizn' v parallel'nykh mirakh (Chudesna soznaniya – iz kvantovoy real'nosti)* [Consciousness and Quantum Mechanics: Life in Parallel Worlds (Miracles of Consciousness from Quantum Mechanics)], Fryazino, Vek 2, 2011, 320 p. (in Russ).

Moiseev N.N. *Rasstavanie s prostotoy* [Parting with ease], Moscow, Agraf, 1998, 480 p. (in Russ).

Nalimov V.V. *Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [The spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meaning and the meaning architectonics personality], Moscow, Akad. proekt, 2011. 399 p. (in Russ).

Otradnova O.A. *Problema ontologicheskogo statusa informatsii* [The problem of the ontological status of information], *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, 2012, no. 1, pp.128-132. (in Russ).

Podoprigora A.V. *Revolyutsiya regionov. Rossiya na poroge global'noy transformatsii* [Revolution regions. Russia on the verge of global transformation], Moscow, Olma, 2006, 320 p. (in Russ).

Prigogine I.R. *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy instability], *Vopr. filosofii*, 1991, no. 6, pp. 46-52. (in Russ).

Putnam H. *Filosofiya soznaniya* [The philosophy of consciousness], Moscow, Dom intellektual. kn., 1999, 240 p. (in Russ).

Razin A.V. *Filosofiya : ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Philosophy: Textbook for university students], Moscow, Prospekt, 2015, 496 p. (in Russ).

Sereda S.G. *Analiz ponyatiya «informatsiya» – metafory i traktovki* [Analysis of the concept of “information” – metaphors and interpretations], *Distants. i virtual. obuchenie*, 2011, no. 12, pp. 130-149. (in Russ).

Shannon C. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on information theory and cybernetics], Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1963, 827 p. (in Russ).

Standart ISO/IEC 2382-1:1993. Terminy i opredeleniya [Standard ISO/IEC 2382-1:1993. Information technology], available at: http://elibr.sbras.ru:8080/jspui/bitstream/SBRAS/9193/1/ISO-IEC_2382-1.pdf (accessed 20 February 2016). (in Russ.).

Tyukhtin V.S. *Teoriya otrazheniya v svete sovremennoy nauki* [The theory of reflection in the light of modern science], Moscow, Nauka, 1971, 48 p. (in Russ.).

Ursul A.D. *Priroda informatsii* [Nature of information], Chelyabinsk, Chelyab. gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2010, 231 p. (in Russ.).

Vlasov S.V. *Mnogomirovaya interpretatsiya kvantovoy mekhaniki i mnozhestvo mirov N. Gudmena* [The many-worlds interpretation of quantum mechanics, and many worlds N. Goodman], *Ros. gumanit. zhurn.*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 23–29. (in Russ.).

Volkov D.B. *Teoriya soznaniya D. Denneta : avtoref. dis. .... kand. filos. nauk* [The theory of consciousness D. Dennett: abstr. of diss.], Moscow, 2008, 30 p. (in Russ.).

Whitehead A. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy], Moscow, Progress, 1990, 702 p. (in Russ.).

Winer N. *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society], Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1958, 200 p. (in Russ.).

Alexander V. Podoprigora, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Education Research Centre, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences and Chelyabinsk State University, Chelyabinsk. E-mail: agora821@gmail.com.

REALITY GENERATOR: INFORMATION AND MECHANISMS OF SELF-ORGANIZATION

Abstract: The article integrates the existent approaches to the definition of the notion of “information”, and specifies a task of elaborating conceptual presentation of the self-consistent content of this notion, as well as the need for more precise definition of its place in the system of philosophical knowledge. Informational aspect lying at the base of any physical, biological or social process becomes apparent now; this fact gives rise to a disciplinary limitation and tautologies in its interpretations. Information as such is identified with one or other special findings, data, knowledge relating to processes and phenomena; information often presents itself as a mere function of human consciousness and a component of communication. In other instances, it is the attributive nature of this category that is solely emphasized, whereas its content is reduced to various properties of matter, substance and psychophysical phenomena. It is a common practice to consider information as *a message about something*, which constitutes a fact, an event of reality distinctive from the message itself. Another extremity of approaches consists in considering information as having a status of substance and principium of existence. The article emphasizes the relevancy of the new philosophical interpretation of the nature of information in the context of the synergetic paradigm, which integrates modern conceptualizations of various scientific disciplines, and counterbalances traditional antitheses of matter – spirit, subject – object. Definition of information is proposed herein based on the adaptation of approaches of C.L. Shannon and N. Wiener, the use of Everett’s interpretation and the theory of dynamic systems: information is universal probabilistic process of generating structures of reality within the framework of intersystem interaction in conditions of the fundamental indetermination of existence.

Keywords: information, structure, reality, self-organization, dynamic systems, indetermination, simulation, reflection, probability.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

2016. Том 16. Вып. 4, с. 33–44

<http://yearbook.uran.ru>

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИИ

УДК 342.97

Елена Григорьевна Дьякова

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: gf-urfo@bk.ru

В статье рассматриваются процессы формирования нормативно-правовой базы общественных советов при органах исполнительной власти. Впервые проведен сравнительный анализ механизмов формирования региональных общественных палат и общественных советов при региональных органах исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровне (на примере субъектов Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа). Показано, что федеральные новеллы, направленные на повышение самостоятельности общественных советов и усиление их независимости от органов исполнительной власти, пока слабо реализуются на уровне регионов, что выражается, в частности, в том, что региональные общественные палаты оказывают сравнительно небольшое влияние на формирование общественных советов. Сделан вывод о том, что региональное законодательство в части взаимодействия общественных палат и общественных советов целесообразно привести в соответствие с федеральными трендами.

Ключевые слова: общественные советы, общественные палаты, общественный контроль, гражданское общество, нормативно-правовая база.

Гражданское общество как целостный социальный организм представляет собой сложную систему институтов и организаций, обладающих различными правовыми статусами и выполняющих различные функции. Существуют разнообразные подходы к описанию сущностных характеристик гражданского общества. Так, С.А. Чулюкова выделяет следующие характеристики (признаки):

- социальность (артикуляция социальных интересов и устремлений, отношений между людьми, а не между людьми и вещами);
- автономность (от государства);
- гражданственность (цивилизованность, то есть умение так или иначе учитывать интересы других и общества в целом, действовать в правовых рамках);
- добровольность участия и связей (преобладание горизонтальных связей над вертикальными) [Чулюкова 2012: разд. 1.2].

Принцип добровольности участия рассматривается в качестве системообразующей характеристики гражданского общества также И.С. Усватовым [Усватов 2009] и Н.С. Гегедюш [Гегедюш 2014].

Добровольность выступает в качестве важнейшей характеристики Некоммерческих неправительственных организаций (ННО) в Федеральных законах от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Федеральный закон № 82-ФЗ, 1995; Федеральный закон № 7-ФЗ, 1996].

Однако в структуре гражданского общества имеются организации с более сложным, «пограничным» правовым статусом, непосредственно вписанные в систему публичной власти. С.А. Чулюкова относит к числу пограничных, или гибридных, форм органы местного самоуправления, выражающие «низовые» интересы [Чулюкова 2012: разд. 1.2]. В целом вопрос о том, можно ли рассматривать местное самоуправление как институт гражданского общества, является остро дискуссионным.

Еще больше ситуация усложняется, когда речь идет об организациях, не просто вписанных в систему публичной власти, но и формируемых по инициативе властных субъектов. К их числу относятся общественные палаты и общественные советы. Специалисты по административному праву определяют их как особую организационную форму взаимодействия между обществом и властью, создаваемую на основе конкретных правовых актов [Руденко 2007: 119]. Это взаимодействие осуществляется прежде всего в виде общественного контроля.

В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» общественные палаты и общественные советы всех уровней выступают в качестве субъектов общественного контроля [Федеральный закон № 212-ФЗ, 2014: п. 1, ст. 9].

При этом перечень субъектов общественного контроля в законе является открытым. Наряду с общественными палатами и общественными советами всех уровней его также могут осуществлять общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного

контроля. Существуют также понятия общественного инспектора и общественного эксперта и даже понятие «инога лица общественного контроля» [Гаганов 2014].

Ответ на вопрос о том, чем различаются между собой субъекты общественного контроля в части механизмов формирования и направлений (а не принципов) деятельности, в федеральном законе отсутствует. Его приходится искать в других федеральных законах и подзаконных актах.

Например, деятельность такого специфического субъекта, как общественные наблюдательные комиссии, регулируется особо Федеральным законом от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [Федеральный закон № 76-ФЗ, 2008]. Механизмы формирования и деятельность Общественной палаты Российской Федерации на федеральном уровне регулируются Федеральным законом от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (в редакции от 28 ноября 2015 г.) [Федеральный закон № 32-ФЗ, 2005].

Что касается общественных советов, то на федеральном уровне механизмы их формирования и деятельности определяются «Стандартом деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение)» (далее – Стандарт). В соответствии со Стандартом общественные советы осуществляют согласование интересов конкретных органов государственной власти и граждан, непосредственно затрагиваемых деятельностью этих органов. Их деятельность призвана обеспечить учет потребностей и интересов граждан, защиту прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений при осуществлении государственной политики в части, относящейся к сфере деятельности органа исполнительной власти [Стандарт деятельности... 2015: п. 1.2].

Это означает, что сфера компетенции общественных советов в области общественного контроля уже сферы компетенции Общественной палаты РФ. По букве Федерального закона от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ, деятельность Общественной палаты РФ направлена на согласование интересов власти и граждан в принципиальных вопросах, касающихся общего блага [Федеральный закон № 32-ФЗ, 2005: ст. 2]. В правовых нормах, регулирующих формирование и деятельность Общественной палаты, отражаются интересы общества в целом, а в правовых нормах, регулирующих общественные советы, – интересы референтных групп.

Общественная палата выполняет по отношению к общественным советам еще одну, особую, функцию – она выступает в качестве одного из субъектов их формирования.

Следует подчеркнуть, что федеральная нормативно-правовая база последовательно развивалась в направлении расширения полномочий Общественной палаты при формировании общественных советов. Если согласно первоначальной редакции Федерального закона № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» Совет Общественной палаты РФ имел

право обратиться к руководителю федерального органа исполнительной власти с предложением создать общественный совет [Федеральный закон № 32-ФЗ, 2005: п. 1, ст. 20], то Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 235-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об Общественной палате Российской Федерации”» Совет получил право принимать участие в его формировании [Федеральный закон № 235-ФЗ, 2013: ст. 5].

Конкретные механизмы формирования общественных советов, как они определяются последним вариантом Стандарта, вообще исключают участие федерального органа исполнительной власти: 75% кандидатур в общественный совет выдвигает Общественная палата РФ, а оставшиеся 25% – Экспертный совет при Правительстве) [Стандарт деятельности... 2015: ст. 1, п. 1.3]. Федеральный орган исполнительной власти просто утверждает предложенный список после его согласования с Правительственной комиссией по координации деятельности Открытого правительства.

Данный механизм призван обеспечить, с одной стороны, самостоятельность и независимость членов общественных советов от органов власти, а с другой – достаточную степень их экспертной компетентности, для того чтобы их оценки носили объективный и взвешенный характер.

Таким образом, эволюция федерального законодательства привела к тому, что Общественная палата РФ выступает одновременно субъектом общественного контроля в принципиальных вопросах, касающихся общего блага, и субъектом формирования общественных советов как субъектов общественного контроля за деятельностью конкретных органов власти.

Резкое повышение роли Общественной палаты РФ в отношении общественных советов как субъектов общественного контроля позволило руководителям Общественной палаты и целому ряду экспертов сделать вывод о «перезагрузке» всей системы общественных советов на федеральном уровне. К началу 2016 г. сформированные на новых принципах общественные советы начали работу в целом ряде федеральных ведомств. Пилотными ведомствами стали Министерство транспорта и Министерство природных ресурсов РФ.

В какой мере федеральный тренд на повышение роли Общественной палаты как субъекта формирования общественных советов отражается на региональном уровне? В табл. 1 представлены результаты анализа региональных законов и подзаконных актов, которые приняты в субъектах Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, и определяют порядок формирования и деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти (РОИВ).

Как видно из данных табл. 1, каждая из региональных общественных палат имеет собственный набор полномочий. Так, Общественная палата ЯНАО имеет право выступить инициатором создания общественного совета, но организатором отборочного конкурса не является [Закон Ямало-Ненецкого автономного округа № 139-ЗАО, 2015; Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа № 322-П, 2015]. Общественная палата Курганской области, наоборот, являясь организатором конкурса, не

**Рецепция федерального законодательства
об общественных советах на региональном уровне**

Нормативно-правовая база	Наличие полномочий у общественных палат по формированию общественных советов		
	Инициировать формирование	Организовывать конкурс	Влиять на утверждение состава
Федеральный уровень	Да	Да	Да
Курганская область	Нет	Да	Нет
Свердловская область	Нет	Нет	Да
Тюменская область	нет	нет	нет
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Нет	Нет	Да
Челябинская область	Нет	Нет	Нет
Ямало-Ненецкий автономный округ	Да	Нет	Да

может выступать с инициативой о создании общественного совета [Закон Курганской области № 132, 2015].

Общественная палата Ханты-Мансийского автономного округа – Югры не просто предлагает собственных кандидатов, но определяет половину состава любого общественного совета при органах исполнительной власти, однако также не может выступать с инициативой о создании общественного совета [Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 96-оз, 2014; Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 142, 2014]. Точно также Общественная палата Свердловской области влияет на состав общественного совета, но не может ни инициировать его формирование, ни стать организатором конкурса [Постановление Правительства Свердловской области № 65-пп, 2014].

Общественные палаты Тюменской и Челябинской областей имеют право только выдвигать своих кандидатов (наряду с другими институтами гражданского общества) и не обладают полномочиями ни инициировать формирование общественных советов, ни влиять на их состав [Закон Тюменской области № 5, 2015, Постановление Правительства Тюменской области № 86-П, 2015; Закон Челябинской области № 155-ЗО, 2015].

Выборочный характер региональной рецепции федеральных нормативно-правовых актов приводит к тому, что общественные советы при федеральных органах исполнительной власти формируются прежде всего под влиянием исполнительной власти.

Согласно данным проведенного нами мониторинга формирования и эффективности деятельности общественных советов, в 2015–2016 гг. произошло обновление состава почти половины (46,9%) общественных советов Уральского федерального округа. В Курганской, Свердловской и Челябинской

областях была осуществлена ротация около 40% всех общественных советов, а в Тюменской области, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Ямало-Ненецком автономном округе – примерно 80% (табл. 2).

Таблица 2

**Доля общественных советов при РОИВ УрФО,
подвергнутых ротации в 2015 г. – 1-м квартале 2016 г.,
% к общему числу общественных советов
в субъекте Федерации**

	Количество общественных советов при РОИВ, в которых прошла ротация
Ямало-Ненецкий автономный округ	84,5
Тюменская область	80,0
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	77,5
Свердловская область	42,9
Челябинская область	41,2
Курганская область	40,0

Однако в результате ротации доля общественных советов, вообще не имеющих представителей ННО во всех субъектах Федерации, кроме Ямало-Ненецкого автономного округа, выросла (табл. 3).

Таблица 3

**Представленность ННО в общественных советах
при РОИВ УрФО в динамике, % от общего количества
общественных советов**

Субъект Федерации	Доля общественных советов, вообще не имеющих представителей ННО	
	1 июня 2015 г.	1 апреля 2016 г.
Курганская область	29,4	32,0
Свердловская область	–	3,5
Тюменская область	–	17,6
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	–	22,5
Челябинская область	–	13,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	16,6	6,2

Полученный результат заставляет предположить, что действующий на региональном уровне механизм формирования общественных советов при органах исполнительной власти не позволяет в полной мере отражать интересы референтных групп, в том числе и потому, что региональный законо-

датель существенно ограничивает возможности региональных общественных палат влиять на формирование общественных советов.

Вывод, сделанный на основе анализа законодательства субъектов Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, безусловно, нельзя безоговорочно экстраполировать на все российские регионы. Было бы целесообразно в рамках выполнения поручения Президента РФ от 9 августа 2015 г., в котором поставлена задача совершенствования деятельности советов при региональных органах исполнительной власти с учетом сложившейся практики организации деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти [Перечень поручений... 2015: п. 4], осуществить более полный анализ регионального законодательства. Однако в целом повышение роли региональных общественных палат при формировании общественных советов при региональных органах исполнительной власти с внесением соответствующих изменений в региональную нормативно-правовую базу является весьма актуальной проблемой. Приведение регионального законодательства в большее соответствие с федеральными трендами будет способствовать укреплению самостоятельности и независимости общественных палат и общественных советов, а следовательно, и росту эффективности их работы.

Материал поступил в редколлегию 23.03.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гаганов А. 2014. Общественный контроль в России // Центр научной политической мысли и идеологии. 22 июля. URL: <http://rusrand.ru/actuals/obschestvennyj-kontrol-v-gossii> (дата обращения: 01.04.2016).

Гегедюш Н.С. 2014. Структурирование гражданского общества: традиции и современность // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Социология. Политология. Т. 14, вып. 1. С. 54-58.

Руденко В.Н. 2007. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравн. конституц. обозрение. № 4 (61). С. 116-124.

Чулюкова С.А. 2012. Общественные организации (объединения) и их роль в становлении гражданского общества. М. : Акад. естествознания. 281 с. URL: <http://www.rae.ru/monographs/164-5179> (дата обращения: 15.03.2016).

Усватов И.С. 2009. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в рос. законодательстве. № 4. С. 82-86.

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 31.01.2016) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102035642 (дата обращения: 15.03.2016).

Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 31 января 2016) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039064> (дата обращения: 15.03.2016).

Федеральный закон от 04 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12139493/> (дата обращения: 15.03.2016).

Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102152693&backlink=1&&nd=102122551> (дата обращения: 15.03.2016).

Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 235-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» // Рос. газ. 2013. 26 июля. URL: <http://rg.ru/2013/07/26/palata-dok.html> (дата обращения: 15.03.2016).

Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220010> (дата обращения: 15.03.2016).

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2012. № 19. Ст. 2338. URL: <http://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения: 15.03.2016).

Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам пленарного заседания Общественной палаты Российской Федерации, состоявшегося 23 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Рос. Федерации. 2015. 09 авг. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50118> (дата обращения: 15.03.2016).

Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти : Типовое положение (утв. Протоколом № 3 заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu%20mert> (дата обращения: 15.03.2016).

Закон Курганской области от 24 декабря 2015 года № 132 «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля в Курганской области» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2015. 29 дек. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4500201512290011> (дата обращения: 15.03.2016).

Закон Тюменской области от 25 февраля 2015 года № 5 «Об осуществлении общественного контроля в Тюменской области» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2015. 25 февр. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7200201502250001> (дата обращения: 15.03.2016).

Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 ноября 2014 г. № 96-оз «Об общественном контроле в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8600201411260011> (дата обращения: 15.03.2016).

Закон Челябинской области от 13 апреля 2015 года № 155-ЗО «Об общественном контроле в Челябинской области» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2015. 14 апр. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7400201504140001> (дата обращения: 15.03.2016).

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 21 декабря 2015 года № 139-ЗАО «Об общественном контроле в Ямало-Ненецком автономном округе» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900201512290027> (дата обращения: 15.03.2016).

Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 25 декабря 2014 г. № 142 «О порядке образования общественных советов и типовом положении об общественном совете при исполнительном органе государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (с изм. на 17.04.2015) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/411714634> (дата обращения: 15.03.2016).

Постановление Правительства Свердловской области от 7 февраля 2014 г. № 65-пп «Об утверждении Порядка образования общественных советов при областных исполнительных органах государственной власти Свердловской области» (в ред. Постановления Правительства Свердловской области от 29 июля 2015 года № 691-ПП) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6600201508060011> (дата обращения: 15.03.2016).

Постановление Правительства Тюменской области от 25 апреля 2013 г. № 131-п «О порядке образования и Типовых правилах организации деятельности общественных советов при исполнительных органах государственной власти Тюменской области» [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admtumen.ru/ogv_ru/gov/administrative/culture_department/more.htm?id=11114394@cmsArticle (дата обращения: 15.03.2016).

Постановление Правительства Тюменской области от 17 марта 2015 г. № 86-П «О внесении изменения в постановление от 25.04.2013 № 131-п» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7200201503200021> (дата обращения: 15.03.2016).

Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 13 апреля 2015 года № 322-П «Об утверждении Типового положения об Общественном совете при исполнительном органе государственной власти» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900201504170027> (дата обращения 15.03.2016).

References

Chulyukova S.A. *Obshchestvennye organizatsii (ob'edineniya) i ikh rol' v stanovlenii grazhdanskogo obshchestva* [Noncommercial organizations (associations) and their role in the development of civil society], Moscow, Akad. estestvoznaniya, 2012, 281 p., available at: <http://www.rae.ru/monographs/164-5179> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 04 aprelya 2005 g. № 32-FZ «Ob Obshchestvennoy palate Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 28.11.2015) [The Federal Law of April 4, 2005 No. 32-FZ “On the Civic Chamber of the Russian Federation”], available at: <http://base.garant.ru/12139493/> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 10 iyunya 2008 g. № 76-FZ «Ob obshchestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya i o sodeystvii litsam, nakhodyashchimsya v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [The Federal Law of June 10, 2008 No. 76-FZ “On civic control over ensuring human rights in places of detention and on the assistance of persons in places of detention”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102152693&backlink=1&&nd=102122551> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 12 yanvarya 1996 g. № 7-FZ (red. ot 31 yanvarya 2016 g.) «O nekommercheskikh organizatsiyakh» [The Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ “On Noncommercial Organizations”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available

at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039064> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 19 maya 1995 g. № 82-FZ «Ob obshchestvennykh ob'edineniyakh» (red. ot 31.01.2016) [The Federal Law of May 19, 1995 No. 82-FZ “On Public Associations”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102035642 (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii» [The Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ “On the Foundations of Civic Control in the Russian Federation”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220010> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 23 iyulya 2013 g. N 235-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «Ob Obshchestvennoy palate Rossiyskoy Federatsii» [The Federal Law of July 23, 2013 No. 235-FZ “On Amending the Federal Law “On the Public Chamber of the Russian Federation”], *Ros. gaz.*, 2013, 26 July, available at: <http://rg.ru/2013/07/26/palata-dok.html> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Gaganov A. *Obshchestvennyy kontrol' v Rossii* [Civic control in Russia], *Tsentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii*, 2014, 22 July, available at: <http://rusrand.ru/actuals/obshchestvennyj-kontrol-v-rossii> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Gegedyush N.S. *Strukturirovanie grazhdanskogo obshchestva: traditsii i sovremennost'* [Structuring of civil society: tradition and modernity], *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya*, 2014, vol. 14, no 1, pp. 54-58. (in Russ.).

Perechen' porucheniy Prezidenta Rossiyskoy Federatsii po itogam plenarnogo zasedaniya Obshchestvennoy palaty Rossiyskoy Federatsii, sostoyavshegosya 23 iyunya 2015 goda [The list of instructions of the President of the Russian Federation according to the results of the plenary session of the Civic Chamber of the Russian Federation held on June 23, 2015], *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Roc. Federatsii*, 2015, 09 August, available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50118> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Postanovlenie Gubernatora Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry ot 25 dekabrya 2014 g. № 142 «O poryadke obrazovaniya obshchestvennykh sovetov i tipovom polozenii ob obshchestvennom sovete pri ispolnitel'nom organe gosudarstvennoy vlasti Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry» (s izm. Na 17.04.2015) [Resolution of the Governor of the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra on December 25, 2014 N 142 “On the procedure for the formation of civic councils and model provision of the civic council at the executive body of state power of the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://docs.cntd.ru/document/411714634> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 7 fevralya 2014 g. № 65-pp «Ob utverzhdenii Poryadka obrazovaniya obshchestvennykh sovetov pri oblastnykh ispolnitel'nykh organakh gosudarstvennoy vlasti Sverdlovskoy oblasti» (v red. Postanovleniya Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 29 iyulya 2015 goda № 691-PP) [Resolution of the Government of Sverdlovsk region on July 29, 2015 № 691-PP “On Amending Resolution of the Government of Sverdlovsk region on February 2014 N 65-pp”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6600201508060011> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Tyumenskoy oblasti ot 17 marta 2015 goda № 86-P «O vnesenii izmeneniya v postanovlenie ot 25.04.2013 № 131-p» [Resolution of the Government of Tyumeb region on March 17, 2015 № 131-p “On Amending Resolution on April 25, 2013”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7200201503200021> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Tyumenskoj oblasti ot 25 aprelya 2013 goda № 131-p «O poryadke obrazovaniya i Tipovykh pravilakh organizatsii deyatel'nosti obshchestvennykh sovetov pri ispolnitel'nykh organakh gosudarstvennoy vlasti Tyumenskoj oblasti» [Resolution of the Government of Tyumen region on April 25, 2013 № 131-p “On the Order of Formation and Model Regulations of Civic Councils of Executive Bodies of the Government of the Tyumen Region”], *Ofitsial'nyy portal organov gosudarstvennoy vlasti Tyumenskoj oblasti*, available at: https://admtyumen.ru/ogv_ru/gov/administrative/culture_department/more.htm?id=11114394@cmsArticle (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 13 aprelya 2015 goda № 322-P «Ob utverzhdenii Tipovogo polozheniya ob Obshchestvennom sovete pri ispolnitel'nom organe gosudarstvennoy vlasti» [Resolution of the Government of Yamalo-Nenets Autonomous District on April 13, 2015 N 322-P “On approval of the Model Regulations of the Civic Council under the executive body of state power”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900201504170027> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Rudenko V.N. *Konsul'tativnye obshchestvennye soveti v sisteme deliberativnoy demokratii* [Community councils in the system of deliberative democracy], *Sravnit. konstituts. obozrenie*, 2007, no 4 (61), pp. 116-124., (in Russ.).

Standart deyatel'nosti obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti : Tipovoe polozhenie (utv. Protokolom № 3 zaochnogo golosovaniya Pravitel'stvennoy komissii po koordinatsii deyatel'nosti otkrytogo pravitel'stva ot 24 iyunya 2015 goda) [“Civic councils of the federal public administration bodies activity standard (Model provision” (approved by Protocol N 3 of the Governmental Commission for the Coordination of open government activities on June 24, 2015 (absentee voting)], available at: <http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu%20mert> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2012 g. № 601 «Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistem gosudarstvennogo upravleniya» [The Presidential Decree of May 07 2012 year «On the main directions of improving governance»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2012, no. 19, art. 2338, available at: <http://base.garant.ru/70170942/> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Usvatov I.S. *Kvoprosu o strukture grazhdanskogo obshchestva: opredelenie ponyatiya instituta grazhdanskogo obshchestva* [On the question of the structure of civil society: the definition of civil society institute], *Probely v ros. zakonodatel'stve*, 2009, no 4, pp. 82-86. (in Russ.).

Zakon Chelyabinskoy oblasti 13 aprelya 2015 g. № 155-ZO «Ob obshchestvennom kontrole v Chelyabinskoy oblasti» [The Chelyabinskaya Oblast Law of April 13, 2015 No. 155-ZO “On the Civic Control of the Chelyabinsk region”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, 2015, 14 April, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7400201504140001> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Zakon Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry ot 19 noyabrya 2014 g. № 96-oz «Ob obshchestvennom kontrole v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre» [The Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra Law of November 19, 2014 No. 96-oz “On the Civic Control of the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8600201411260011> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Zakon Kurganskoj oblasti ot 24 dekabrja 2015 g. № 132 «Ob otdel'nykh voprosah organizatsii i osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolja v Kurganskoj oblasti» [The Kurganskaya Oblast Law of December 24, 2015 No. 132 “On the Civic Control of the Kurgan region”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, 2015, 29 December, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4500201512290011> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Zakon Tyumenskoy oblasti ot 25 fevralja 2015 g. № 5 «Ob osushhestvlenii obshhestvennogo kontrolja v Tjumenskoj oblasti» [The Tyumenskaya Oblast Law of February 25, 2015 No. 5 “On the Civic Control of the Tyumen region”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, 2015, 25 February, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7200201502250001> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Zakon Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 21 dekabrya 2015 goda № 139-ZAO «Ob obshchestvennom kontrole v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge» [The Yamalo-Nenets Autonomous District Law of December 21, 2015 No. 139-ZAO “On the Civic Control of the Yamalo-Nenets Autonomous District”], *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900201512290027> (accessed 15 March 2016). (in Russ.).

Elena G. Dyakova, Doctor of Political Science, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: gf-urfo@bk.ru

PUBLIC COUNCILS IN THE SYSTEM OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS: FORMATION AND FUNCTIONS

Abstract: The article examines the formation of the legal framework of public councils that operate in the public administration system. Particular attention is paid to the process of interaction between public councils and public chambers as an advisory and consultative bodies, inscribed in the public administration system. For the first time, a comparative analysis of the mechanisms of regional public chambers and public councils' formation on both federal and regional level is undertaken (on the example of the regions in the Ural Federal District). It is shown that the federal innovations aimed at enhancing self-sufficiency of public councils and their independence from the public administration are poorly reflected on the regional level. Regional public chambers have relatively small influence on the formation of public councils. The regional legislation in terms of interaction between public chambers and public councils needs to be brought into line with federal trends.

Keywords: public council, public chamber, civic control, civil society, legal framework.

ЛОКАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ В РЕГИОНАХ УРАЛА НА ВЫБОРАХ 18.09.2016¹

УДК 324

Виталий Сергеевич Ковин

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник

Отдела по исследованию политических институтов
и процессов Пермского научного центра УрО РАН,
г. Пермь. E-mail: kovinvit@gmail.com

В статье рассматриваются причины некоторых значимых отклонений в результатах, полученных политическими партиями на выборах, прошедших в 2016 г. в трех уральских регионах: в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях. В качестве факторов, определявших электоральные предпочтения части избирателей во время голосования на федеральных и региональных выборах, выделяются различные проявления локальной идентичности. В ряде случаев эти предпочтения влияют на итоги выборов, которые весьма существенным образом отличаются от среднестатистических результатов. Электоральное поведение некоторых российских избирателей характеризуется непостоянством и с трудом описывается классическими теориями. Мотивы их участия или неучастия в голосовании, инструменты, при помощи которых они совершают свой выбор, могут меняться от кампании к кампании, и даже в рамках одной избирательной кампании. Наибольшее количество электоральных девиаций, которые носят локальный характер, во время общенациональных и региональных выборов обнаруживается на местном уровне, то есть на уровне отдельных поселений, вне крупных городов. В статье исследуются конкретные ситуации, имевшие место в трех уральских регионах во время выборов 2016 г., когда результаты голосования избирателей были обусловлены локальной проблематикой. Автор относит к локальным мотивам в электоральных предпочтениях поддержку выдвинувшегося на выборах земляка, поддержку местного политика (глава района, мэр, депутат) при его переходе на более высокий уровень власти, привлечение внимания к какой-либо обострившейся местной проблеме (например, кризис на «родном» предприятии) и делает предположение, что данные факторы, особенно голосование за земляка, – это проявления локальной общности и традиционалистской культуры определенной части избирателей, которые имеют ситуационный характер.

Ключевые слова: выборы, электоральные предпочтения, локальная общность, локальная идентичность, земляк.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-59005.

Выборы, прошедшие 18 сентября 2016 г., предоставили большой массив электоральных данных и иной информации для различного рода исследований и интерпретаций. Речь идет не только о выяснении причин низкой явки избирателей, провала ряда политических партий и кандидатов, но и о выявлении мотивов тех или иных предпочтений избирателей, пришедших на избирательные участки. В ряде случаев эти предпочтения влияют на итоги выборов, которые весьма существенным образом отличаются от среднестатистических данных. Внешне эти электоральные девиации, то есть значимые отклонения от среднестатистической нормы, могут выглядеть как проявление региональных особенностей или даже как аномалия и, на первый взгляд, не имеют каких-либо рациональных объяснений.

Классические теории электорального поведения, интерпретируя мотивы голосования избирателей, как правило, исходят из представления о «нормальном» голосовании, которое обеспечивает стабильный и гарантированный минимум голосов той или иной партии. Стабильный и гарантированный – поскольку связывают мотивацию избирателя с социальным статусом (Лазарсфелд [Berelson, Lazarsfeld, McPhee 1954], Лейпхарт [Lijphart 1971]) или партийной идентификацией (Кэмпбелл, Конверс [The American Voter 1960], Батлер [Butler, Stokes 1970]), которые обладают определенной устойчивостью. Но, как справедливо отмечает Григорий Голосов, «если бы они были единственными детерминантами выбора, который делает избиратель, то такими же стабильными были бы результаты выборов». В конкурентной среде исход выборов «решают те избиратели, голосование которых доводит полученную партией долю голосов избирателей до необходимого для победы», то есть выше стабильного минимального уровня [Голосов 2001: 234]. Голосование этих «ненормальных», но с точки зрения конечного результата ключевых для конкурирующих партий избирателей может зависеть от случайных и малопредсказуемых факторов. Различные вариации теории рационального выбора (Даунс [Downs 1997], Рабинович [Rabinowitz, Macdonald 1989], Фиорина [Fiorina 1981] и др.) предполагают большую динамику и вариативность в поведении избирателя (поскольку он руководствуется представлением о своей выгоде от участия в данных конкретных выборах), но они также исходят из некоей устойчивости, преемственности поведения избирателя. Это справедливо, отметим только, что данная устойчивость – инструментальная, поскольку избиратель от выборов к выборам использует один и тот же инструмент (идеология, экономические оценки, простые альтернативы, степень близости взглядов и пр.) для определения своих предпочтений. Но та или иная устойчивость доминирующих мотивов голосования все-таки есть характерный признак стабильных политических систем. На наш взгляд, российские политическая и избирательная системы отличаются крайним непостоянством как в плане преемственности институциональных правил, так и в плане преемственности состава участников политических и электоральных процессов, что, в свою очередь, крайне мало способствует формированию у российских избирателей устойчивой электоральной культуры.

Весной 2016 г. группой сотрудников Пермского государственного педагогического университета и Пермского научного центра перед стартом из-

бирательной кампании было проведено методом полуструктурированного интервью пилотное исследование электоральных предпочтений 50 жителей Пермского края, отобранных по квотной выборке с учетом места проживания и рода деятельности. Стенограммы интервью показывают, что большинство респондентов с большим трудом вспоминали свой выбор пятилетней давности (в декабре 2011 г. в Пермском крае одновременно проходили выборы в Государственную Думу РФ и в Законодательное Собрание Пермского края). Особое недоумение вызвали вопросы о голосовании за кандидатов-одномандатников на региональных выборах. В понимании респондентов разделение на кандидатов-списочников и кандидатов-одномандатников практически отсутствует. О партийности кандидатов-одномандатников почти никто не помнит. В целом опрос показал, что за прошедшие 5 лет избиратели изрядно подзабыли и систему выборов, и их участников, и результаты, и свой собственный выбор. При этом четверть респондентов отметила, что их политические взгляды изменились за последнее время и они либо уже переориентировались в своих электоральных предпочтениях, либо собирались проголосовать за другую партию на выборах 2016 г.

Мотивы участия или неучастия в голосовании, инструменты, при помощи которых российский избиратель делает свой выбор, могут весьма существенно отличаться от кампании к кампании, и даже в рамках одной кампании. Так, высокая степень изменчивости политических предпочтений россиян была зафиксирована группой исследователей в рамках проекта «Электоральная панель», реализованного ВЦИОМ осенью 2011 – весной 2012 г. [Мамонов 2013].

Общенациональные, да и по большей части региональные выборы обычно рассматриваются в плане универсальных партийно-идеологических, ценностных, социальных «расколов» и предпочтений избирателей. Считается, что в них проявляется, почти исключительно, национальная (гражданская) идентичность [Панов 2011], а местные или локальные политические пристрастия и антипатии отходят на задний план и нивелируются. Представляется, что это не совсем так. Несформированность у значительной части российских избирателей партийно-идеологической идентификации, устойчивых электоральных предпочтений, слабая выраженность социальной солидарности приводят к весьма необычным результатам в некоторых территориях, к заметным отклонениям от «нормы», то есть от среднестатистических показателей поддержки партий и кандидатов по стране и региону. В отдельных случаях мотивация такого девиантного голосования даже на федеральных выборах может отсылать к локальной проблематике. На данный момент эти отклонения обычно не оказывают существенного влияния на общий исход выборов. В то же время само по себе наличие «неклассических» и внешне нерациональных мотивов голосования избирателей углубляет понимание природы электорального поведения.

Нами проанализированы некоторые, далеко не все, отклонения от среднестатистических результатов голосования, которые имели место на выборах 2016 г. в трех уральских регионах – в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях – и которые коррелируют с местной политикой и

локальной идентичностью. По мнению специалистов, занимающихся электоральной статистикой и электоральной географией, эти регионы могут быть отнесены к субъектам РФ с наиболее высокими значениями индекса демократичности [Титков 2016], или к так называемой «зеленой группе», где официальные результаты голосования, введенные в ГАС «Выборы», соответствуют реальному волеизъявлению избирателей и где искажения либо полностью отсутствуют, либо носят минимальный характер [Киреев 2016]. В большинстве случаев это позволяет нам без дополнительных уточнений опираться на официальные данные электоральной статистики при выявлении предпочтений избирателей [Сведения...].

Не каждое отклонение от средних показателей свидетельствует о каких-либо девиациях. По большей части они имеют весьма рациональное объяснение. Так, сравнительный анализ результатов голосования в масштабах региона, как правило, свидетельствует о специфике региональной политической ситуации в целом. Среднестатистические результаты голосования по трем уральским регионам на выборах в Государственную Думу выглядят следующим образом (табл. 1).

На первый взгляд, значимыми отклонениями от средних выглядят лишь результаты «Справедливой России» в Свердловской и особенно Челябинской (где результат СР лучше общероссийского почти в три раза) областях. Челябинская область – один из немногих регионов, где партия смогла выйти на второе место после «Единой России», опередив КПРФ и ЛДПР. Но ничего необычного в этом нет. Относительные успехи справедливороссов в этих областях можно объяснить как работой крепких региональных отделений партии с определенными ресурсами и историями успехов на выборах всех уровней, так и наличием ярких лидеров.

Практика совмещения выборов также нередко дает интересные результаты. Так, в Пермском крае и Свердловской области федеральная избирательная кампания наложилась на региональные и местные кампании со своими повестками и акторами. В Свердловской области (табл. 2) одновременно с выборами в Госдуму проходили выборы в Законодательное Собрание региона, а также выборы в местные советы (35 городских округов и одно сельское поселение).

Таблица 1

Сравнительный анализ результатов голосования в уральских регионах, %

Субъект Федерации	Явка	Доля голосов, полученных партией				
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	«Яблоко»
<i>Россия в целом</i>	47,88	54,2	13,34	13,14	6,22	1,99
Свердловская область	41,5	40,53	11,88	16,54	13,2	2,9
Челябинская область	44,39	38,19	12,02	16,73	17,48	2,14
Пермский край	35,17	42,65	14,24	15,75	9,02	3,07

Примечание. Здесь и далее ЕР – «Единая Россия»; СР – «Справедливая Россия».

Таблица 2

Сравнительный анализ голосования на выборах, проходивших в Свердловской области, %

Субъект Федерации	Явка	Доля голосов, полученных партией				
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	«Яблоко»
<i>В ГД, Россия в целом</i>	47,88	54,2	13,34	13,14	6,22	1,99
В ГД РФ на территории Свердловской области	41,5	40,53	11,88	16,54	13,2	2,9
В ЗС Свердловской области	41,2	40,26	13,82	15,90	16,85	3,32

Примечание. ЗС – Законодательное Собрание.

По сравнению с федеральной кампанией на выборах в Законодательное Собрание Свердловской области региональное отделение «Справедливой России», в отличие от отделений ЕР, ЛДПР, КПРФ и «Яблока», смогло получить еще большую поддержку избирателей.

Наиболее сложной избирательная кампания была в Пермском крае (табл. 3), где помимо выборов в Государственную Думу и Законодательное Собрание региона (ЗС ПК) проходили выборы в Пермскую городскую Думу (ПГД), а также выборы депутатов приблизительно в 40 муниципальных образованиях.

Наибольшее отклонение от среднестатистических показателей и по стране, и по региону продемонстрировал результат голосования за партию «Яблоко» на выборах в Пермскую городскую Думу. По сравнению с 3% голосов избирателей на выборах в ГД РФ и 3,82% – в ЗС Пермского края в столице региона эта партия на выборах в ПГД получила значительно большую поддержку – 7,11%. В Перми на выборах в ГД РФ на избирательных участках за «Яблоко» было отдано более 15 тыс. голосов, на выборах в ЗС ПК – более 18 тыс., а на выборах в ПГД – более 19 тыс. На первый взгляд, эта девиация также вполне объяснима. Среди российских электоральных географов принято считать, что «высокая доля интеллигенции и лиц с высшим образованием, развитый бизнес создают базу голосования за либералов» [Колосов, Бородулина 2004]. Степень урбанизации относится к числу важнейших факторов территориальной дифференциации электоральных

Таблица 3

Сравнительный анализ результатов голосования на выборах, проходивших в Пермском крае, %

Субъект Федерации	Явка	Доля голосов, полученных партией				
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	«Яблоко»
<i>В ГД, Россия в целом</i>	47,88	54,2	13,34	13,14	6,22	1,99
В ГД на территории ПК	35,17	42,65	14,24	15,75	9,02	3,07
В ЗС ПК	34,7	43,75	17,77	16,34	11,29	3,82
В ПГД	34	39,57	17,21	13,81	13,33	7,11

предпочтений, где «демократическому, реформаторскому городу» противостоит «конформистское и консервативное село» [Петров, Титков 2000]. Аналогичная ситуация в целом наблюдается в Екатеринбургe и Челябинске. Но в чем причина того, что на местных выборах партия получила на 4 тыс. голов больше, чем на федеральных, ведь фактор урбанизации был одинаков на выборах всех уровней? В данном случае отклонение от средних показателей дополнительно было вызвано рядом причин. В Перми, где впервые на выборах в Гордуму применялась смешанная система, некоторая часть городских избирателей продемонстрировала «распределительный характер» голосования, своего рода эффект «расщепления голосов» между разными уровнями выборов, когда избиратель отдавал свои голоса различным партиям, выбирая «лучших» из них применительно к конкретному уровню выборов. Кстати, возможности такого голосования активно обсуждались в социальных сетях. Что касается сравнительно высокого результата «Яблока» на выборах в Гордуму, то он был достигнут во многом за счет кампаний «Новая команда для нашего города» и «Наша Пермь», с которыми на этих выборах шел так называемый «городской список» партии «Яблоко». Основу списка составили пермские городские общественники, гражданские активисты, правозащитники, деятели культуры и образования, а его агитационные кампании делали акцент на городской повестке и сознательно обращались к пермской идентичности. Причем агитация шла за привлечение внимания потенциальных сторонников «Яблока» к голосованию именно по партийным спискам, а не по одномандатным округам. Другие партии в Пермском крае в своих избирательных кампаниях значительно большее внимание уделили выборам в Законодательное Собрание региона и кандидатам-одномандатникам. В итоге за очень короткий период «городской список» партии «Яблоко» сумел перетянуть на себя голоса части избирателей, отдавших предпочтение на федеральных и региональных выборах другим партиям.

Таким образом, региональные отклонения в предпочтениях избирателей от среднероссийских показателей, как правило, имеют чисто политическую либо социокультурную природу.

Но если обратиться к местному уровню, то есть уровню территориальных и участковых избирательных комиссий, уровню отдельных поселений, особенно за пределами крупных городов, то можно обнаружить весьма интересные результаты голосования за политические партии. Помимо указанных выше вполне ожидаемых «нормальных» отклонений на некоторых территориях уральских регионов оппозиционные партии получили ряд весьма неожиданных и даже кажущихся аномально высокими результатами, которые совершенно очевидно имеют местную, локальную обусловленность.

Например, в Чердынском районе Пермского края, расположенном на севере региона в нескольких часах пути от Перми, партия «Яблоко» на 13 из 25 участках показала результат выше среднероссийского, из них на 10 участках результаты были сравнимы с голосованием за «яблочников» в региональной столице. Чердынский район вышел на второе место в регионе по процентному показателю поддержки правой партии, что не свойственно такого рода территориям. Особенно высокие результаты голосования за «Яблоко» зафик-

сированы в Рябининском сельском поселении Чердынского муниципального района: в участковой избирательной комиссии (УИК) № 4213 партия получила 31,12% голосов избирателей и обошла «Единую Россию», в УИК № 4216 – 24% и в УИК № 4214 – 9,38%. Интересно, что соседние муниципальные районы продемонстрировали крайне низкую поддержку партии. Пять лет назад, во время выборов 2011 г., ни Чердынский район в целом, ни указанные участки ничем особым в плане поддержки партии «Яблоко» не отличились (в среднем 2,21% по району, а на участке № 4216 за партию проголосовали всего лишь два человека). Между тем объяснение данной «яблочной аномалии» достаточно простое. Дело в том, что на выборах в ГД РФ региональную группу партии «Яблоко» по Пермскому краю (№ 27) возглавил Дмитрий Махонин – начальник Управления регулирования топливно-энергетического комплекса Федеральной антимонопольной службы. Он родом из поселка Рябино, и, несмотря на то что чиновник уже давно работает в Перми и Москве, Рябининское поселение значится в его биографических данных в качестве места жительства. Таким образом, жители Рябининского поселения просто голосовали за своего земляка, используя локальную идентичность и солидарность как способ определения своих предпочтений, причем применительно к конкретному виду выборов. На тех же участках на выборах в ЗС ПК результаты «Яблока» выглядят намного скромнее.

Девиантно высокий результат голосования в Пермском крае на паре участков также продемонстрировала и КПРФ. На двух избирательных участках, № 1737 и № 1736, в поселке «Майский» Краснокамского муниципального района КПРФ набрала 46,36% и 42,51%, соответственно и в два раза опередила «Единую Россию» (в 2011 г. поддержка коммунистов здесь была в два раза скромнее – 23,35% и 20,57%). В этом случае причины высокой электоральной поддержки оппозиционной партии также имеют локальную природу, но несколько иного характера. В поселке, где проживает около 6 тыс. человек, расположена крупная агрофирма «Свинокомплекс Пермский», на которой трудится значительная часть местных жителей. Несколько последних лет свинокомплекс испытывает серьезные организационные и финансовые проблемы, которые резко обострились накануне выборов. Незадолго до дня голосования было решено провести открытые сходы и собрания работников с присутствием высокопоставленных пермских чиновников, представителей Общероссийского народного фронта (ОНФ) и ЕР. По-видимому, их увещевания не возымели должного действия, зато ситуацией смогла воспользоваться местная ячейка КПРФ, которая на протяжении многих лет настаивает на полном возвращении предприятия в государственную собственность и на выделении субсидий из регионального бюджета. Таким образом, локальные экономические проблемы, стремление защитить местное хозяйство от разграбления «варягами», апеллирование к прежним успехам «родного» предприятия и заслугам его работников определили электоральные предпочтения жителей поселка. Показательно, что в других населенных пунктах Краснокамского района поддержка избирателями КПРФ была как минимум в два раза ниже и особой солидарности с жителями Майского они не проявили.

В отличие от Пермского края, в Челябинской области в некоторых случаях фактор земляка (а точнее, его недооценка), скорее всего, повлиял на снижение результатов оппозиционных партий и их выдвиженцев.

Например, критически оценивая результаты «Справедливой России» на думских выборах, некоторые эксперты в качестве причин отмечали очевидные тактические ошибки регионального отделения партии при распределении своих выдвиженцев по округам. Так, по мнению политолога Андрея Лаврова, «яркий политик Ольга Мухометьярова, которая могла набрать в родном Златоустовском округе неплохой процент голосов, была переброшена в чужой Магнитогорский округ» [Мандат по осени... 2016]. Хотя Ольга Мухометьярова, известная в Златоусте общественница, лидер движения защитников бора «Веселая горка», директор Колледжа экономики и управления, не очень удачно выступила на выборах в Законодательное собрание Челябинской области в 2015 г. по одномандатному округу, ей все же удалось избраться депутатом по партийному списку и стать одним из самых активных членов фракции. Соперником Мухометьяровой из «Единой России» в Магнитогорском округе № 192 оказался как раз *местный* политик, глава Магнитогорска Виталий Бахметьев. В составе избирателей округа жители Магнитогорска занимают более 62%, поэтому соревноваться с выдвиженцем от «единороссов» любому неместному политику было практически бесперспективно. Только на магнитогорских участках Бахметьев набрал около 73 тыс. голосов, что почти в два раза превышает результат занявшей второе место в округе Мухометьяровой (37,5 тыс. голосов), то есть для общей победы глава Магнитогорска мог вообще не проводить никакой избирательной кампании в остальных девяти муниципальных территориях округа. Способствовало ли выдвижение Бахметьева усилению позиций «Единой России» в округе? Сомнительно. В трех магнитогорских территориальных избирательных комиссиях (ТИК) результат голосования за ЕР равнялся 37%; это на 1-2% ниже среднерегionalных и, что существенно, хуже, чем результаты в других ТИК округа (в пределах 41-56%). Кроме того, при сравнении результатов голосования за Бахметьева по одномандатному округу и за «Единую Россию» по единому округу на одних и тех же участках отчетливо видно, что глава Магнитогорска набрал в абсолютном выражении больше голосов, чем партия, причем в большинстве случаев коэффициент соотношения этих голосов составляет от 1 до 1,15 в пользу одномандатника и только на территории Магнитогорска этот разрыв выглядит весьма существенным – партия получила почти на 16,5 тыс. голосов меньше, чем глава города (коэффициент соотношения 1,3). С другой стороны, «Справедливая Россия» именно в Магнитогорске получила максимальную поддержку избирателей в округе (от 16 до 18% по ТИК). При этом именно в городе, в отличие от других территорий округа, Ольга Мухометьярова набрала голосов меньше, чем ее партия (коэффициент соотношения 0,95). Таким образом, весьма существенная электоральная поддержка со стороны магнитогорцев своего земляка и мэра не трансформировалось в дополнительную поддержку ЕР, в то же время идеологические сторонники справедливороссов из числа магнитогорцев не увидели в Мухометьяровой *своего* кандидата.

Другая примечательная история на «местной почве» произошла на выборах в Госдуму в Коркинском округе № 191, где лидер южноуральских справедливороссов Валерий Гартунг, впервые с 1997 г. неожиданно проиграл борьбу выдвиженцу «Единой России» Анатолию Литовченко, с 1996 г. главе Увельского района области (Гартунг набрал в общей сложности лишь 34,5% голосов, а Литовченко – 37,7%). На поражении Гартунга в некоторой степени могла сказаться накопившаяся за почти 20 лет усталость избирателей от «своего» политика, но все же необходимо отметить, что основную долю в 5,5 тыс. из примерно 8 тыс. проигранных голосов справедливоросс потерял на территории «вотчины» своего соперника, в Увельском районе Челябинской области, где своим, земляком, считался как раз Литовченко (за Гартунга – 2350 голосов, за Литовченко – 8865). Валерий Гартунг обвинил своего конкурента в использовании административного ресурса и других нарушениях, результаты выборов в Коркинском районе не признал, обратился с жалобами в ЦИК и судебные органы. Следует отметить также крайне низкий результат «Справедливой России» именно в Увельском районе – всего 7,89% (лишь 1117 голосов), в то время как по округу в целом партия набрала 21,87% (два других последних с конца результата партии в этом округе также намного выше – 18,4%). Результат же ЕР в Увельском районе составил 51,25% – это один из пяти самых высоких в области. Известный челябинский политолог Сергей Зырянов считает, что Анатолий Литовченко был знаком прежде всего избирателям Увельского района и близлежащих территорий, а на остальные территории «зашел с нуля», «для остальной части округа был чужаком. Тем не менее единороссу удалось стабильно наращивать электоральную поддержку, что и сыграло свою роль на выборах» [Мандат по осени... 2016]. Представляется, что в этом и других подобных случаях часть избирателей оказывает поддержку своему земляку как *местному* политику при его переходе на более высокий уровень власти.

В Свердловской области также имеются примеры голосования избирателей на почве локальной общности.

На выборах в ГД РФ по Асбестовскому округу № 172 кандидат от ЛДПР, депутат ЗС Свердловской области, экс-секретарь Владимира Жириновского [Морозов 2015] Игорь Торощин лишь у себя на малой родине в г. Ирбите сумел опередить своего оппонента из «Единой России» Максима Иванова (набрал 4203 голоса). Торощин обошел «единоросса» почти во всех УИК, за исключением одного участка (всего набрал 6639 голосов). При этом по партийным спискам результаты были почти диаметрально противоположными: ЕР – 5544 голоса или 36,68%, а ЛДПР – 4655 голоса или 33,32%. Отметим, что в 2011 г. на выборах в ГД РФ в Ирбите ЛДПР выступила не совсем удачно, набрав всего чуть более 3 тыс. голосов или 17,84% и уступив не только ЕР, но и СР. Своему земляку горожане Ирбита также оказали весьма достойную поддержку на выборах в ЗС Свердловской области, где он противостоял Виктору Шептию, одному из региональных лидеров единороссов, секретарю Свердловского отделения партии, заместителю председателя Законодательного Собрания области. На своей малой родине Торощин проиграл единороссу лишь около 250 голосов, в то время как на остальных территориях

электоральные разрывы (vote gap) измерялись в несколько тысяч голосов, в 3–4-кратном размере. По партийным спискам в Ирбите ЛДПР также показала самый высокий процент в регионе (32,93%), лишь на 7% уступив ЕР.

Весьма примечателен относительно неплохой результат КПрФ в г. Асбесте, который входит в Асбестовский округ № 172. По округу в целом КПрФ получила лишь 12,19%, а в самом Асбесте ее результат был значительно лучше – почти 21% (на одном из участков, набрав более 26%, КПрФ даже смогла обойти ЕР). В 2011 г. в Асбесте КПрФ получила поддержку лишь 12,96% избирателей. Немаловажная деталь: представитель КПрФ в 172-м округе, депутат Законодательного Собрания Свердловской области Вячеслав Вегнер незадолго до дня голосования снял свою кандидатуру с выборов в Государственную Думу, решив сосредоточиться на выборах в региональный парламент в Белоярском округе № 3, по соседству с Асбестовским округом № 2 [Пушкарев 2016], к тому же имея практически гарантированное место по партийному списку. В связи с этим, казалось бы, еще более удивителен относительно высокий результат в Асбесте на выборах в Госдуму партии, лишившейся своего кандидата. По-видимому, этот особенный результат был достигнут за счет активности другого выдвиженца партии, но на уровне региональной избирательной кампании. На выборах в ЗС по Асбестовскому городскому округу КПрФ вплотную подобралась к ЕР, показав почти 25,5% против 28,7% и одержав победу уже на семи участках (в 2011 г. было лишь 12,59%). Успех партии, очевидно, связан с поддержкой, которую земляки оказали выдвинутой от КПрФ Наталье Крыловой, старшему мастеру Асбестовского политехникума, которая на дополнительных выборах в местную Думу в 2014 г. была избрана депутатом, но тогда еще от регионального отделения партии «Зеленые». В 2016 г. на выборах в региональный парламент по родному Асбесту Наталья Крылова, теперь уже под красным флагом коммунистов, смогла более чем на 2000 голосов обойти единоросса Владимира Власова, первого зампреда Правительства Свердловской области. Владимир Власов также является уроженцем Асбеста, здесь он начал политическую карьеру, трижды избирался главой города (1996, 2000, 2004), но в 2005 г. перешел на работу в областное правительство. Соперничество двух земляков оказалось достаточно жестким; были выдвинуты обвинения, дошедшие вплоть до ЦИК, в использовании административного ресурса, с одной стороны, и грязных игр и дискредитации – с другой. В целом же Крылова выборы проиграла, уступив лишь чуть более 1000 голосов (в выборах приняли участие приблизительно 53 тыс. избирателей) [Крылова 2016]. При этом на участках Асбеста Крылова как кандидат собрала почти на 4 тыс. голосов больше, чем КПрФ, в то время как Власов получил лишь на 1300 голосов больше, чем ЕР. Личный рейтинг асбестовской активистки значительно превысил поддержку, которую избиратели оказали партии, но при этом достаточно существенно подтянул результат голосования за КПрФ на выборах и в ЗС, и в Госдуму (на территории того же Белоярского округа результат партии оказался почти в два раза ниже). Более высокий результат голосования на региональных выборах КПрФ получила лишь в Пышминском районе (25,65%).

Еще один пример очень точечного проявления фактора земляка как мотива для голосования можно обнаружить в Пышимском муниципальном районе Свердловской области, где результаты голосования за КПРФ также выше средних – 20,4%. Особенно выделяется избирательный участок № 712, где на выборах в Думу КПРФ заняла первое место и набрала 37,34% (ЕР – 30,47%), а на выборах в ЗС области и того больше – 45% (ЕР – 31,3%). В 2011 г. здесь же КПРФ на выборах в ГД РФ поддержало 26% избирателей, а в Законодательное Собрание – 29,53%. Более высокие результаты 2016 г. объясняются, скорее всего, тем, что по данной территории партия выдвинула пенсионера Владимира Лыжина, жителя местной деревни Савина.

В целом к локальным факторам как мотивам электоральных предпочтений, на наш взгляд, могут быть отнесены поддержка выдвинувшегося на выборах земляка, поддержка местного политика (глава района, мэр, депутат) при его переходе на более высокий уровень власти, привлечение внимания к какой-либо обострившейся местной проблеме (например, кризис на «родном» предприятии). Здесь возникает вопрос: каковы географические пределы идентификации избирателя со своим кандидатом, с земляком – это общее с ним поселение, район, субъект Федерации? Ответ на этот вопрос требует отдельного исследования с применением статистических методов обработки электоральных данных. Пока же пробное исследование по списку кандидатов партии «Справедливая Россия» на выборах в Законодательное Собрание Пермского края позволяет сделать следующие предположения: а) для кандидата – сельского жителя географическим пределом его идентификации избирателями как *своего* остаются границы сельского поселения (например, Георгий Шибанов, гражданский активист, первый номер по региональной группе Добрянская № 26: средний результат голосования за партию по округу – 8,7%, «родной» поселок Троица дал ему 18%, при этом поселок Сылва того же поселения – 11,6%, а в среднем по району он получил 10,1%. Благодаря второму номеру в списке группы Кочевская № 30, Вазиху Файзиеву, водителю средней школы из поселка Серебрянка, партия получила здесь более 17%, а в целом по Гайнскому району – чуть более 7%); б) «масштаб» самого *местного* кандидата имеет значение. Как правило, действующие депутаты районных собраний с многолетним стажем поднимают поддержку партии на региональных выборах на несколько пунктов (в том же Кочевском округе наибольшую поддержку партии оказал Юрлинский район, поскольку третьим номером в списке шел депутат Земского Собрания с 2011 г., учитель из районного центра Дмитрий Еремеев). Эта же тенденция отмечается и для региональных депутатов и глав районов.

Таким образом, при внимательном рассмотрении тем электоральным девиациям, которые были зафиксированы на отдельных избирательных участках или территориях, находится вполне рациональное объяснение. Определяясь со своими предпочтениями, часть местных избирателей, казалось бы, сделали совершенно непрагматичный и нерациональный, но самый простой выбор, голосуя за своего земляка. Возможность напрямую проголосовать за *своего*, как правило, появляется во время проведения

выборов по одномандатным округам и соответственно связана с выдвиганием в качестве кандидатов от политических партий лиц, происходящих с данной территории. При этом в большинстве случаев выдвинувшийся не от «Единой России», а от какой-либо иной партии земляк не имеет никаких шансов на общую победу. Тем не менее он получает весьма существенную поддержку на своей «малой родине». Более того, часть этой поддержки распространяется и на партию, которую он представляет. Правда, данные статистики свидетельствуют, что электоральный потенциал самого по себе локально-ориентированного голосования на региональных и тем более федеральных выборах оказывается крайне незначительным. Как правило, он ограничивается конкретным поселением, откуда непосредственно родом успешный земляк. Фактически избиратели лишь «делают приятное» своему земляку и его родственникам и символически обозначают свою общность, выделяя за счет него себя из общей массы поселений и территорий. Столь же неперспективным по своему электоральному потенциалу выглядит и использование в политических целях какой-либо локальной экономической проблемы. При этом ориентация при голосовании на локальную проблему встречается намного реже, чем голосование за земляка, что еще раз подчеркивает персонифицированный характер российских выборов. Более прагматично выглядит поддержка избирателями местного политика (мэр, депутат, глава муниципального района) в случае попытки его продвижения на более высокий уровень власти.

В целом локальные факторы как мотивы для голосования, скорее всего, следует рассматривать в качестве проявления традиционалистской культуры определенной части избирателей, построенной на дихотомии «свой-чужой». Ситуативно обозначившаяся локальная общность избирателей (ввиду какой-то местной проблемы, например экологической, или в интересах «родного» предприятия, или в поддержку земляка и местного политика) временно отодвигает в сторону актуальные политические и ценностные разногласия, сдерживает распространение «нормальных» политических размежеваний. Локальные факторы могут оказать значимое влияние на результаты выборов лишь в условиях примерно равной конкурентной борьбы, тогда они выступают тем «малым звеном», который перевесит чашу весов на чью-то сторону, но сами по себе они не предопределяют исход выборов. Наиболее успешные результаты политические партии, как правило, получают там, где общие политические лозунги и призывы опираются на местные ресурсы, в том числе и кадровые, апеллируют к региональной и локальной идентичностям их избирателей.

Вместе с тем для успешного выступления политических партий на выборах всех уровней (особенно на региональных) становится принципиально важным поиск и выращивание региональных политиков прежде всего из «местных кадров» – политических и гражданских активистов, сторонников партий и общественников, готовых с ними сотрудничать.

Материал поступил в редколлегию 09.11.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Голосов Г.В. 2001. Электоральное поведение // Г.В. Голосов. Сравнительная политология. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. Гл. 8. С. 223-253.
- Киреев А. 2016. Моя оценка уровня фальсификаций на выборах в Госдуму по субъектам федерации [Электронный ресурс], 9 окт. URL: <http://kireev.livejournal.com/1313935.html> (дата обращения: 02.11.2016).
- Колосов В.А., Бородулина Н.А. 2004. Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость [Электронный ресурс] // ПОЛИС : Полит. исслед. № 4. С. 70-79. URL: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2004.04.05> (дата обращения: 02.11.2016).
- Крылова Н. 2016. Выборы прошли, осадок остался [Электронный ресурс] // Асбест-инфо. 29 сент. URL: https://vk.com/id44523189?w=wall44523189_2225 (дата обращения: 02.11.2016).
- Мамонов М.В. 2013. Электоральные предпочтения россиян: Семь пятниц на неделе? // Мониторинг общественного мнения. № 2(114), март-апрель. С. 33-39.
- Мандат по осени считают: самые большие разочарования на выборах в Челябинской области [Электронный ресурс], 2016 // УралПолит.RU : эксперт. информ. канал. 18 сент. URL: <http://uralpolit.ru/article/chel/19-09-2016/90613> (дата обращения: 02.11.2016).
- Морозов И. 2015. Игорь Торошин: «В партии, как и в семье, все решает “папа”» [Электронный ресурс] // Веч. ведомости. 19 сент. URL: <http://veved.ru/press/65206-igor-toroshhin-v-partii-kak-i-v-seme-vse-reshaet-papa.html> (дата обращения: 02.11.2016).
- Панов П.В. 2011. Национальная идентичность: варианты социального конструирования мира // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.) / под ред. И.С. Семеновко, Л.А. Фадеевой. М. : ИМЭМО РАН. С. 47-51.
- Петров Н. Титков А. 2000. Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999–2000 / ред.: М. Макфол, Н. Петров., А. Рябов. М. : Гендальф. С. 48-96.
- Пушкарев И. 2016. Коммунист Вячеслав Вегнер снялся с выборов в Госдуму [Электронный ресурс] // Знак : Информ. агентство. 13 сент. URL: https://www.znak.com/2016-09-13/kommunist_vyacheslav_vegner_snyalsya_s_vyborov_v_gosdumu (дата обращения: 02.11.2016).
- [Сведения о проходящих выборах и референдумах с Интернет-портала Государственной автоматизированной системы «Выборы»] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 02.11.2016).
- Титков А.С. 2016. Индекс демократии для регионов России: динамика 1990–2010-х годов // Вестн. Перм. ун-та. Серия: Политология. № 2. С. 81-104.
- Berelson B., Lazarsfeld, P., McPhee W. 1954. Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago : Univ. of Chicago Press. 416 p.
- Butler D., Stokes D. 1970. Political Change in Britain. Forces Shaping Electoral Choice. Macmillan. 516 p.
- Downs A. 1997. An Economic Theory of Democracy. New York : Addison Wesley. 310 p.
- Fiorina M.P. 1981. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven : Yale Univ. Press. 288 p.
- Lijphart A. 1971. Class voting and religions voting in European Democracies: A Preliminary Report. Glasgow : The Univ. of Strathclyde Press. 23 p.
- Rabinowitz G., Macdonald E.S. 1989. A Directional Theory of Issue Voting The // American Political Science Rev. Vol. 83, № 1. P. 93-121.

The American Voter, 1960 / A. Campbell, P.F. Converse, W.E. Willer, D.E. Stokes. New York : John Wiley & Song. 574 p.

References

Berelson V., Lazarsfeld, P., McPhee W. *Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1954, 416 p.

Butler D., Stokes D. *Political Change in Britain. Forces Shaping Electoral Choice*, Macmillan, 1970, 516 p.

Campbell A., Converse P.F., Willer W.E., Stokes D.E. *The American Voter*, New York, John Wiley & Song, 1960, 574 p.

Downs A. *An Economic Theory of Democracy*, New York, Addison Wesley, 1997, 310 p.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American National Elections*, New Haven, Yale Univ. Press, 1981, 288 p.

Golosov G.V. *Elektoral'noe povedenie* [Electoral Behaviour], *G.V. Golosov. Sravnitel'naya politologiya*, 3 ed., rev., augm., St. Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2001, chap. 8, pp. 223-253. (in Russ.).

Kireev A. *Moya otsenka urovnya fal'sifikatsiy na vyborah v Gosdumu po sub'ektam federatsii* [My assessment of falsification levels of the State Duma elections in each Federal Subject], 9.10.2016, available at: <http://kireev.livejournal.com/1313935.html> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Kolosov V.A., Borodulina N.A. *Elektoral'nye predpochteniya izbirateley krupnykh gorodov Rossii: tipy i ustoychivost'* [Electoral preferences of voters living in big Russian cities: types and stability], *POLIS : Polit. issled.*, 2004, no. 4, pp. 70-79, available at: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2004.04.05> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Krylova N. *Vybory proshli, osadok ostalsya* [Elections have passed but the bad feeling has stayed], *Asbest-info*, 2016, 29 Sept., available at: https://vk.com/id44523189?w=wall44523189_2225 (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Lijphart A. *Class voting and religious voting in European Democracies: A Preliminary Report*, Glasgow, The Univ. of Strathclyde Press, 1971, 23 p.

Mamonov M.V. *Elektoral'nye predpochteniya rossiyan: Sem' pyatnits na nedele?* [Electoral preferences of Russian citizens: always chopping and changing? Public opinion monitoring], *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2013, no. 2(114), March, April, pp. 33-39. (in Russ.).

Mandat po oseni schitayut: samye bol'shie razocharovaniya na vyborah v Chelyabinskoy oblasti [First catch your mandate then cook it: biggest disappointments in Cheliabinsk elections. Expert Informational Channel UralPolit.RU], *UralPolit.RU: ekspert. inform. kanal*, 2016, 18 Sept., available at: <http://uralpolit.ru/article/chel/19-09-2016/90613> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Morozov I. *Igor' Toroshchin: «V partii, kak i v sem'e, vse reshaet "papa"»* [Igor Toroshchin: «In a party, like in a family, "dady" decides everything»], *Vech. vedomosti*, 2015, 19 Sept., available at: <http://veved.ru/press/65206-igor-toroshchin-v-partii-kak-i-v-seme-vse-reshaet-papa.html> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Panov P.V. *Natsional'naya identichnost': varianty sotsial'nogo konstruirovaniya mira* [National identity: options of the social construction of the world], *Semenenko I.S., Fadeeva L.A. (eds.) Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza : sb. st. po itogam Vseros. nauch.-prakt. konf. (MEMO RAN, 21-22 okt. 2010 g.)*, Moscow, IMEMO RAN, 2011, pp. 47-51. (in Russ.).

Petrov N. Titkov A. *Elektoral'nyy landshaft* [Electoral landscape of Russia in 1999-2000 electoral cycle], *Makfol M., Petrov N., Ryabov A. (eds.) Rossiya v izbiratel'nom tsikle 1999-2000*, Moscow, Gendal'f, 2000, pp. 48-96. (in Russ.).

Pushkarev I. *Kommunist Vyacheslav Vegner snyalsya s vyborov v Gosdumu* [Kommunist Vyacheslav Vegner has withdrawn from State Duma elections], *Znak : Inform. agentstvo*, 2016, 13 Sept., available at: https://www.znak.com/2016-09-13/kommunist_vyacheslav_vegner_snyalsya_s_vyborov_v_gosdumu (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Rabinowitz G., Macdonald E.S. A Directional Theory of Issue Voting The, *American Political Science Rev.*, 1989, vol. 83, no. 1, pp. 93-121.

Svedeniya o prokhodyashchikh vyborakh i referendumakh c Internet-portala Gosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy «Vybory» [Current elections and referendum data. Internet-portal State automated system «Vybory»], available at: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Titkov A.S. *Indeks demokratii dlya regionov Rossii: dinamika 1990–2010-kh godov* [Democracy Index in Russian regions: 1990-2010's dynamic. Perm University Herald. Political Science series], *Vestn. Perm. un-ta. Seriya: Politologiya*, 2016, no. 2, pp. 81-104. (in Russ.).

Vitaliy S. Kovin, Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Political Processes and Institutions Research, Perm Scientific Centre, Perm. E-mail: kovinvt@gmail.com

LOCAL FACTORS OF ELECTORAL DEVIATIONS IN URAL REGIONS IN ELECTIONS 18.09.2016

Abstract: This article examines the reasons for some cases of significant deviations in political parties' results of 2016 elections in three regions of the Urals: Perm Krai, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. Various manifestations of “local identity” are seen to be a key factor influencing the electoral preferences of the voters. In a number of cases, these preferences differ significantly from the averages. Electoral behavior of Russian voters is known as changeable and difficult to relate to any classic theories. Motives for their participation and non-participation in elections, “instruments” that they use to inform their choice can significantly differ from one electoral campaign to another, and even within one electoral campaign. During national and regional elections, the biggest majority of “electoral deviations”, which have a local origin, is found on a local level, i.e., on the level of local settlement outside big cities. This article examines three particular cases of three Ural cities during the 2016 election when the results of voting were determined by local issues. It is found that local motives for electoral preferences include supporting nominated “fellow countryman”; supporting local politician (a district head, a mayor or an MP) when they have been promoted to a higher executive position; attracting attention to an urgent problem (e.g. local factory crisis). This article suggests that these local factors, especially voting for a “fellow countryman”, are the manifestation of the sense of the local community and the traditionalist culture of some voters, and are temporary and situational in their nature.

Keywords: elections, electoral preferences, local community, local identity, fellow countryman.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОТ ЕГОРА СТРОЕВА ДО ВАДИМА ПОТОМСКОГО

УДК 323.2

Александр Владимирович Скиперских

доктор политических наук, профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Пермь.
E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

В данной статье речь идет об особенностях инкорпорации новых членов в политическую элиту Орловской области. Специфика орловского случая, с точки зрения автора, заключается в том, что вплоть до настоящего времени процессы инкорпорации в региональный политический класс управляются представителями старой орловской номенклатуры, получившей ключевые посты и должности в период губернаторства Е. Строева. Распределение власти в Орловской области практически полностью замыкалось на фигуре бывшего губернатора. Для современной России это не является исключением. Существующая преемственность в воспроизводстве политической элиты, характерная для современной России на федеральном уровне, проецируется и на практики формирования региональных политических элит. По мнению автора, фактор Е. Строева становится определяющим и в случаях политической легитимации новых губернаторов Орловской области – А. Козлова и В. Потомского. Несмотря на различные трансмиссии назначения в Орловскую область, сложно оспорить тот факт, что каждый из них в свое время представлял собой креатуру влиятельных федеральных групп; на местах им приходилось решать проблемы собственными силами. Рано или поздно необходимость формирования собственной команды оборачивалась определенной проблемой, связанной с дефицитом лояльной и профессиональной бюрократии. Ограниченность кадровых ресурсов во многом объясняет их стремление заручиться поддержкой Е. Строева и максимально эффективно скомбинировать новый политический класс региона из местных и «варягов». Консенсус между «старой» и «новой» элитами оказывается оптимальной моделью сосуществования данных элит. Тем не менее процессы обновления рано или поздно снизят значение фактора Е. Строева, что может привести в развитие политической элиты Орловской области некоторую неопределенность и сигнализировать о сложных процессах в среде правящей бюрократии. Дальнейшее воспроизводство политической элиты в Орловской области будет нуждаться в некоем цементирующем акторе и авторитете, однако поиск такой фигуры вряд ли окажется успешным в обозримом будущем.

Ключевые слова: власть, губернатор, легитимация, Орловская область, политические элиты.

Формирование политической элиты в Орловской области имеет свою специфику, что определенным образом отличает данный субъект РФ от других регионов. Процессы инкорпорации новых членов в региональную политическую элиту начиная с конца 1980-х гг. и вплоть до настоящего времени находятся под управлением Е. Строева, возглавлявшего Орловскую область еще в советское время. Он был губернатором Орловской области и в период развития российской государственности (1993–2009), будучи последним из политиков современной России, входившим в состав Политбюро ЦК КПСС. Принадлежность Е. Строева к советской школе региональных руководителей во многом определяет и специфику функционирования самой региональной политической элиты, и ключевые принципы инкорпорации и экскорпорации ее членов. О. Крыштановская в этом смысле предпочитает говорить о «последней советской когорте», то есть о тех политиках, которых распад СССР застал в креслах первых секретарей обкомов КПСС [Крыштановская 2005].

В Орловской области в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в сравнении с другими субъектами РФ наиболее заметно ощущалось наличие советского политического текста. Коммунистическая традиция максимально долго сохраняла свою инерцию, распространяясь на культурные и политические практики, сказываясь на процессах *рекрутирования* политической элиты. Авторитет Е. Строева был беспрекословен, и элита внимала своему губернатору в лучших традициях номенклатурного чиновничества. Интеллектуальный потенциал элиты формировался в «инкубаторе» бывшей партшколы – Орловском филиале Российской академии государственной службы (РАГС), с которым были тесно связаны многие представители орловской политической элиты. Даже сам Е. Строев, будучи губернатором Орловской области, в местном филиале РАГС являлся еще и председателем диссертационного совета по экономическим наукам. Кстати, М. Восленский в известном труде «Номенклатура», описывая культурный контекст жизни советского партийного класса, отмечает, что в среде номенклатуры «распространено стремление к ученым степеням» [Восленский 2005]. Применительно к орловскому политическому классу это абсолютно справедливо.

В середине 1990-х гг. Е. Строев возглавлял Совет Федерации Федерального Собрания РФ, обладая серьезным аппаратным весом. В определенных кругах даже полагали, что Е. Строев может рассматриваться в качестве преемника Б. Ельцина. Нужно отметить, что в период президентства Б. Ельцина Совет Федерации ФС РФ позиционировался как один из наиболее влиятельных институтов власти. Входящие в его состав губернаторы-тяжеловесы обладали достаточным личным авторитетом для того, чтобы выторговывать для своих регионов необходимые преференции. Более того, организованные ими проекты («Отечество», «Вся Россия») могли существенно ударить по легитимности самого президента. Таким образом, фигура самого Е. Строева прочно ассоциировалась с губернаторской фрондой и определенной независимостью от Москвы. Е. Строев признавался, что «всегда был сторонником сильного федеративного государства», и, наверное, мог бы претендовать на то, чтобы являться одной из самых влиятельных фигур

дискурса о российском федерализме и политиком, чей портрет будет находиться в галерее знаковых региональных деятелей [Stoliarov 2002].

Видимо, не случайно преобразование Совета Федерации в свете нового формата его конструирования стало одной из самых заметных и системных реформ В. Путина после его прихода на президентский пост. Но даже после этого влияние Е. Строева было довольно сильным и Орловскую область в верхней палате российского парламента представляли исключительно «свои». От исследователей региональных политических элит не ускользает тот факт, что во многих субъектах РФ был сделан выбор в пользу представителей московской или питерской элиты, московских бизнесменов, олигархов, а также силовиков. Но для Орловской области показательным было назначение в верхнюю палату сенатором Марины Рогачевой – дочери Егора Строева, занимавшей кресло в Совете Федерации ФС РФ с 2004 г. и вплоть до ухода самого Е. Строева с поста губернатора в 2009 г. В кресле сенатора Марина Рогачева сменила Павла Меркулова, ставшего впоследствии вице-губернатором Орловской области. (Теперь Меркулов возглавляет Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – РАНХиГС.) На наш взгляд, рокировки в пользу строевской номенклатуры, связанные с представительством в Совете Федерации ФС РФ, только подтверждают ее жизнеспособность вне зависимости от изменений в региональной политической конъюнктуре.

Фактор Е. Строева определенным образом был поставлен под сомнение случаем с А. Рогачевым – мужем его дочери, М. Рогачевой. В свое время А. Рогачев сделал стремительную карьеру от майора (в это время он служил в Федеральном агентстве правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации (ФАПСИ)) до генерал-майора ФСБ. На пике влияния Е. Строева (1997–2000) он работал непосредственно под его началом в должности советника Председателя Совета Федерации ФС РФ (1997–2000).

В информационном дискурсе современной России практически не опровергается зависимость высокого положения Е. Строева от стремительного карьерного взлета А. Рогачева. А. Рогачев в конце 1990-х гг. был вице-президентом Акционерной финансовой корпорации (АФК) «Система» и обладателем крупного пакета акций ОАО «Реком» – одного из крупных мобильных операторов в Центральном Черноземье (уже позже акции были проданы ОАО МТС. По неофициальным данным, сумма сделки могла составлять около 110 млн долларов США) [Жеглов, Инютин 2009]. Помимо этого А. Рогачев имел влияние и на другие экономические структуры Орловской области. В частности, он был владельцем контрольного пакета акций ЗАО «Кондитерская фабрика», акций ОАО «Орелпродмаш» и множества других региональных компаний. Как писал «Коммерсант», основным бизнес-партнером зятя Е. Строева тогда являлся «бывший первый вице-губернатор Орловской области Игорь Сошников, ныне объявленный в международный розыск по обвинению в мошенничестве в особо крупном размере» [цит. по: Жеглов, Инютин, 2009]. А. Рогачев был наиболее активным и предприимчивым членом строевского клана; есть и другие примеры вовлечения пред-

ставителей семьи губернатора в различные политические и экономические проекты. Так, племянник Е. Строева, В. Строев, до сих пор является председателем совета директоров ОАО «Орелстрой». Жизнеспособность политической элиты во многом подтверждается постоянным развитием через открывающиеся перспективы и возможности для тех, кто непосредственным образом оказывается связанным с ней. В первую очередь подобные возможности имеют члены семьи политического лидера и его родственники, получающие ключевые посты и должности. На данную особенность функционирования правящего класса обратил внимание итальянский элитолог Г. Моска, признавший, что «...семейные связи играют в функционировании правящей верхушки большую роль» [цит. по: Самсонова 1994: 181].

Пример взаимодействия А. Рогачева и влиятельных чиновников из орловской администрации в эпоху Е. Строева демонстрирует, как происходила реализация семейной политики в экономическом пространстве Орловской области и какие последствия могли наступить после неблагоприятного развития ситуации, а именно отставки влиятельного губернатора. Отставка Е. Строева могла означать распад всей лоббистской сети, выстроенной наиболее одиозными представителями его клана. 22 февраля 2009 г. в Москве возле одного из ресторанов произошло убийство А. Рогачева, которое ментально стало ассоциироваться с отставкой Е. Строева.

Правоохранители проявляли интерес и к другим представителям элиты «эпохи Е. Строева». До этого было возбуждено дело против вице-губернатора Виталия Кочуева. Был объявлен в розыск мэр г. Орла А. Касьянов, оппонировавший Строеву в период избирательной кампании 2006 г. (выборы главы г. Орла). В целом в 2008 г. «следственным управлением следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Орловской области было возбуждено 56 дел коррупционной направленности» [Убийство... 2009]. Конечно, было бы странно выводить за рамки данной проблемы самого Е. Строева и дальше продолжать делать вид, что он не имеет к этому никакого отношения, а корень зла скрывается в корыстолюбивых «боярах».

Недовольство Е. Строевым отмечалось и раньше, проявляясь в протестной активности населения, что само по себе выглядело довольно смело в условиях авторитарного регионального пространства. Правда, не стоит упускать из внимания и тот факт, что в середине 2000-х гг. протестная активность еще могла быть ненаказуемой для ее организаторов, да и акции недовольства региональной властью, скорее, говорили о честности и правдоискательстве их организаторов. В 2005 г. представители малого и среднего бизнеса Орловской области обратились к В. Путину с просьбой отказать в доверии Е. Строеву, потому как «за время правления господина Строева в области сложился диктаторский авторитарный режим, а его команда захватила “всю недвижимость и производство в регионе”» [Строев Егор Семенович 2016].

Подобные разоблачения только приближали перспективу серьезных изменений, старт которым должны были дать в Москве. В пользу данной перспективы свидетельствует практика назначений губернаторов, в результате которых интересы московских влиятельных групп получали значительный

приоритет, несмотря на лоббистские усилия региональных элит. После рабоблачений, связанных с практикой управления в Орловской области, было понятно, что у строевской команды будет очень мало шансов повлиять на решение Москвы и отстоять свою креатуру. Единомышленникам Е. Строева не удалось пролоббировать назначение своего человека. Это привело к тому, что впервые в Орловской области появился приезжий губернатор, губернатор – варяг. Им стал Александр Козлов, работавший до этого заместителем министра сельского хозяйства РФ. Отчасти в назначении могла просматриваться и некоторая логика, связанная с профессиональным профилем нового губернатора и сельскохозяйственным экономическим паспортом Орловской области.

Разумеется, назначение А. Козлова не могло означать моментального вхождения нового губернатора в круг проблем Орловской области. Также это не означало, что в Орловской области будет моментально сконструирована новая политическая элита, максимально освобожденная от строевского влияния. Случай Орловской области, кстати, подтверждается и другими многочисленными ситуациями, когда у нового губернатора просто нет достаточных профессиональных ресурсов, которыми в одночасье может быть заменена старая команда. Опыт схожих элитных трансформаций показывает, что в течение некоторого времени новый губернатор (мэр, глава муниципального района и т.д.) пролонгирует полномочия некоторых фигур из прежней команды, расставаясь только с одиозными игроками, чьи имена связаны со скандалами и негативной репутацией. Это делается в интересах настраивания управляемости, погружения в текущий процесс, дабы избежать кардинальных разрывов и сбоев в системе управления.

Что-то подобное происходило и в отношениях А. Козлова со строевской элитой, продолжавшей оставаться на ключевых постах в огромном количестве структур и сохранявшей преданность бывшему губернатору. Многие депутаты Орловского областного Совета также могли иметь прямые или косвенные контакты с командой Е. Строева, что обещало А. Козлову определенные проблемы в быстром прохождении необходимых региональных законов. Сложно сказать, какова была роль А. Козлова в назначении Е. Строева представителем в Совете Федерации ФС РФ и насколько данная инициатива исходила именно от него. Совет Федерации к тому времени уже приобрел репутацию своего рода клуба бывших губернаторов. Эта репутация остается за ним и в настоящий момент. Тем не менее А. Козлов прокомментировал для СМИ свое решение. В одном интервью он подчеркнул, что Е. Строев больше не будет вмешиваться в региональный политический процесс, а то, «что он раздал, он должен вернуть в Орловскую область. Акции и “Орелстроя”, и “Орелоблэнерго”, и “Орловской нивы”, перечислять пальцев не хватит» [Маринин 2010]. Нет сомнений, что данный комментарий не совсем отражал реальное положение дел, хотя определенный резонанс все-таки могло иметь возвращение под контроль областной власти ОАО «Агрофирма “Мценская”», связывавшегося с интересами близких к Е. Строеву структур.

В период губернаторства А. Козлова не мог не актуализироваться кадровый вопрос – новому губернатору было необходимо искать поддержки у местной элиты и инкорпорировать в новый политический класс региона тех ее представителей, что могли по той или иной причине уйти из команды Е. Строева либо иметь какие-то личные обиды. Так, в окружении нового губернатора появляются Ю. Парахин (сын влиятельного на тот момент времени ректора Орловского государственного аграрного университета Н. Парахина) и П. Меркулов, назначенный директором в Орловский филиал ОАО «Газпром газораспределение». Эти два примера показывают, что А. Козлов был готов отдавать посты «колеблющимся» игрокам, определенным образом дистанцировавшимся от строевской элиты и всячески пытавшимся встроиться в новый политический истеблишмент региона.

Политический рекрутинг А. Козлова, ориентированный на «коренных орловцев», не принес ожидаемого результата. По мнению некоторых политологов, это порождало в дальнейшем неуверенность А. Козлова и не могло не сказываться на эффективности управления в регионе. Как утверждает О. Подвинцев, А. Козлову было присуще ощущение себя как «чужого», что экстраполировалось и на его собственное окружение [Подвинцев 2014: 132].

Историю появления в команде А. Козлова вице-губернатора И. Гармаша объяснил ресурс «Регион 57», иронизируя, что А. Козлов «...подобрал его по пути в Орел на московской кольцевой. Давний приятель просил пристроить на время куда-то горемычного бывшего вояку из коммуналки в военном городке. Его – Гармаша “охранную” натуру выдавали выглядывающие под пиджаком плечевые ремни от кобур. Приехав вместе с Козловым в Орел, он занял место в кабинете помощника Губернатора в Первой приемной. То и дело “из-за жары” он периодически снимал пиджак, демонстрируя под мышками две перекрестно пристегнутые кобуры» [Орловская область... 2016].

Дефицит кадров в команде А. Козлова проявился на выборах главы г. Орла в 2010 г. Возникла проблема подбора лояльной креатуры. На наш взгляд, довольно показательно, что ее не удалось найти в Орле, потому как слишком велик был риск получить в выбранной кандидатуре замаскированного оппонента из строевской команды. Поиски кандидатуры увеличивали шансы кандидатов из «левой» оппозиции. В Орловской области нет бюджетобразующих, крупных предприятий, аккумулирующих большой социальный потенциал. Значительная часть населения проживает в небольших городах и селах, что определенным образом конструирует его «левый» электоральный профиль. Левые ориентации избирателей, в целом небогатых и патерналистски ориентированных, проецируются и на специфику функционирования и воспроизводства самой региональной элиты. Традиционно успех на выборах главы г. Орла зависел от того, насколько претендент мог на тот момент времени договориться о поддержке со стороны местного отделения КПРФ (избрание в 2006 г. вопреки Е. Строеву мэром Орла А. Касьянова, победившего единокоросса П. Меркулова).

В 2010 г. перед властью снова встала проблема выборов, потому как в качестве претендента обозначил себя В. Иконников (депутат Госдумы ФС РФ от КПрФ). Это не устраивало А. Козлова, с точки зрения которого было бы слишком опрометчиво способствовать победе местного коммуниста. Опыт городских избирательных кампаний в Орле неизменно обнаруживал конкуренцию между КПрФ и «Единой Россией».

Командой А. Козлова было принято решение сделать ставку на «варяга», но с орловскими корнями. Таковым явился генерал-майор МЧС В. Сафьянов, работавший главой администрации Колпинского района Санкт-Петербурга (позже А. Козлов сделал его своим советником). Чтобы облегчить политическую легитимацию В. Сафьянова, его утвердили исполняющим обязанности главы г. Орла. Генерал начал довольно агрессивную избирательную кампанию, которая в итоге принесла победу, но с большими издержками для имиджа региональной власти. Раздражение усиливалось и кадровыми перестановками в администрации города, в результате которых чиновничий класс разбавился доверителями нового главы, имевшими опыт работы в силовых структурах. Среди нового чиновничьего класса были и представители строевской элиты. В частности, в администрации появился бывший мэр Орла и вице-губернатор Е. Вельковский. Данную практику не стоит расценивать как попытку заигрывать со старой гвардией. Новая элита была вынуждена сталкиваться с проблемами коммунальной сферы и «горячими точками» в городском хозяйстве, что делает неизбежным даже парадоксальный рекрутинг. Профессионалы и специалисты оказываются востребованы именно в тот момент, когда перед новой властью актуализируется проблема кадров – полностью заменить бюрократический корпус она не в состоянии, а вот конкретным персонам могут поступить предложения, от которых трудно отказаться. В. Сафьянов проработал в должности главы г. Орла до 2012 г., после чего его сменил назначенец – представитель КПрФ С. Ступин.

Политическая нестабильность сказывалась и на инвестиционной привлекательности региона. Сложно было понять, кто будет гарантировать успешное прохождение проектов и согласования. Наличие двух центров силы – строевской элиты и новой команды А. Козлова – снижало интерес к проектам в Орловской области. Привлекательность их в глазах бизнеса падала. Это было связано, прежде всего, с отсутствием понятных «правил игры». Е. Строев казался более предсказуемым, нежели назначенный А. Козлов. Один из предпринимателей в интервью «Коммерсанту» говорит о том, что в бытность Е. Строева губернатором было достаточно доли в предприятии для дружественной его семье фирмы; «исключения делались в основном для компаний со 100-процентным иностранным капиталом вроде завода холдинга Coca-Cola или итальянской Kerama Marazzi» [Инютин 2012]. Что касалось А. Козлова, то «четких» правил для бизнеса не было, что не могло не смущать тех, кто долгое время работал при Е. Строеве и с тревогой встретил изменение формата сосуществования бизнеса и власти.

В конце электорального цикла обнажились проблемы. Низкая управляемость регионом не могла не ударить по имиджу новой власти. Развитие

региона тормозилось. Складывающуюся ситуацию, на наш взгляд, в свое время удачно определил немецкий теоретик коммуникации Н. Луман, по мнению которого «кризисы развиваются ввиду недостаточной власти и (или) недостаточной компетентности» [Луман 2001: 136].

Низкая управляемость регионом делала весьма призрачными перспективы А. Козлова. Проблемы Орловской области и команды нового губернатора не ускользали от внимания экспертов и политических аналитиков. В многочисленных регулярных рейтингах эффективности губернаторов А. Козлов всегда занимал низкую позицию. Слабость региональной власти в Орловской области безусловно не была секретом и для Администрации Президента. В тот самый момент уже запускались экспериментальные проекты по передаче регионов представителям системных политических партий, и Орловская область как будто напрашивалась для нового коммунистического эксперимента.

26 февраля 2014 г. указом В. Путина исполняющим обязанности губернатора Орловской области был назначен Вадим Потомский (депутат Госдумы ФС РФ от КПРФ). Осенью 2014 г. ему удалось очень уверенно выиграть прямые губернаторские выборы с какими-то невероятными 89% голосов «за» и при высокой явке избирателей. Выборы В. Потомского были практически безальтернативными, что говорит о наличии консенсуса с местным отделением «Единой России» и о согласованности кандидатуры В. Потомского на уровне В. Володина и других архитекторов российского политического ландшафта в его региональном измерении.

Безальтернативность В. Потомского на тот момент времени поняли и представители орловского политического класса, попытавшиеся поначалу имитировать включение в избирательный дискурс. Здесь показателен пример И. Мосякина, заявившего о своих намерениях баллотироваться на губернаторский пост, но потом отказавшегося от своих намерений [«Патриоты России»... 2014].

Свой интерес к назначению В. Потомского определенным образом подтвердил Е. Строев, на одном из местных торжественных мероприятий попросивший орловскую элиту поддержать кандидатуру нового губернатора [За Потомского... 2014].

Назначение В. Потомского – итог действия совокупности факторов, постепенно усиливавших его позиции. Так, помимо имевшихся возможностей вести диалог с Кремлем, поддержки бывшего губернатора Орловской области, связей в Санкт-Петербурге, сказавшихся при его назначении и переформатировании орловской элиты, в сложившейся ситуации могли присутствовать и интересы Г. Зюганова – выходца из Орловской области. В российском политическом дискурсе постепенно назревал момент, когда лояльность КПРФ в отношении власти, ее системные достижения должны были воплотиться в некий бонус. Кажется, случай с Орловской областью есть некоторое тому подтверждение. Складывается впечатление, что В. Потомскому нужно было срочно подобрать какой-то субъект РФ – параллельно с удовлетворением его амбиций (он уже баллотировался от КПРФ на пост губернатора Брянской области) на деле

решался эксперимент с назначением креатуры КПРФ в качестве губернатора субъекта РФ.

Лидер КПРФ позитивно характеризует нового губернатора, отмечая, что В. Потомский «имеет прекрасное образование, одновременно являясь инженером и управленцем. У него огромный опыт депутатской деятельности на всех уровнях, вплоть до Государственной Думы». Г. Зюганов представляет В. Потомского В. Путину. Сам В. Потомский не раз публично благодарил Г. Зюганова за «особое участие» и за установление доверительных и тесных рабочих отношений с Президентом России В. Путиным» [Тагаева 2014].

Визиты Г. Зюганова в Орловскую область становятся важным информационным событием. Лидер КПРФ принимает участие в закладке аквапарка – самого крупного в Центральном федеральном округе (ЦФО). Стоимость проекта оценивалась в 4,5 млрд р., а сам проект включал в себя 14-этажную гостиницу, аквазоны, фитнес-центр, кафе и рестораны [Лидер КПРФ... 2015]. Коммунисты, несомненно, понимают экспериментальный характер управления в Орловской области, и это во многом объясняет их стремление реализовывать интересные и необычные проекты, хотя бы даже и связанные с досуговой сферой.

Есть предположение, что дальнейшее продвижение В. Потомского будет связано с партийным строительством. Конечно, здесь шансы получают представители КПРФ, находящиеся в данный момент у власти. Впрочем, помимо В. Потомского на роль преемника Г. Зюганова может претендовать глава г. Новосибирска А. Локоть или губернатор Иркутской области С. Левченко.

Политическое рекрутирование в региональную элиту при В. Потомском во многом повторяет тактику его предшественника А. Козлова. В. Потомскому не удастся избежать репутации «варяга», в биографии которого отсутствуют орловские мифологемы. В новой администрации В. Потомского, как и в случае А. Козлова, представлены «местные» (В. Соколов – вице-губернатор, курирующий аппарат администрации) и «приезжие». К «приезжим» относятся новые претенденты на должности вице-губернаторов – А. Бударин и Б. Оздоев. Некоторые фигуры в новой конструкции власти связываются с «ленинградским» периодом деятельности В. Потомского как бизнесмена, специализировавшегося на сборе и вывозе мусора (Д. Бутусов – заместитель председателя Правительства Орловской области) [Сомов 2015].

В. Потомский обладает репутацией амбициозного молодого политика, совершившего резкий карьерный рывок и сумевшего заручиться доверием федеральных политических элит. В. Потомский возглавляет непростой субъект РФ, где нужно постоянно демонстрировать какие-то достижения, находясь в зоне критики со сторон строевской элиты. В подобном формате В. Потомский работает губернатором уже больше двух лет. Определенной проверкой его способности управлять областью будет федеральная думская избирательная кампания 2016 г., когда ее результат будет зависеть от того, насколько он сможет убедить ветеранов местной политики в том, какой именно результат мог бы стать оптимальным для региона.

Вместе с тем становится понятным, что ему пока не удается «перезагрузить» региональный политический процесс. Рейтинг губернаторов за 2015 г. Фонда развития гражданского общества (ФОРГО) отводит В. Потомскому лишь 67-ю позицию из 85, причисляя его к группе лидеров потери рейтинга [Субботина, Казаков 2016]. Не улучшается ситуация и в 2016 г. Эксперты отводят В. Потомскому 67–68-е место в группе со средним рейтингом [Рейтинг... 2016]. Сложно представить, какой мощный рывок нужно совершить, чтобы рейтинг В. Потомского взлетел вверх, свидетельствуя о серьезных положительных сдвигах в экономическом, социальном и культурном пространстве Орловской области.

Таким образом, необходимо отметить, что процесс элитного строительства в Орловской области происходит с учетом каналов инкорпорации новых членов в региональную элиту, разработанных в период губернаторства Е. Строева, и поныне подтверждающего репутацию «цементобразующей фигуры “орловского консенсуса”» [Орловская область в декабре... 2000]. В целом такая практика, когда представители бывшей партийной номенклатуры имеют определенные рычаги влияния на политическую жизнь в регионе, сохраняет себя вплоть до настоящего времени. Равно как и в других субъектах РФ, в Орловской области в течение долгого времени «распределение власти становится прерогативой узкой группы людей, связанных неформальными договорами и обязательствами» [Скиперских 2013: 82]. Поэтому в условиях современной России, когда имеет место определенная преемственность в воспроизводстве политических элит, сложно ожидать какого-то моментального преобразования, формирования нового управленческого стиля, новой философии власти.

Орловская политическая элита, в течение длительного времени складывавшаяся непосредственно при Е. Строеве и сохранявшая специфические правила инкорпорации новых членов, до сих пор оказывает определенное влияние в регионе, которое, скорее всего, будет со временем уменьшаться из-за объективных процессов элитной циркуляции.

Материал поступил в редколлегию 07.06.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Восленский М. 2005. Номенклатура : [анатомия советского правящего класса]. М. : Захаров. 640 с.

Жеглов А., Инютин В. 2009. Бывшего зятя орловского губернатора Строева убили выстрелом в затылок [Электронный ресурс]. URL: <http://compromat.name/byvshego-zyatya-orlovskogo-gubernatora-stroeva-ubili-vystrelom-v-zatylok> (дата обращения: 05.06.2016).

За Потомского впрягается предшественник, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://club-rf.ru/57/detail/487> (дата обращения: 05.06.2016).

Инютин В. 2012. Губернатор сам не свой. Александр Козлов не смог заменить Егора Строева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1983229> (дата обращения: 05.06.2016).

- Крыштановская О. 2005. Анатомия российской элиты. М. : Захаров. 384 с.
- Лидер КПРФ Зюганов поддержал реализуемые Потомским инвестиционные проекты в Орловской области, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/news/read/id/lider-kprf-zjuganov-podderzhal-realizuemye-potomskim-investitsionnye-proekty-v-orlovskoj-oblasti> (дата обращения: 03.06.2016).
- Луман Н. 2001. Власть. М. : Праксис. 256 с.
- Маринин А. 2010. Губернатор Александр Козлов может наступить на «приватизационные грабли» Егора Строева? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moscow-post.com/politics/001271050666791/> (дата обращения: 05.06.2016).
- Орловская область в декабре 1999 – январе 2000 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jan2000/monit-orel_2000_01.html (дата обращения: 05.06.2016).
- Орловская область. Игорь Гармаш. Антология деградации, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://region57.com/post/8Zqk86cbe9CnNQfz9> (дата обращения: 05.06.2016).
- «Патриоты России» отзывают кандидатуру Ивана Мосякина, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2493490> (дата обращения: 05.06.2016).
- Подвинцев О.Б. 2014. Губернаторы-«варяги»: тенденции сосуществования и взаимодействия с региональными элитами // Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации. Пермь : Перм. науч. центр УрО РАН. С. 119-141.
- Рейтинг эффективности губернаторов. Тринадцатый выпуск. 22 марта 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/mat/99> (дата обращения: 05.06.2016).
- Самсонова Т.Н. 1994. Концепция «Правящего класса» Г. Моски // СОЦИС : Социолог. исслед. № 10. С. 176-187.
- Скиперских А.В. 2013. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк : Гравис. 204 с.
- Сомов Д. 2015. Передел мусорного бизнеса [Электронный ресурс]. URL: http://www.moscow-post.com/politics/semeynoe_delo_gubernatora_potomskogo18718/ (дата обращения: 05.06.2016).
- Строев Егор Семенович, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://perebezhchik.ru/person/stroev-egor--semenovich/> (дата обращения: 05.06.2016).
- Субботина С., Казаков И. 2016. Конфликты с «Единой Россией» и ОНФ повлияли на рейтинг губернаторов [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/602629> (дата обращения: 05.06.2016).
- Тагаева Л. 2014. Кого администрация президента готовит на роль преемников Зюганова? [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/kogo_i_kak_administratsiya_prezidenta_podgotavlivaet_preemnikov_zyuganovu-1062753.xhtml (дата обращения: 05.06.2016).
- Убийство бывшего генерала-майора ФСБ Александра Рогачева может быть связано с отставкой губернатора Орловской области, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/news/2009/02/25/orel/> (дата обращения: 05.06.2016).
- Stoliarov M. 2002. Federalism and the Dictatorship of Power in Russia. London : Taylor Francis Ltd, United Kingdom. 304 p.

References

Inyutin V. *Gubernator sam ne svoy. Aleksandr Kozlov ne smog zamenit' Egora Stroeva* [The governor is not himself. Aleksandr Kozlov could not replace Yegor Stroyev], 2012,

available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1983229> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Kryshstanovskaya O. *Anatomiya rossiyskoy elity* [The anatomy of the Russian elite], Moscow, Zakharov, 2005, 384 p. (in Russ.).

Lider KPRF Zyuganov podderzhal realizuemye Potomskim investitsionnye proekty v Orlovskoy oblasti [Communist Party leader Zyuganov supported Potomsky investment projects in Orel region], 2015, available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/news/read/id/lider-kprf-zjuganov-podderzhal-realizuemye-potomskim-investitsionnye-proekty-v-orlovskoj-oblasti> (accessed 03 June 2016). (in Russ.).

Luman N. *Vlast'* [Trust and Power], Moscow, Praksis, 2001, 256 p. (in Russ.).

Marinin A. *Gubernator Aleksandr Kozlov mozhet nastupit' na «privatizatsionnye grabli» Egora Stroyeva?* [Governor Alexander Kozlov could come to the “privatization rake” Yegor Stroyev?], 2010, available at: <http://www.moscow-post.com/politics/001271050666791/> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Orlovskaya oblast' v dekabre 1999 – yanvare 2000 goda [Orel region in December 1999 – January 2000], available at: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jan2000/monit-orel_2000_01.html (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Orlovskaya oblast'. Igor' Garmash. Antologiya degradatsii [Orel region. Igor Garmash. Anthology degradation], 2016, available at: <http://region57.com/post/8Zqk86cbe9CnNQfz9> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

«Patrioty Rossii» otzvyayut kandidaturu Ivana Mosyakina [“Patriots of Russia” withdraw the candidacy of Ivan Mosyakin], 2014, available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2493490> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Podvintsev O.B. *Gubernatory-«varyagi»: tendentsii sosushchestvovaniya i vzaimodeystviya s regional'nymi elitami* [Governors-“Vikings”: coexistence trends and interaction with regional elites], *Gubernatorskiy korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoy sistemy Rossiyskoy Federatsii*, Perm, Perm. nauch. tsentr UrO RAN, 2014, pp. 119-141. (in Russ.).

Reyting effektivnosti gubernatorov. Trinadtsatyy vypusk. 22 marta 2016 goda [Rating the effectiveness of governors. The thirteenth edition. March 22, 2016], available at: <http://civilfund.ru/mat/99> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Samsonova T.N. *Kontseptsiya «Pravyashchego klassa» G. Moski* [The concept of “ruling class” G. Mosca], *SOTSIS: Sotsiolog. issled.*, 1994, no. 10, pp. 176-187. (in Russ.).

Skiperskikh A.V. *Politicheskiy protest v rossiyskoy provintsii: struktura, dinamika, performansy (na primere Lipetskoy oblasti)* [Political protest in the Russian province: the structure, dynamics, performance (an example of the Lipetsk region)], Lipetsk, Gravis, 2013, 204 p. (in Russ.).

Somov D. *Peredel musornogo biznesa* [Redistribution garbage business], 2015, available at: http://www.moscow-post.com/politics/semeynoe_delo_gubernatora_potomskogo18718/ (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Stoliarov M. *Federalism and the Dictatorship of Power in Russia*, London, Taylor Francis Ltd, United Kingdom, 2002, 304 p.

Stroyev Egor Semenovich [Stroyev Yegor Semenovich], 2016, available at: <http://perebezhchik.ru/person/stroyev-egor--semenovich/> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Subbotina S., Kazakov I. *Konflikty s «Edinoy Rossiey» i ONF povliyali na reyting gubernatorov* [Rating of governors was changed conflicts with the “United Russia” and ONF], 2016, available at: <http://izvestia.ru/news/602629> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Tagaeva L. *Kogo administratsiya prezidenta gotovit na rol' preemnikov Zyuganova?* [Who presidential administration prepares for the role of successor Zyuganov?], 2014,

available at: http://slon.ru/russia/kogo_i_kak_administratsiya_prezidenta_podgotavlivaet_preemnikov_zyuganovu-1062753.xhtml (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Ubiystvo byvshego generala-mayora FSB Aleksandra Rogacheva mozhet byt' svyazano s otstavkoy gubernatora Orlovskoy oblasti [The murder of former FSB Major-General Alexander Rogachev may be due to the resignation of the governor of the Orel region], 2009, available at: <http://polit.ru/news/2009/02/25/orel/> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Voslenskiy M. *Nomenklatura : anatomiya sovetskogo pravyashchego klassa* [Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class], Moscow, Zakharov, 2005, 640 p. (in Russ.).

Za Potomskogo vpryagaetsya predshestvennik [Predecessor intervenes for Potomsky], 2014, available at: <http://club-rf.ru/57/detail/487> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Zheglov A., Inyutin V. *Byvshego zyatya orlovskogo gubernatora Stroeva ubili vystrelom v zatylok* [Oryol Governor Stroyev's son in law was shot in the head], 2009, available at: <http://compromat.name/byvshego-zyatya-orlovskogo-gubernatora-stroeva-ubili-vystrelom-v-zatylok> (accessed 05 June 2016). (in Russ.).

Alexander V. Skiperskikh, Doctor of Political Science, Professor, National Research University Higher School of Economics, Perm. E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

POLITICAL ELITE OF OREL REGION: PROBLEMS OF INCORPORATION

Abstract: In this article, we investigate features of the incorporation into the political elite in the Orel region. From the point of view of the author, specificity of Orel's case lies in the fact that until now the processes of incorporation into the regional political class are managed by representatives of the old *nomenklatura* of Orel region, who were put into power by ex-governor Egor Stroyev. The distribution of power in the Orel region is almost entirely dependent on the former governor. In the modern Russia, it is not an exclusion. The continuity of the reproduction of political elites characterizes Russia at the federal level, and it is spread over the practice of incorporation of regional political elites as well. From the point of view of the author, Egor Stroyev's factor is decisive in the practice of political legitimation of new governors of the Orel region – Aleksander Kozlov and Vadim Potomsky. Despite the differences in transmitting into the Orel region, it is non-disputable that at one time both of them represented the powerful circles of federal groups in the field; they had to solve problems on their own. Eventually, the need of creating the own team turns into a certain problem due to a shortage of loyal and professional bureaucracy. To a certain degree, limited staff resources explains the desire of both governors to get Egor Stroyev's support and efficiently combine local people and «vikings» in the new political class of the region. The consensus between the «old» and the «new» elite is the optimal model of the dialogue. However, the renewal of the political elite of the Orel region may reduce the value of the factor of Egor Stroyev; it can bring some uncertainty into the development of the political elites and indicate difficult processes within the elite community. Further reproduction of the political elite in the Orel region will need some kind of authority and popular actors. Nevertheless, it is unlikely that the search for such a figure will have positive results.

Keywords: power, governor, legitimation, Orel region, political elite.

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 4, с. 73–90
<http://yearbook.uran.ru>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА)

УДК 340.12

Алексей Михайлович Пономарев

доктор философских наук,
директор Удмуртского филиала
Института философии и права УрО РАН,
г. Ижевск. E-mail: amp08@mail.ru

В статье рассматривается развитие современной правовой аксиологии, актуализирующей обращение к философско-аксиологическим концептам в их исторической динамике. Решение аксиологической проблематики в области права требует введения различия права как ценности и закона как ее нормативного выражения; изучение нормативной природы права предполагает анализ ценностно-нормативных аспектов функционирования социальных систем, осмысление взаимосвязи ценностей и деятельности социального субъекта, ее объективации в ценностно-нормативной системе, исследование ценности как формы сознания. Проекция современных аксиологических разработок на проблематику правовой аксиологии позволяет сделать следующие выводы в отношении права. Право как социальная система выступает в качестве институциональной ценности, закрепляя образцы действий. Одновременно право как элемент ориентации субъектов в социальном мире, мотивации их действий, формирования образа их Я является социальной ценностью. В структуре права выделяется объективированный аспект, придающий ему семиотический характер, и аспект субъективированный, воспринимаемый агентом социальной деятельности как долженствование и масштаб субъективной оценки, посредством

которой право проявляется и выражается в ценностном отношении субъекта. Применительно к обществу как субъекту право должно рассматриваться в качестве саморепрезентации этого общества. Здесь объективированный аспект права реализуется как совокупность юридических норм. Субъективированный аспект права проявляется как совокупность правовых практик различного уровня и их рефлексия в форме обыденного и теоретического сознания. К основным функциям права должно быть отнесено оформление субъектности субъекта социальной деятельности и выполнение роли одного из способов саморефлексии общества.

Ключевые слова: аксиология, правовая аксиология, ценность, оценка, норма, право, репрезентация, социальная коммуникация, система ценностей, индивидуальное сознание, общественное сознание.

В дискуссиях о праве одной из центральных является проблема ценностной природы права; это обусловило формирование в рамках философии права такого направления, как правовая аксиология. В теоретико-юридических дискуссиях разделение позиций идет по линии признания собственного аксиологического аспекта права, с одной стороны, и обоснования права исходя из внешних для него ценностей (в первую очередь моральных), с другой стороны. Философское понимание проблемного поля этих дискуссий невозможно вне контекста ценностной проблематики в целом, что заставляет обратиться к методологическим вопросам аксиологии.

В данной связи следует вспомнить о социальном контексте, в рамках которого ценностная проблематика получила самостоятельное значение. Аксиологическая проблематика как отдельное направление исследований оформляется во второй половине XIX в. В этот период понятие «ценность» приобретает статус одной из основных философских категорий; под влиянием философии начинается также изучение различных видов ценностей в конкретных науках их специфическими методами. Артикуляция ценностной проблематики в философии подчиняется императивам собственного ее развития, а также обуславливается всем социокультурным контекстом.

В первом случае следует говорить прежде всего об укоренении и развитии в теоретических исследованиях принципа историзма, о росте внимания к исследованию культуры и самоопределению общественно-гуманитарных наук как «наук о духе», а также о критической реакции на господство натурализма и позитивизма в научном познании. Далее – о необходимости переосмысления онтологической проблематики. Исторически эта задача была решена неокантианством¹. Решалась она, по словам М. Хайдеггера, как осмысление понятия «культура» в качестве типического для выражения своей эпохи понятия, в котором отражаются идеи исторически восходящего развития и деятельности как достижение и превосхождение наличной действительности [Хайдеггер 1996: 16-30].

---

¹ Также большой вклад в становление современной проблематики ценностей был внесен ницшеанством и марксизмом. По указанной проблеме см.: [Каган 1997: 13-19; Столович 1994: 130-133, 156-177].

Во втором случае речь идет о переходе к обществу зрелого модерна¹, к ситуации институционального закрепления функционально отдифференцировавшихся социальных систем. В этой ситуации исчезают бесконкурентные репрезентации социального; общество в целом, автономизирующиеся социальные системы сталкиваются с проблемой самоописания. В описываемых условиях «должен иметься уровень порядка, способный выдержать игру контингенций, “inviolable level”, который не затрагивается производством парадоксов и тавтологий в процессе принятия решений, но именно отсюда и получает свою значимость. ... В этом отношении понятие ценности начинается свою карьеру примерно с середины XIX века» [Луман 1991: 206].

Одновременно завершается становление личностного типа индивидуализации человека. Эта эпоха не только вычленяет индивидуальное, но и – порой до конфликта, – противопоставляет его общему. В такого рода обстоятельствах формируется потребность в выборе индивидуального поведения, осознается личная ответственность за него. Последняя связана с необходимостью соизмерения включающих элементы рациональности намерений с последствиями, то есть с оценкой. Как ответ на эти проблемы развивается рефлексия ценности в качестве масштаба данного соотношения-оценивания, в качестве интериоризации социального регулятора, замены внешних регуляторов поведения внутренними. В результате этого процесса единые для сообщества абсолютные ценности заменяются системой ценностей и рождается, по словам И. Витаньи, социологическая проблематика ценностей – их отношение друг к другу (ценности-цели, ценности-средства и т.д.) [Витанья 1984: 223].

Кроме того, само существование индивида в эпоху модерна в отличие от его существования в обществе традиции связано более с количественным, то есть временным, а не с пространственно-атрибутивным аспектом. Без переноса акцентов в социальном существовании с пространственно-атрибутивного на количественно-временной уровень невозможно формирование оценки – по крайней мере, как категории – и связанных с ней понятий «ценностная ориентация», «ценностная установка» и т.п.

Складывающийся тип социального существования тесно связан со становлением так называемого новоевропейского типа рационализма, который впервые полно был освещен М. Вебером [Вебер 1994: 43-73, 309-446; 1990: 44-344]. «Чаще всего Вебер использует понятие рациональности в значении “чистой калькулируемости”, “исчисляемости” для определения того, что делает возможным расчет действий и средств, необходимых для достижения определенной цели. ... Специфическую для Запада рациональность (выделено – автором) он связывал с целерациональным действием», – пишет о веберовской трактовке рациональности Н.А. Бусова [Бусова 2004: 20]. Помимо

---

¹ В данной статье понятия «модерн», «модернистское общество» в их противопоставлении аграрно-традиционалистским обществам, обществам античности и средневековой Европы используются как синонимичные понятиям «Новое время», «ноевропейское общество».

освобождения от традиционных форм регулирования и институционализации эффективность целерационального действия должна была мотивационно *закрепиться* в личности, «то есть получить ценностное оправдание» [Бусова 2004: 21].

Ю. Хабермас обозначает описанный М. Вебером процесс развития целевой рациональности как становление когнитивно-инструментальной рациональности и дополняет его процессом формирования и развития коммуникативной рациональности, которая реализуется в языковом опосредовании и связана с коммуникативной деятельностью, направленной на взаимопонимание участников социального взаимодействия. Под последним Ю. Хабермасом понимается «*коммуникативное действие*, символическое взаимодействие. Оно руководствуется обязывающими *консенсусными нормами* (выделено – автором), которые определяют взаимные ожидания относительно поведения и которые должны быть поняты и признаны, по меньшей мере, двумя действующими субъектами. ... Значимость социальных норм основана только на intersубъективности взаимного понимания намерений и обеспечена общим признанием обязательств» [Habermas J. 1971: 91-92].

Однако такое intersубъективное взаимопонимание, достигаемое в дискурсе, реализующем переходы от идеального к реальному, от структуры к событию, от общего к единичному, может являться только синтезом минимум двух точек зрения [Рикер 1995: 137]. А это, в свою очередь, означает запрос на принцип такого синтеза, который должен быть трансцендентен в отношении этих точек зрения. Данный синтез содержательно связан с должествованием в той мере, в какой воля коммуникантов направлена на достижение взаимопонимания, и предполагает готовность следовать ему. Иными словами, выражением подобного синтезированного взаимопонимания является ценность.

Можно констатировать, что в определенной социальной ситуации ценности стали выступать в роли инструмента, посредством которого обосновываются социальная идентичность, интеграция, intersубъективное нормативное согласие. Особое внимание здесь следует обратить на то, что экспликация ценностной проблематики и в общественных дискуссиях, и в теоретических спорах происходит в ситуации, когда формируется ново-европейская рациональность, одним из вариантов которой, по мнению Ю. Хабермаса, является коммуникативная рациональность.

Концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса включает в себя притязание на значимость ее участников. Именно в качестве таковой – значимости – должна, по нашему мнению, трактоваться ценность. Дело в том, что ценность характеризует заинтересованное отношение к миру субъекта, функционирует в коммуникативной среде. С этой точки зрения ценность является характеризующей объективацией субъекта, реализуемой в языке, выступающем в качестве средства объективации. «...*Система ценностей (субъекта) является “языком” мира объективаций* (выделено – автором), она содержит такие элементы и правила, на основе которых мы создаем объективации» [Витаньи 1984: 79].

В соответствии со сказанным анализ ценностей должен предваряться анализом способа существования объективирующего себя субъекта, который в качестве целостности реализуется посредством взаимодействия исторически сменяющихся эмпирических индивидов. Другими словами, анализу должны быть подвергнуты социальные механизмы организации отдельных социальных взаимодействий индивидов в устойчивую и конкретно определенную целостность, а также роль ценностей в этих механизмах. При этом в поле зрения должен постоянно удерживаться тот факт, что сами взаимодействия различно предметно-ориентированы и различным образом социально обусловлены.

В свою очередь, данные социальные взаимодействия оформлены в конкретную целостность посредством социальных связей, которые должны рассматриваться как опосредующее звено между определенным типом социальности и организуемым в коммуникации социальным взаимодействием эмпирических индивидов. Выступая как процесс по упорядочиванию индивидуальных взаимодействий и будучи оформленными в конкретном типе социальности, социальные связи воспроизводят общество в качестве целостности. Особо следует подчеркнуть, что этот процесс, с одной стороны, представляет собою социальную структуру, а с другой – является ее воспроизводством индивидами, которые осознают свои взаимодействия и задаваемые ими в объективированной форме смыслы как само собой разумеющиеся, как очевидные.

Подобная самоочевидность диктуется скрытой от индивидуального сознания социальной механикой. По аналогии с анализом М. Фуко познавательных эпистем эта механика, во-первых, может быть описана как положенная между эмпирическими порядками, с которыми имеет дело индивид, и общими (научными, философскими, идеологическими и т.п.) теориями. Во-вторых, можно утверждать, что в социальной механике эмпирически самоочевидный порядок, для которого она выступает положительной опорой, теряет свою прозрачность. В-третьих, можно признать, что указанная механика, утверждая принципиальное наличие элементов порядка, «...раскрывает порядок в самой его сути...», а потому «...более основополагающая ... в своей первичной и нерасчлняемой сути...» [Фуко 1994: 33-34].

Следует также отметить, что социальная механика есть совокупность находящихся в сложном переплетении видов деятельности, совокупность, «...складывающаяся в дифференцированную и иерархическую структуру ... по уровням и этапам которой объективно растекается человеческая деятельность, ее предметно закрепляемые общественные силы» [Мамардашвили 1992: 301]. Вся эта сложная глубинная механика для индивидуального сознания остается невидимой, своего рода «слепой зоной». Но именно в ней формируются границы сознания и те идеальные образования, которые данное сознание почитает своими, сотворенными им.

Разнотипность социальных целостностей во многом обуславливается различием этих образований, их комбинаций, посредством которых объективированные смыслы, значения доводятся до индивидуального сознания в качестве его очевидностей и обосновываются им. Ценности являются

одним из типов этих идеальных образований, которые предпочтительнее называть идеальными предметностями. В последних следует различать их содержательность, формируемую направленностью сознания на объекты окружающего мира, и саму идеальную форму сознания, придающую такой содержательности законченность.

В этой связи принципиально важным становится рассмотрение вопроса о природе идеальных форм, их объективности, способе существования и, исходя из цели данной статьи, выделение специфики идеальных форм, которые связаны с ценностями. В указанном направлении и излагается в дальнейшем аксиологическая проблематика. Связанные с ней вопросы будут рассматриваться через трактовку ценностей как одного из ключевых элементов конкретного исторического типа социальности – а именно универсально-понятийного. Под таковым будет пониматься тип социальности, особенность которого заключается в опосредовании любого частного всеобщим, в тяготении к языковым универсалиям и в функционировании коммуникации в режиме рационального дискурса. Связывая этот тип социальности с ее кодированием, М.К. Петров пишет, что его история «есть во многом история вовлечения языковых структур большой общности в процессы социального кодирования» [Петров 1991: 150]. Данный тип социальности зарождается в античности и достигает зрелости в период Нового времени.

Эту трактовку ценностей предполагается также использовать при рассмотрении права как предметности сознания при анализе юридических феноменов, функционирующих в режиме дискурса. Такого рода трактовка права позволяет различать юридические явления и право как принцип, организующий структуру правового сознания, конституирующий юридические феномены универсально-понятийного типа социальности и регулирующий их функционирование в дискурсе. Применительно к праву это положение позволяет рассматривать его в качестве квазисубъекта, обеспечивающего идентичность правового вида деятельности в дискурсивно поддерживаемом взаимодействии эмпирических индивидов, в отношении сознания которых право как форма общественного сознания приобретает трансцендентные характеристики.

Рассмотренный выше социальный механизм порождает социальные системы, «реализующиеся и функционирующие посредством сознания, то есть такие, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, говоря иначе, включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия)» [Мардашвили 1992: 298]. Ценность является одним из таких отображений. В силу этого понимание природы социальных ценностей, их «чувственно-сверхчувственной» сущности может быть раскрыто через анализ идеальной формы и закономерностей ее движения¹.

---

¹ Предметности сознания, по-нашему мнению, должны рассматриваться как конкретности, содержание которых задается внешним миром, на которое направлено сознание, а форма – структурой сознания. Последнее должно пониматься не как априорное, а наоборот – как исторически сформировавшееся в практике. См., напр.: [Вартофский 1988: 5-25].

Под идеальным в границах реализуемого в статье подхода понимается «характеристика ... вещественно зафиксированных (объективированных, овеществленных, опредмеченных) образов общественно-человеческой культуры, то есть исторически сложившихся способов общественно-человеческой жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием и волей как особая “сверхприродная” объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью как находящийся с нею в одном и том же пространстве...» [Ильенков 1991: 249]. Формы идеального обладают такими свойствами, как всеобщность, необходимость, обезличенность. По отношению к индивидуальным сознанию и воле они действуют как их форма, как управляющий ими закон. Эти свойства выявляются в выполняемых ими функциях в социальной системе: они задают горизонт индивидуального сознания, создавая и структурируя его «пространство», образуя внутри него различности и тем самым очерчивая его предметности, ориентируя и регулируя индивидуальное поведение и общение, – и, соответственно, запускают механизм системной причинности, индуцируя это движение в конкретной точке социального механизма. Достигается данный эффект благодаря механизму порождения идеальных форм в механике социального.

«Чистая деятельность», дабы не оставаться абстракцией, должна быть опредмечена в осязаемом материале, чтобы являться видимой и осознаваемой ее агентами. То же касается и отношений, складывающихся между индивидами в процессе их взаимной деятельности. Так как любая деятельность всегда конкретна, то и названные отношения внутри нее должны быть всегда конкретно оформлены. Подобная конкретность, будучи закрепленной в осязаемом материале, придает ему идеальную форму. «Но “быть другим”, оставаясь при этом “самим собой”, – это и означает обладать кроме “реального” еще и “идеальным” бытием» [Ильенков 1991: 252]. Идеальность проявляется в том, что форма отношений индивидов безразлична к самому осязаемому предмету и может закрепляться, быть выраженной в любом из вовлеченных в эти отношения вещественном предмете. Возникает отношение репрезентации, то есть отношение, в котором один чувственный предмет, оставаясь самим собой, начинает играть роль другого, становится его функцией. Иначе говоря, осязаемый предмет является представителем, заместителем указанных отношений в индивидуальном сознании, движется по социальной логике этих отношений, которая в индивидуальном сознании проступает, воспринимается как логика движения вещей.

С учетом контекста рассматриваемой в статье проблематики в репрезентации в качестве наиболее существенных могут быть выделены следующие аспекты. Репрезентация важна, во-первых, с точки зрения развития рефлексивности общественного сознания. Репрезентация как процесс самопредставления презентуемого позволяет ему «предстать перед самим собой». В этом плане интересный момент подмечен постмодернистской философией, а именно – запаздывающий характер репрезентации. Иными словами, в момент репрезентации презентуемый объект отсутствует, исчезает, «обнуляется»; репрезентация возможна именно в силу этого отсутствия.

Во-вторых, вовлечение вещественного предмета в закрепление идеального с неизбежностью придает данному предмету свойства знака. Результатом этого становится знаковый, семиотический характер репрезентации. Поскольку средой существования знака является коммуникация, предмет «отрывается» от своего вещественного субстрата и начинает функционировать как чистая знаковая форма, которая может быть наполнена любым содержанием.

В-третьих, репрезентация связана с субъектом в том смысле, что им решается вопрос о том, что должно быть репрезентировано. В противном случае речь должна идти о презентации. Но связь репрезентации с субъектом, который осуществляет закрепляемый в знаковой форме выбор, свидетельствует, что она изначально является интерпретацией. Субъект решения оказывается интерпретирующим субъектом. Более того, это парадоксальный субъект в том смысле, что он исчезает в репрезентации как объективации его выбора. Превращаясь в объектный момент репрезентации, он также «обнуляется», что создает эффект самостоятельного «бытийствования» репрезентации.

Образование идеальных форм как фигуры сознания происходит по следующей схеме:

А. Срастание вырванного из своих связей осязаемого предмета с конечной, далее неразложимой человеческой деятельностью.

Б. Смещение социального значения на побочные свойства предмета.

В. Инверсия, оборачивание движения от деятельности к предмету.

Г. Наделение конечного для сознания предмета недифференцированным единством, связью всех отношений целого.

Речь идет, однако, не только о необходимости восприятия индивидами социальной деятельности в чувственно-осязаемой форме. Дело в том, что социальная деятельность как целое не может быть охвачена индивидуальным сознанием. В то же время она каким-то образом должна быть репрезентирована, представлена в нем. Свертывание социальной деятельности по различным ее уровням в знак также происходит по схеме образования идеальной формы, но имеет свою специфику, выражаемую в понятиях «превращенная форма» и «косвенно-превращенная форма» (впрочем, в контексте данной статьи второй вариант, по сути, является частным случаем первого).

Превращенная форма «есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественного цельного явления, “предмета” наряду с другими. В этой “бытийственности” и состоит проблема превращенной формы, которая видимым (и практически достоверным) образом представляется конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, представляется как особое, далее не разлагаемое образование, как “субстанция” наблюдаемых свойств» [Мамардашвили

1992: 316]. Превращенная форма может носить иррациональный характер, но может и не иметь его. Последнее касается, например, функционирования культурных знаковых форм.

Превращенная форма помимо тех функций, которые были указаны для идеальной формы в целом, выполняет в социальной системе важные функции замещения, восполнения, достройки до целостности на поверхности системы выпущенных звеньев превращения. В поле ограниченного ими индивидуального сознания в силу своей «неразложимости» превращенные формы выступают как осознаваемые цели, мотивы действий, интересы. Создавая поле понимаемого для индивидуального сознания, «эти объекты отбрасывают своего рода “тени” на различные области системы – индуцируют зону принципиального непонимания, “мертвое пространство”, непроницаемое для луча сознания» [Мамардашвили 1992: 317].

Образование превращенных форм как фигуры сознания может быть представлено в виде последовательности:

А. Выключение отношений системы из всеобщей связи.

Б. Восполнение их иной предметностью или свойствами.

В. Синкретическое замещение этими формообразованиями предшествующего уровня системы.

«Иными словами, превращенные формы регулируют систему путем восполнения отсеченных ее звеньев и опосредований, замещая их новым отношением, которое и обеспечивает “жизнь” системы» [Мамардашвили 1992: 321].

Наконец, косвенная форма представляет собою «объект, который непосредственно или “текстуально” полагается мыслью, но которым на деле утверждается косвенно другой объект, другая предметность сознания, остающаяся в нем невыраженной эксплицитно как прямой аналитический предмет мысли. Первый замещается вторым и движется уже по его логике» [Мамардашвили 1992: 310].

С нашей точки зрения, превращенные формы типичны для общения, поэтому представляется вполне допустимым вести анализ социальных ценностей как вида превращенных форм¹.

Другой вопрос – в чем особенность ценностей как превращенной формы сознания, чем они отличаются от других подобных форм? Ключ к ответу лежит в различных способах отношения социального субъекта к миру. В контексте данной работы целесообразным представляется выделить два основных способа отношения субъекта социальной деятельности к миру.

Первый – объективирующее отношение социального субъекта к миру, закрепляющее восприятие мира – как внешнего «нечто», результатов деятельности субъекта – как «вещей среди мира вещей», орудийно-знаковых комплексов – как внешних сил, навязывающих субъекту алгоритм его действий, и, как результат, восприятие субъектом самого себя лишь как агента социальной деятельности, рядоположенного другим моментам. Второй – воляще-заинтересованное отношение социального субъекта к миру, в

¹ По нашему мнению, объективность ценности должна обосновываться именно через объективность сознания и его форм.

котором он утверждает свою субъективность и самоидентичность в их исторической конкретности, манифестирует свое присутствие в этом мире.

Именно второй способ отношения субъекта к миру и утверждает ценности. Можно сказать, что в ценностях объективируется в материальных и идеальных предметностях субъективность субъекта, имеющего историю и обладающего потребностями и интересами. Через эту объективацию в виде культуры социальному субъекту единственно возможным способом становится доступна его собственная субъективность. Другими словами, через ценности утверждается сам социальный субъект в качестве субъекта. Таким образом, говорить о ценностях – значит говорить о субъекте.

Отсюда следует важное методологическое положение – изучение ценностей невозможно без анализа их субъекта. Именно через анализ субъекта и его вовлеченности в социальную деятельность должны решаться все связанные с данной проблематикой вопросы.

В этой связи нельзя не упомянуть сложный характер структуры социального субъекта и его деятельности. Во-первых, по мере исторического развития деятельность любого субъекта все больше дифференцируется, сам он втягивается во все более многообразные отношения с миром. Поэтому каждый вид его деятельности, приобретающий самодостаточный, воспроизводимый во времени характер, обеспечивается своими ценностями. Можно сказать, что ценность развивается по мере дифференциации совокупной социальной деятельности субъекта, по мере автономизации ее моментов, видов деятельности.

Во-вторых, любой субъект представляет собою социальную целостность и содержит в себе в качестве элементов определенным образом взаимодействующих индивидов и формирующие эту целостность социальные отношения. Поэтому из всего многообразия отношений с окружающим миром для него наиболее значимыми являются отношения с обществом в целом, а также внутренние отношения по самоупорядочиванию [см., напр.: Витань 1984: 41-49].

Таким образом, для понимания социального субъекта любого уровня – от личности до общества в целом – ключевым является анализ формирующих его социальных связей. При всех различиях в трактовке этих связей общим для них признается их соотношение с формами и видами деятельности. Тем самым утверждается их объективный по отношению к отдельным индивидам характер, возможность их анализа в качестве социальных институтов, обеспечивающих самосогласованность социальных систем, их устойчивость посредством символически-знакового (то есть через коммуникацию внутри социальной группы) способа существования. Соответственно можно говорить о предметных, институциональных ценностях и о ценностях самокоммуникации социального субъекта, которые определяются в качестве социальных ценностей.

Исходя из вышеизложенного, анализ ценностей правомерно вести по видам социальной деятельности, по автономизирующимся в ходе дифференциации совокупной социальной деятельности ее моментам, по закрепляющим их социальным институтам и по обеспечивающим их связан-

ность каналам коммуникации. В свою очередь, специфика этих ценностей должна выводиться из специфики социальных институтов и особенностей коммуникации. Более того, именно эти институты закрепляют эти ценности, а коммуникация воспроизводит их и делает действенными¹.

При этом особо следует выделить роль ценностей в коммуникации. В условиях функциональной дифференциации обществ и «расхождения» систем и жизненного мира ценности являются инструментом удержания этой дифференциации. В качестве предметной ценности ценность предстает индивидуальному сознанию в виде институциональной ценности, которая отделяет систему от повседневного мира. Во внутренней коммуникации она выступает как базовое различие, обеспечивающее (подобно коду) внутрисистемные коммуникативные операции. Тем самым ценность втягивается (и исчезает) вместе с исходной точкой коммуникации в механизмы автономизации системы, ее самореференции. Выявлена она может быть лишь критической рефлексией или – в случае сбоя системного функционирования – в форме морального возмущения.

В структуре ценностей удастся выделить субъективированный и объективированный моменты, выражающие соответственно самотождественность субъекта ценностей и его конкретные отношения с окружающим миром в совокупной социальной деятельности. Первый момент проявляется как ценностная установка субъекта, второй – как объективированный в знаке алгоритм, правило, цель его деятельности.

Во временном разрезе в ценности удастся выделить прошлую, опредмеченную деятельность субъекта (момент ее прерывности) и ее идеальную, ориентированную на цель, то есть на будущее, составную (момент процессуальности деятельности).

Подведем некоторые итоги, выделив те аспекты, которые важны для понимания проблематики правовой аксиологии.

Право в качестве ценности должно анализироваться как превращенная форма сознания, закрепляющая значимые для субъекта аспекты совокупной социальной деятельности. Право в качестве социальной системы выступает в виде институциональной ценности, закрепляя образцы действий. Одновременно право в качестве элемента ориентации субъектов в социальном мире, мотивации их действий, формирования образа их Я является как социальная ценность, обеспечивая переход социальных общностей из «вещи-в-себе» (общие условия деятельности) в социальные группы-субъекты.

В структуре права удастся выделить объективированный аспект, придающий ему семиотический характер, и субъективированный, воспринимаемый агентом социальной деятельности как должествование и масштаб субъективной оценки, посредством которой право проявляется и выражается в ценностном отношении субъекта. Во временном модусе в праве удастся выделить два компонента: прошлую, объективированную деятельность субъекта и идеальную ориентацию на цель – то есть на будущее.

---

¹ О коммуникации как социальной связи, «создавшейся посредством знаковой объективации», и ее творчески-воспроизводящем характере см.: [Витаньи 1984: 99-103].

Применительно к обществу как субъекту право должно рассматриваться в качестве саморепрезентации этого общества. В этом плане объективированный аспект права приобретает вид совокупности юридических норм. Субъективированный аспект права проявляется как совокупность правовых практик различного уровня и их рефлексия в форме обыденного, юридико-профессионального и теоретического сознания. В качестве репрезентации обществу самого себя право начинает самостоятельно «бытийствовать» в социальной коммуникации в виде семиотической системы и может анализироваться с позиции субъект-объектного тождества. В рамках субъект-объектного тождества право приобретает вид социальной точки, в которой происходит «обнуление» обеих частей тождества и их переход друг в друга.

К основным функциям права должно быть отнесено оформление субъектности субъекта социальной деятельности. Иными словами, право в качестве репрезентации социальной деятельности является ключевым способом саморефлексии общества и исходным пунктом объективации его субъектности. Формируя значения социального действия, право, во-первых, не может не выражаться в виде норм, а во-вторых, является одним из способов структурирования индивидуального сознания. Благодаря этому право, будучи институциональной и социальной ценностью, обладает способностью ориентировать и регулировать поведение и коммуникацию социализированных индивидов.

Применительно к индивиду как субъекту право в качестве ценности выполняет еще одну функцию – функцию его конституирования в роли социального деятеля. Как пишет И.Б. Фан, «право признает за личностью право выбора, право иметь право, право “мочь”. Право “провоцирует” ... свободу воли личности. Невостребование собственного права означает отказ от права выбора и свободы воли, отказ быть личностью» [Фан 2006: 238-239].

К изложенному следует добавить положения о взаимосвязи ценности и норм, о проявлении этой связи в праве.

Ценности играют важную роль в обеспечении самоидентичности и устойчивости во времени социальных систем. Из этого следует, что ценности должны проявляться, с одной стороны, как принцип урегулирования отношений социальной системы в конкретный момент времени. В данном случае их конкретная проявленность в виде эталонов, стандартов, образцов, меры поведения индивидов может рассматриваться в качестве социальных норм. Это проявление ценностей выводит на передний план их количественный аспект, присущее им свойство быть принципом соразмерности социальных отношений. Тем самым качественная определенность ценностей смазывается, они исчезают из видимости индивидуального сознания, которое ориентируется на императивность нормы повседневного поведения. Таковая норма воспринимается им как данность, без попыток ее рационализации и рефлексии. Для социальной нормы характерны императивность, конкретность, то есть адресность и контекст, указание на социальные условия ее применения (локализация в социальном пространстве).

С другой стороны, социальные нормы должны быть транслируемы между поколениями и в социальном пространстве. По сути, речь идет о трансляции все тех же ценностей. Норма транслируется в социальных пространствах и времени как ценность, должна приобретать свойственные ценности характеристики, а именно быть лишенной отметок пространства и времени, обезличенной. В этом случае ценность проявляется другой своей стороной – знаковой оформленностью регулируемой ею социальной реальности – и, соответственно, переходит из сферы индивидуализированных типичных действий в сферу социальной коммуникации.

Функционирование ценностей в сфере трансляционного общения, направленного на социализацию новых индивидуумов, может рассматриваться как традиция. Через временной же аспект ценности связаны с идеалом. Эпоха модерна характеризуется не просто преимущественным существованием социального индивида во времени, но и линейным восприятием этого времени, а также проекцией желаемого, значимого социального состояния в будущее. Эта проекция может быть определена как идеал, который в качестве значимого – желаемого – приобретает ценность, оформляемую в виде цели¹.

Через призму ценностно выраженных значимостей социальная система может выступать или как упорядоченное взаимодействие индивидов, или как социальная группа (общность), или как институционализированная социальная организация, или как связанная с ними культурно-нормативная система. В отношении социальной системы функционально ценности могут быть разделены на конститутивные и регулятивные.

Первые связаны с очерчиванием рамок, полаганием границ социальной системы, ее положения и связей в метасистеме, вторые – с нормами, правилами «хорошей игры», то есть с интеграцией частей в целое и воспроизводством, развитием, функционированием социальной системы. Способом существования ценностей первого типа является коммуникация, предельно широко понимаемая как опосредованное знаковыми, символическими системами взаимодействие². Для них характерно, что они выполняют функцию «...предельного ... основания актов сознания и поведения людей» и являются самодостаточными [Розов 1993: 89, 101-103].

Важной функцией ценностей этого типа является целепорождение. Как целеполагание, как порождение смыслов данные ценности входят важным элементом в программу (алгоритм) построения социального действия. Можно сказать, что в этом аспекте они являются программирующим (алгоритмозадающим) элементом социального действия. И в качестве таковых конститутивные ценности выступают как основание оценок, мер и т.п.

---

¹ Как показывает Н. Луман, артикуляция проблемы ценностей эпохой модерна коррелируется для индивидов этой эпохи «исчезновением» настоящего. См.: [Луман 1991: 204-205].

² О принципиальной возможности включения таким образом трактуемой коммуникации в анализ ценностей см., напр.: [Витаньи 1984: 89-111; Мотрошилова 1992: 115-174].

с последующим сравнением-взвешиванием программ-действий, выбором альтернатив сообразно потребностям и интересам субъектов.

Второй тип ценностей связан с ценностно-нормативной системой регуляции социальных взаимодействий. Фокусировка внимания на взаимосвязи ценностей и норм, точнее, на том, что формой проявления ценностей в социальной реальности выступают нормы¹, на переходе ценности в норму позволяет соединить и трансцендентность ценностей, и их функциональность: норма выступает как конкретная форма именно выявления ценности, трансцендентной по отношению к конкретным условиям и индивидам.

Нормативное оформление ценностей выполняет важнейшую функцию презентации индивиду социальных структур, социальных условий на языке предписаний индивидуального действия, значимого, должного. С нормативным же характером оформления ценностей связана программирующая функция ценностей (алгоритм действия), что проявляется, с одной стороны, в определении целей, их иерархизации (цели стратегические и ситуационные – ценности темпоральные), с другой стороны, в адекватном подборе средств их реализации (что придает и средствам функционально-ценностный характер – ценности инструментальные), с третьей стороны, в непосредственной ситуационной детерминации (что реализуется, в частности, и как оценка конкретных условий)².

Оформляясь как программа, то есть как перевод ценностей в нормативные предписания, оценки, ценностно-нормативная система начинает также упорядочивать, координировать, субординировать элементы и системы, и ситуации, и ситуационного действия. В итоге нормы предписания дополняются контролирующими нормами, выявляя еще одну функцию ценностей – полагание границ, предела возможного индивидуального действия, а следовательно, границ, предела развертывания социальных систем³.

Из анализа взаимосвязи ценностей и социальных норм следует, что в совокупности юридических феноменов право должно рассматриваться в

¹ Норма, по словам Т. Парсонса, закрывает ценность в ситуации неопределенности выбора [Парсонс 2002: 12].

² Ценности не актуализируются в последнем случае, когда речь идет об упорядоченной, организованной, привычной социальной ситуации. Но в ситуациях организационной неструктурированности, неопределенности норматизирующая функция ценностей выявляется очень хорошо. Образно говоря, ценности выступают языком, на котором описывается ситуация неопределенности, структурируется, сводится незнакомое, неизвестное к привычному, обыденному, доступному для индивидуального оценки-решения, ведущего к принятию индивидуализированной ответственности в этой ситуации. О некоторых аспектах механизма оповседневничания см.: [Вальденфельс 1991: 39-50].

³ К сказанному можно добавить, что поскольку в конкретной ситуации, как правило, действует не одна система норм и поскольку данные системы могут оказаться несовместимыми – например, правовая и религиозная, то и источников контроля может оказаться несколько. Эта ситуация одновременного воздействия нескольких контролирующих систем норм также не может быть решена без иерархизации определяющих их систем ценностей, то есть в определенном смысле эта ситуация может быть сведена к ситуации неопределенности, требующей норм второго порядка, каковыми являются юридические нормы.

качестве ценности, реализуемой в системе юридических норм. При этом право, будучи ценностью, интерпретируется и как конститутивная ценность, организуя соответствующую коммуникацию, и как регулятивная ценность, закрепляя институционный дизайн юридических феноменов. В качестве конститутивной ценности право полагает границу юридической системы, отделяет ее от других систем, а также выступает как предельное основание этой системы, проявляясь в виде оценок и целей. В качестве регулятивной ценности право обеспечивает упорядоченность системы юридических норм, ее устойчивость в изменениях, придает юридическим нормам императивность, всеобщность, универсальность, необходимость, позволяя им выполнять функцию регулятора социальных взаимодействий.

На основе изложенного мы можем сформулировать методологические позиции исследования правовой аксиологии и наметить их основные направления.

Применить перечисленные положения к анализу права как ценности означает выявить условия, при которых оно возможно/невозможно. Другими словами, это задача определения социальных логик, при осуществлении которых возможно развертывание социально-юридической системы на основе эксплицированной ценностно-нормативной системы. В такой социально-юридической системе право, приобретая характеристики ценности, выступает как тематический фокус дискурса, а сама юридическая система развертывается в качестве системы коммуникации. В данном качестве право а) есть множество «виртуальных» индивидуализированных социальных позиций, через которые б) оно переплетено с иными социальными системами.

Далеко не всякая социально-юридическая система организована по пунктирно обозначенной правовой схеме. Кроме того, сама дискурсивно-правовая социально-юридическая система не появляется в готовой форме, а проходит долгий эволюционный путь своего становления. С этой позиции исследование неевропейских и домодернистских социально-юридических систем следует вести под «негативным» углом зрения, то есть с позиции анализа невозможности права в качестве самостоятельной ценности. «Позитивная» же исследовательская программа правовой аксиологии должна акцентировать внимание на условия генезиса права в качестве ценности и основных этапов эволюции социально-юридической системы, основывающейся на ценностном принципе права.

Материал представлен в редколлегию 14.03.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бусова Н.А. 2004. Модернизация, рациональность и право. Харьков : Прометей-Пресс. 352 с.

Вальденфельс Б. 1991. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос : пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс. С. 39-50.

- Вартофский М. 1988. Модели. Репрезентация и научное познание. М. : Прогресс. 507 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. М. : Прогресс. 808 с.
- Вебер М. 1994. Избранное. Образ общества. М. : Юрист. 704 с.
- Витаньи И. 1984. Общество, культура, социология. М. : Прогресс. 287 с.
- Ильенков Э.В. 1991. Диалектика идеального // Э.В. Ильенков. Философия культуры. М. : Политиздат. С. 229-269.
- Каган М.С. 1997. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис. 205 с.
- Луман Н. 1991. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос : пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс. С. 194-219.
- Мамардашвили М.К. 1992. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М. : Прогресс-Культура. 414 с.
- Мотрошилова Н.В. 1992. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность : (Лекции и интервью, Москва, апрель 1989). М. : Наука. С. 115-174.
- Парсонс Т. 2002. Социальная система. // Т. Парсонс. О социальных системах. М. : Акад. проект. С. 73-520.
- Петров М.К. 1991. Язык, знак, культура. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит. 328 с.
- Рикер П. 1995. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Academia-Центр : Медиум. 415 с.
- Розов Н.С. 1993. Философия гуманитарного образования (Ценностные основания базового гуманитарного образования в высшей школе). М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов. 194 с.
- Столович Л.Н. 1994. Красота. Добро. Истина : Очерк истории эстетической мысли. М. : Политиздат. 464 с.
- Фан И.Б. 2006. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург : УрО РАН. 316 с.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сacд. 406 с.
- Хайдеггер М. 1996. Феноменология и трансцендентальная философия ценности. Киев : Cartel. 116 с.
- Habermas J. 1971. Technology and Science as "Ideology" // J. Habermas. Toward a Rational Society: Student Protest, Science and Politics. London : Heinemann. P. 81-122.

References

- Busova N.A. *Modernizacija, racionalnost i pravo* [Modernization, rationality and law], Harkov, Prometey-Press, 2004, 352 p. (in Russ.).
- Waldenfels B. *Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' ratsional'nosti* [Daily life as a melting pot of rationality], V.V. Vinokurova, A.F. Filippova (eds., comp.) *Socio-Logos*, Moscow, Progress, 1991, pp. 39-50. (in Russ.).
- Vartofskiy M. *Modeli. Rerezentatsiya i nauchnoe poznanie* [Models. Representation and scientific knowledge], Moscow, Progress, 1988, 507 p. (in Russ.).
- Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Moscow, Progress, 1990, 808 p. (in Russ.).
- Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society], Moscow, Yurist, 1994, 704 p. (in Russ.).
- Vitani I. *Obshchestvo, kul'tura, sotsiologiya* [Society, Culture, Sociology], Moscow, Progress, 1984, 287 p. (in Russ.).

Ilenkov E.V. *Dialektika ideal'nogo* [Dialectics of the ideal], E.V. Il'nikov. *Filosofiya kul'tury*, Moscow, Politizdat, 1991, pp. 229-269. (in Russ.).

Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value], St. Petersburg, Petropolis, 1997, 205 p. (in Russ.).

Luhman N. *Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva* [Tautology and the paradox of self-description of modern society], V.V. Vinokurova, A.F. Filippova (eds., comp.) *Socio-Logos*, Moscow, Progress, 1991, pp. 194-219. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu. 2-e izd., izm. i dop.* [As I understand the philosophy, 2nd ed.], Moscow, Progress-Kul'tura, 1992, 414 p. (in Russ.).

Motroshilova N.V. *O lektsiyakh Yu. Khabermasa v Moskve i ob osnovnykh ponyatiyakh ego kontseptsii* [About Habermas lectures in Moscow and about the basic concepts of its concept], Yu. Khabermas. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost' : (Lektsii i interv'yuu, Moskva, aprel' 1989)*, Moscow, Nauka, 1992, pp. 115-174. (in Russ.).

Parsons T. *Sotsial'naya sistema* [Social system], T. Parsons. *O sotsial'nykh sistemakh*, Moscow, Akad. proekt, 2002, pp. 73-520. (in Russ.).

Petrov M.K. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture], Moscow, Nauka, Gl. red. vost. lit., 1991, 328 p. (in Russ.).

Ricoeur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [The conflict of interpretations. Essays on hermeneutics], Moscow, Academia-Tsentr, Medium, 1995, 415 p. (in Russ.).

Rozov N.S. *Filosofiya gumanitarnogo obrazovaniya (Tsennostnye osnovaniya bazovogo gumanitarnogo obrazovaniya v vysshey shkole)* [Liberal education philosophy (Value base basic humanities education in high school)], Moscow, Issled. tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 1993, 194 p. (in Russ.).

Stolovich L.N. *Krasota. Dobro. Istina : Ocherk istorii esteticheskoy mysli* [Beauty. Good. Truth: Essay on the history of aesthetic thought], Moscow, Politizdat, 1994, 464 p. (in Russ.).

Fan I.B. *Ot geroya do statista: metamorfozy zapadnoevropeyskogo grazhdanina* [From hero to the extras: the metamorphosis of Western European citizen], Ekaterinburg, UrO RAN, 2006, 316 p. (in Russ.).

Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of Human Sciences], St. Petersburg, A-cad, 1994, 406 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Fenomenologiya i transtsendental'naya filosofiya tsennosti* [Phenomenology and transcendental philosophy values], Kiev, Cartel, 1996, 116 p. (in Russ.).

Habermas J. *Technology and Science as "Ideology"*, Habermas J. *Toward a Rational Society: Student Protest, Science and Politics*, London, Heinemann, 1971, P. 81-122.

Aleksey M. Ponomaryov, Doctor of Philosophy, Director, Udmurt Branch, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk. E-mail: amp08@mail.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF FUNCTIONING OF VALUE-NORMATIVE SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF LAW)

Abstract: The article discusses the development of modern legal axiology, which actualizes an appeal to philosophical and axiological concepts in their historical dynamics. The solution of the axiological issues in the field of law requires the introduction of the

differences of law as value and law as its normative expression. The consideration of the normative nature of law involves the analysis of value and normative aspects of social systems, understanding the relationship of values and activities of the social subject, its objectification in the value-normative system, and the study of values as a form of consciousness. Projection of the modern axiological experience on issues of legal axiology allows drawing the following conclusions related to the law: law as a social system serves as the institutional value, fixing sample actions. At the same time, law as an element of subject's orientation in the social world, of one's action motivation, and of forming the image of one's "I" is the social value. In the structure of law, the objectified aspect, which gives a semiotic character to the law, is selected, as well as the subjected aspect perceived by the social activity agent as a necessity and the scale of subjective evaluation, by means of which law is expressed in the value relation of the subject. In relation to the society as a subject, the law must be regarded as a self-representation of this society. Here the objectified aspect of the law is implemented as a set of legal norms. Subjected aspect of the law appears as a set of legal practices on different levels and their reflection in the form of trivial and theoretical consciousness. The main functions of law should be referred to forming the subjectivity of the subject of social activities and acting as a way of reflection of society.

Keywords: axiology; law axiology; value; evaluation; rule; law; representation; social communication; system of values; individual consciousness; social consciousness.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЕГО ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ В КАЗАХСТАНЕ

УДК 342.537

Жанна Урумбасаровна Тлембаева

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора ГУ «Институт
законодательства Республики Казахстан»,
Республика Казахстан, г. Астана.
E-mail: zhanna.ot@mail.ru

В статье исследуются вопросы организации парламентского контроля в зарубежных странах и проблемы совершенствования механизма парламентского контроля в Казахстане, выявляются особенности основных моделей парламентского контроля в практике государственной власти современных государств, анализируются конституционные процедуры, связанные с реализацией контрольной функции парламента. Важное место в статье отводится анализу проблем парламентского контроля за деятельностью правительства, уделяется внимание такой форме контроля, как парламентское расследование. На основе исследования автор приходит к выводу о необходимости разработки положений законодательства об организации парламентского контроля, в том числе парламентского расследования.

Ключевые слова: Республика Казахстан, парламент, правительство, парламентский контроль, формы парламентского контроля, запрос, парламентский час, депутатский запрос, парламентское расследование.

Основные модели парламентского контроля в теории и практике государственной власти современных государств. Парламентский контроль – самостоятельный институт парламентаризма, имеющий длительную историю развития разнообразных форм поднадзорной деятельности. Осуществление контроля занимает важное место в работе любого парламента. Контрольная функция парламента по значимости следует за законодательной. Не случайно парламентский контроль часто называют политическим в том смысле, что контрольные полномочия парламента основываются не только на его собственных правах, установленных законодательством, но и на мнении избирателей, которые представляют собой верховную власть любого демократического государства [Добрынин 2005].

В настоящее время в казахстанской правовой литературе сложилось весьма неоднозначное отношение к проблеме парламентского контроля.

Некоторые исследователи полагают, что у парламента нет никаких контрольных полномочий. Такая позиция, видимо, объясняется тем, что в Конституции Республики Казахстан слова «контрольная функция» не употребляются. Кроме того, ни в конституции, ни в конституционных законах контрольная функция парламента не выделена в отдельные статьи, а предусмотрена лишь в отдельных нормах данных актов [Конституция Республики Казахстан 1995]. Однако «полное отрицание контрольной деятельности парламента некорректно и правомерно» [Тайторина 2015: 103].

С точки зрения других правоведов, у парламента имеются контрольные полномочия, но нет механизмов их реализации. Кроме того, существует мнение, что «излишние полномочия парламента приведут к дисбалансу ветвей государственной власти»; объясняется это тем, что «чрезмерное расширение контрольных полномочий парламента может привести к замене президентской системы правления парламентской» [Чиркин 2000: 86]. Однако, как отмечает В.А. Малиновский, «отрицать контрольную деятельность парламента неправильно и бесперспективно. ... В Конституции имеется целый ряд норм, посвященных контрольной деятельности парламента, его палат, рабочих органов, а также депутатов. Собственно, этот значительный конституционный массив материальных и процессуальных норм, включенных в основной, конституционные и обычные законы, и также регламенты Парламента, Мажилиса и Сената и иные нормативные правовые акты, объединенных общей целью и предметом, составляет конституционно-правовой институт парламентского контроля» [Малиновский 2008: 112].

В научной литературе парламентский контроль определяется как система норм, регулирующих установленный порядок проведения наблюдения и проверки в основной деятельности органов исполнительной власти. При этом он направлен на ее оценку с возможным применением санкций (вотум недоверия, резолюция порицания, импичмент и т.п.) [Булгаков 2005: 81]. Данное определение в значительной мере можно использовать применительно к характеристике контрольной деятельности Парламента Республики Казахстан.

Анализ парламентского контроля в зарубежной практике государственной власти показывает многообразие моделей и форм парламентского контроля в мировой практике. Это обуславливает необходимость их изучения с целью совершенствования механизма парламентского контроля в Республике Казахстан.

Выбор формы парламентского контроля связан с местом парламента в системе государственных органов, с типом правления. Поэтому степень его эффективности в разных странах и на разных этапах их развития неодинакова. Наибольшее значение он имеет в парламентских и полупрезидентских республиках; в президентских республиках его значение существенно меньше. На сокращение использования существующих форм контроля парламента влияет также тенденция к сужению его прав.

Различные формы парламентского контроля закрепляются конституцией или специальным законом. В некоторых случаях они традиционно сложились и могут даже не закрепляться нормативным правовым актом. В европейской практике регулирования контрольных полномочий парла-

мента данные полномочия устанавливаются в конституции страны и не предполагают какой-либо дискреции законодателя. Однако сами процедуры парламентского контроля, как правило, конституцией не регулируются, а определяются в текущем законодательстве.

Парламентский контроль направлен, прежде всего, на обеспечение соблюдения основного закона государства, исполнения законов, на защиту прав и свобод человека и гражданина, выявление проблем в деятельности органов исполнительной власти, на борьбу с коррупцией и т.д. Так, в соответствии с Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (далее – ФЗ «О парламентском контроле») к основным целям парламентского контроля относится, в числе прочего, «выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов Российской Федерации, повышение эффективности системы государственного управления и привлечение внимания соответствующих государственных органов и должностных лиц к выявленным в ходе осуществления парламентского контроля недостаткам в целях их устранения; противодействие коррупции; изучение практики применения законодательства Российской Федерации, выработка рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации и повышение эффективности его исполнения» [Федеральный закон № 77-ФЗ, 2013: 2].

Контрольные функции парламента могут проявляться непосредственно в его законотворческой деятельности: депутаты и комитеты в ходе разработки и принятия законов обсуждают сложившееся положение, существующие проблемы и дают оценку работе ответственных органов государственной власти [Иванец, Калининский, Червонюк 2002: 224-225].

Парламентский контроль осуществляется как парламентским большинством и оппозицией, так и вспомогательными структурами высшего законодательного органа. Так, субъектами правоотношений в области осуществления парламентского контроля являются: парламент и правительство (в Германии); правительственное большинство в парламенте и оппозиция (в Германии); парламент, правительство и президент – в случае привлечения его к уголовной ответственности или импичмента (во Франции и США); оппозиционное президенту либо поддерживающее его парламентское большинство и оппозиционные ему парламентарии (в США); оппозиционное президенту либо оппозиционное президенту и правительству парламентское большинство и оппозиция этому большинству в парламенте (во Франции).

Субъектами парламентского контроля выступают палаты парламента, комитеты и комиссии палат, комиссии по парламентскому расследованию, депутаты. Важное значение имеет также деятельность вспомогательных органов, участие в формировании которых принимает парламент (так называемый косвенный парламентский контроль). К таким вспомогательным органам относятся Исследовательская служба, Управление оценки технологий (упразднено в 1995 г.), Бюджетное управление и Главное ревизионное управление – в США, Уполномоченный Бундестага по обороне и Федеральная счетная палата – в ФРГ [Коврякова 2002: 13].

Объектом парламентского контроля выступает преимущественно деятельность органов исполнительной власти, ее должностных лиц с целью

выявления ее неэффективности или неправомерности. В ряде случаев парламент расследует поведение данных лиц после оставления ими своих постов в государственных органах (ретроспективный контроль). Кроме того, расследование может осуществляться комиссией по расследованию как реакция парламента на то или иное событие в стране либо за рубежом.

В правовой литературе *классификация форм парламентского контроля* осуществляется по различным критериям. Некоторые авторы в качестве оснований такой классификации выделяют органы, осуществляющие парламентский контроль, время его осуществления, содержание парламентского контроля [Корнилаева 2002: 25-26]. Другие исследователи, опираясь на мировой опыт, предлагают иные основания классификации форм парламентского контроля: по типу правления, в зависимости от политического и государственного режима (реальный и спящий); по процедуре (гласный и негласный); по характеру (юридический и политический); по причинам проведения контрольных действий (абстрактный и конкретный, когда осуществление парламентского контроля связано с тем или иным событием – например, террористический акт 11 сентября 2001 г. послужил поводом для начала расследования сенатской комиссией адекватности действий администрации США) [Коврякова 2002: 20] и т.д.

К основным формам парламентского контроля относятся вопрос правительству, интерpellация, постановка вопроса о доверии, контроль в ходе формирования правительства, парламентское расследование, резолюция порицания.

Вопрос правительству – это требование парламентария об информировании по какой-либо проблеме, обращенное к правительству в целом или члену исполнительного органа на заседании парламента (правительственный час), и особая форма документа: парламентский запрос, направляемый в соответствующий орган всей палатой, или депутатский запрос отдельного ее члена.

Вопросы могут быть изложены в устной или письменной форме. Как правило, на заседаниях палат выделяется время для ответов на вопросы. На письменные вопросы ответы могут быть как письменными, так и устными. При этом всегда устанавливается обязательный срок для ответа на вопросы: от одного дня (Великобритания) до месяца (Франция).

Так, согласно собственному Регламенту Мажилис Парламента Республики Казахстан в соответствии с планом работы может проводить правительственный час. В ходе правительственного часа депутаты заслушивают доклад представителя Правительства и, при необходимости, содоклад соответствующего постоянного комитета, после чего депутаты вправе задавать вопросы представителю Правительства. Для доклада по обсуждаемому вопросу отводится не более двадцати минут, для содоклада – не более десяти минут, для вопросов и ответов – не более полутора часов и для обсуждения – не более полутора часов. Никто не вправе выступать на правительственном часе без разрешения председательствующего [Постановление Мажилиса... 1996: 96-1].

В Государственной Думе Российской Федерации правительственный час проводится два раза в месяц по средам, но может быть назначен и внепланово или, напротив, отменен. Обычно заслушивается выступление не более

двух лиц, приглашения которым направляются не позднее чем за пять дней до правительственного часа [Иванец, Калининский, Червонюк 2002: 246].

В Великобритании используется так называемое время запросов. Каждый понедельник, вторник, среду и четверг министры в течение часа отвечают на запросы депутатов (по вторникам и четвергам на запросы отвечает премьер-министр). Парламентские запросы – одно из средств получения информации о намерениях правительства. Они позволяют изложить жалобы избирателей, полученные депутатом, и при необходимости добиться их удовлетворения. Депутаты могут также направлять запросы министрам для письменных ответов, которые публикуются в официальном парламентском отчете. Возможность задать вопросы премьер-министру и любому другому члену правительства является важным инструментом контроля Парламента над деятельностью Кабинета министров [База данных...].

В японском Парламенте подобная процедура впервые была применена 10 ноября 1999 г. Членов кабинета министров часто вызывают на заседания комитетов, где представители оппозиции могут задавать острые вопросы; ход заседаний носит весьма оживленный характер [Государственный и политический строй Японии].

Запрос – это обращение, как правило, палаты или группы парламентариев к исполнительной власти (правительству) в целом. Его основное отличие от вопроса, во-первых, в том, что он может содержать какую-либо оценку действий правительства. Во-вторых, ответ на него, как правило, предполагается письменный. В-третьих, как по запросу, так и по ответу на него могут развернуться дебаты. По их результатам возможна *постановка вопроса о доверии* к правительству или одному из его членов (запрос с возможностью такого последствия именуют нередко *интерпелляцией*). Неудовлетворительная оценка деятельности правительства может повлечь его отставку. Эта форма контроля применяется в парламентарных странах (за исключением Великобритании) и смешанных республиках, например в России [Федеральный закон № 77-ФЗ, 2013: 5].

Казахстанские парламентарии довольно часто обращаются к такой форме парламентского контроля, как депутатский запрос. В соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан от 16 октября 1995 года № 2529 «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» (далее – Конституционный закон РК), Регламентом Мажилиса Парламента Республики Казахстан депутатский запрос является официально обращенным на совместном и раздельном пленарном заседании Палат Парламента требованием депутата к должностным лицам государственных органов дать на сессии Парламента обоснованное разъяснение или изложить позицию по вопросам, входящим в компетенцию этого органа или должностного лица [Конституционный закон Республики Казахстан, 1995: 27]. Депутатский запрос может быть внесен в письменной форме. По ответу на депутатский запрос и результатам его обсуждения принимается постановление Парламента или его Палаты [Постановление Мажилиса... 1996: 149].

Парламентское право большинства зарубежных стран не наделяет отдельного депутата правом прямого, минуя палату, контроля за деятельностью

государственных и иных органов и должностных лиц путем обращения к ним с обязательными для них запросами-требованиями, поручениями и т.д. Подобного рода действия могут опираться лишь на политический авторитет депутата, но это не запрос в конституционно-правовом значении.

Конституционный закон РК наряду с обращением с депутатским запросом предусматривает и такую форму депутатской деятельности, как обращение с вопросом на заседании Палат Парламента к премьер-министру и членам Правительства, председателю Национального Банка, председателю и членам Центральной избирательной комиссии, Генеральному прокурору, председателю Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, председателю и членам Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета. Ответ на вопрос дается на данном заседании, а при необходимости дополнительной подготовки к ответу – в трехдневный срок [Конституционный закон Республики Казахстан, 1995: 27].

Таким образом, закон различает депутатский запрос и вопрос, однако не дает определения этих понятий. Запрос нацелен, главным образом, на то, чтобы привлечь внимание к проблеме, добиться ее изучения и принятия мер для ее решения, а вопрос направлен, прежде всего, на получение дополнительной информации, на уточнение позиции государственного органа в отношении чего-либо.

Парламентские расследования проводят либо постоянные комитеты (комиссии) по поручению парламента или по своей инициативе, либо специально создаваемые следственные (контрольные) комитеты (комиссии). Первый вариант преобладает, например, в США, второй – в ФРГ, Франции, России. Казахстанским законодательством такая форма контроля не предусмотрена. Предметом расследования является деятельность органов власти и предприятий государственной собственности.

В ходе расследования комиссии наделяются во многих странах такими же правами, как и правоохранительные органы (например, в ФРГ, Италии). К сбору доказательств применяются предписания об уголовном процессе. Комиссии обычно могут истребовать необходимые документы и материалы, могут вызывать для допроса в качестве свидетелей любое лицо (например, в США). Правоохранительные органы обязаны оказывать им помощь. При этом окончательные, юридически значимые решения не принимаются. О результатах своей деятельности комиссии докладывают парламенту, который в свою очередь может направить материалы в суд или применить парламентские формы ответственности: выразить вотум недоверия правительству, осуществить процедуру импичмента.

Выражение недоверия или отказ в доверии правительству. Это высшая форма парламентского контроля и в то же время результат этого контроля, следствие правонарушений, а чаще неэффективности деятельности органа исполнительной власти. Фактически это мера политической ответственности. Такая ответственность правительства может быть только коллективной, то есть распространяться на весь состав правительства (например, во Франции, Японии, Испании), либо индивидуальной, когда допускается возможность ее применения к отдельным членам правительства (например, в Италии).

Выражение недоверия инициируется самим парламентом (палатой). Для принятия его требуется, как правило, абсолютное большинство голосов. Вопрос о доверии, в котором может быть отказано, ставится правительством перед парламентом (палатой), но его постановка обычно связана с определенной ситуацией (например, парламент не принимает правительственный законопроект, программу). Так, согласно Конституции Республики Казахстан в связи с неприятием внесенного правительством проекта закона премьер-министр вправе поставить на совместном заседании Палат Парламента вопрос о доверии правительству [Конституция Республики Казахстан, 1995: 61]. В абсолютном большинстве стран отказ в доверии, равно как и выражение недоверия, может повлечь роспуск парламента (палаты), что позволяет правительству, получив доверие, под угрозой роспуска парламента (палаты) добиваться нужного результата.

Контроль в ходе формирования правительства. В парламентских и в большинстве смешанных республик правительство при назначении должно пользоваться доверием парламента. В некоторых странах главу правительства формально назначает глава государства самостоятельно, но при этом он связан волей парламента, потому что иначе правительство не будет пользоваться доверием. Так, в Италии правительство должно получить доверие обеих палат парламента. Во Франции доверие правительству требуется только от нижней палаты парламента – Национального собрания. Есть и другой вариант – парламента сам определяет главу правительства, а назначает его – глава государства (например в ФРГ, Японии). Есть примеры, когда глава государства вообще не участвует в назначении премьер-министра: председатель парламента объявляет о назначении главы правительства по итогам голосования в парламенте (в Швеции).

Широко распространенной формой контроля за правительством являются *доклады и отчеты правительства*, содержащие информацию об их деятельности, на пленарных заседаниях палат. Данная форма контроля характерна преимущественно для парламентарной формы правления.

В Казахстане каждая из палат парламента вправе заслушивать отчеты членов правительства по вопросам их деятельности. По итогам заслушивания отчета большинством голосов от общего числа депутатов палаты имеют право принимать обращение к Президенту Республики об освобождении от должности члена правительства в случае неисполнения им законов республики.

Обязанность отчитываться перед парламентом также может быть конституционно закреплена не только за правительством, но и за иными государственными органами. В Российской Федерации предусматривается такая форма контроля, как заслушивание парламентом с иными должностными лицами в целях получения информации по вопросам, носящим чрезвычайный характер, генерального прокурора Российской Федерации, а также заслушивание Советом Федерации ежегодных докладов генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению [Федеральный закон № 77-ФЗ, 2013: 5].

Для содействия в осуществлении парламентом контрольных функций создаются официальные органы и должности, такие, как счетные палаты, уполномоченные по правам человека (омбудсмены) и др. В большинстве европейских стран (в Австрии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Греции, Испании, Италии, Португалии, Румынии, Франции, ФРГ) для повышения эффективности парламентского контроля за исполнением бюджета и расходованием государственных средств создан специализированный коллегиальный орган типа счетной палаты. Счетные палаты создаются для содействия парламенту в реализации функции финансового контроля в отношении государственных корпораций и предприятий.

В некоторых странах в качестве парламентского вспомогательного органа учреждена должность военного омбудсмена. Военные омбудсмены действуют в Швеции, Норвегии, Израиле, ФРГ и других странах. Широкие полномочия по надзору за деятельностью аппарата и должностных лиц всех уровней с целью защиты прав и законных интересов военнослужащих, которыми наделен омбудсмен, определяют высокий авторитет этого института и его признание общественностью [Мигачев 1999: 45]. Подобный опыт в связи с возрастающим количеством случаев хищения военного имущества, особенно среди высшего командного состава, был бы полезен и в нашей стране. Военного омбудсмена необходимо наделить теми же полномочиями, что и Уполномоченного по правам человека, с поправкой на военную специфику. При этом он должен быть независимым от Министерства обороны.

Наиболее распространенная и важная контрольная прерогатива парламента – *парламентский финансовый контроль*. Использование государством для реализации своих задач финансовых ресурсов само по себе предполагает наличие контроля за ходом выполнения этих задач.

Как показывает зарубежный опыт, не всегда о сути парламентского контроля можно судить только исходя из конституционных норм, регулирующих данный институт. Зачастую факторами, ограничивающими парламентский контроль, выступают установленные в конституциях механизмы взаимоотношения законодательной и исполнительной властей, определяемые как формой правления, так и политическим и государственным режимами. Например, в парламентарной республике Германии он неэффективен вследствие того, что Правительство формирует парламентское большинство Бундестага, принадлежащее той же партии или блоку партий, а меньшинство имеет очень ограниченные возможности контроля. В США, являющихся по форме правления президентской республикой, у власти чередуются две партии. В случае, когда президент принадлежит к одной партии, а большинство палаты – к другой, парламентский контроль наиболее эффективен. В настоящее время во Франции контроль нижней палаты Национального собрания над правительством неэффективен, поскольку парламентское большинство и правительство – пропрезидентские.

Приведенный анализ парламентского контроля в зарубежной практике показывает многообразие форм парламентского контроля в мировой практике, которые закреплены на уровне конституции или специального

закона. При этом наибольшее значение он имеет в парламентских и полупрезидентских республиках, нежели в президентских.

Парламентское расследование как самая действенная в зарубежной практике форма парламентского контроля. Первое парламентское расследование было проведено Конгрессом США еще в 1912 г. по факту гибели «Титаника» [Берлявский, Тарабан 2013: 66]. К наиболее известным парламентским расследованиям последнего времени можно отнести расследование причин военных действий в Ираке, когда Парламент Великобритании призвал к ответу премьер-министра Тони Блэра; парламентское расследование деловой деятельности Сильвио Берлускони, которого обвинили в подкупе судей.

В СССР потребность в парламентских расследованиях возникла в конце 1990-х гг. Среди их тем – расследование обстоятельств подписания секретного протокола к так называемому договору Молотова-Риббентропа 1939 г.; парламентские расследования, связанные с применением вооруженных сил в Тбилиси в 1989 г. Однако широкого применения нормы, предоставлявшие и общесоюзному парламенту права проводить парламентские расследования, не получили.

Свой опыт организации парламентских расследований имеется и в современной России. Это парламентское расследование причин и обстоятельств создания и функционирования ГКЧП, попытка отрешения от должности Президента РФ Б. Ельцина, расследование обстоятельств гибели генерала Л. Рохлина, работа комиссии депутата С. Говорухина по событиям в Чечне 1993–1994 гг., расследование дефолта 1998 г., событий в Беслане 2004 г. [База данных...]. После многолетних дискуссий по вопросу о необходимости парламентских расследований в 2005 г. был принят Федеральный закон от 27 декабря 2005 года № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального собрания Российской Федерации» (далее – ФЗ «О парламентском расследовании») [Федеральный закон № 196-ФЗ, 2005].

В Узбекистане 11 апреля 2016 г. принят Закон «О парламентском контроле», согласно которому парламентский контроль может осуществляться наряду с другими его формами в форме парламентского расследования [Закон о парламентском контроле...].

Как показывает мировая практика, потребность в парламентских расследованиях в современных государствах, в том числе и в нашей стране, неуклонно растет. Причинами такой тенденции являются: необходимость совершенствования государственно-правового механизма и дальнейшей демократизации общества; случаи проявления некомпетентности высшими должностными лицами государства, местными органами власти; высокий уровень преступности и коррупции в обществе; рост количества фактов совершения злоупотреблений, правонарушений, а также случаев нецелевого использования государственных средств; положительный общемировой опыт реализации парламентских расследований и др.

Парламентский контроль за Правительством Республики Казахстан как самостоятельный институт государственного контроля. Контроль над правительством представляет собой одну из важнейших функций парламента, поскольку органы исполнительной власти обладают широкими

полномочиями – и, следовательно, возможностями для совершения разного рода злоупотреблений. Значимость такого контроля заключается в том, что он осуществляется с целью достижения более эффективной деятельности правительства, предотвращения (пресечения) нарушения прав и свобод граждан, анализа практики реализации действующего законодательства.

Конституция Республики Казахстан предусматривает ответственность правительства и его членов. Члены правительства несут персональную ответственность перед премьер-министром республики за работу подчиненных им государственных органов [Конституция Республики Казахстан 1995: 68]. Правительство во всей своей деятельности ответственно перед Президентом Республики, а в случаях, предусмотренных Конституцией, перед Мажилисом Парламента и Парламентом [Конституция Республики Казахстан 1995: 64].

Институт ответственности Правительства Республики Казахстан и его членов перед Парламентом представляет собой активный стимулятор для надлежащей работы высшего органа исполнительной власти и его должностных лиц. Для повышения эффективности применения данного института необходимо внести изменения в законодательные акты, позволяющие непосредственно и напрямую, без участия Президента Республики Казахстан, применять к членам правительства меры конституционно-правовой ответственности.

Парламентский контроль за правительством необходим, прежде всего, для того, чтобы не позволить исполнительным органам фактически узурпировать власть в государстве. Однако нельзя забывать, что усиление парламентского контроля может ослабить правительство, расширив власть главы государства и аппарата президента. Он не должен быть излишне обременительным для правительства и, соответственно, не должен мешать ему надлежащим образом проводить национальную политику. Поэтому задача законодателя состоит в том, чтобы создать такую систему парламентского контроля, которая, с одной стороны, явится надежной гарантией от превышения правительством своих полномочий, с другой – не будет ограничивать правительство в его деятельности.

Парламентский контроль Правительства Республики Казахстан должен стать самостоятельным институтом государственного и общественного контроля, цель которого будет заключаться в строгом и неукоснительном соблюдении норм права всеми субъектами казахстанского законодательства.

Пути совершенствования законодательства по вопросу развития механизма парламентского контроля в Республике Казахстан. Казахстан прошел долгий путь, прежде чем стать независимой республикой, в которой обеспечена возможность осуществления парламентского контроля, хотя и ограниченного. Принятая в 1995 г. Конституция провозгласила Республику Казахстан демократическим, правовым государством с президентской формой правления [Конституция Республики Казахстан 1995: 1, 2]. Кроме того, согласно ст. 3 Конституции государственная власть в республике едина, осуществляется в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов. Однако все же действенного механизма парламентского контроля так и не было создано.

В СССР парламентский контроль был, но на бумаге, а не на практике. Так, в Конституции РСФСР 1978 г. [Конституция РСФСР, 1978: 119] содержалось положение о том, что Верховный Совет РСФСР создает, когда сочтет необходимым, следственные, ревизионные и иные комиссии по любому вопросу. Однако он собирался на сессии всего несколько дней в году, поэтому самостоятельной роли в системе государственных органов не играл [Степанов, Хабриева 1999: 183-184].

Рассматривая зарубежный опыт парламентского контроля, необходимо отметить, что он требует критического осмысления. Однако не следует полностью отрицать и допустимость его частичного использования в Республике Казахстан. С этих позиций становится очевидной актуальность разработки ключевых положений законодательства Республики Казахстан по данному вопросу на основе совмещения этого опыта с отечественной государственно-правовой теорией и практикой с учетом актуальных задач, стоящих перед обществом.

В настоящее время в целом и в частности в практике деятельности Парламента Республики Казахстан уже сформирован механизм парламентского контроля. К процедурам, связанным с реализацией палатами контрольной функции Парламента Республики, можно отнести такие, как согласие Сената на назначение Президентом Республики Председателя Национального Банка, Генерального прокурора, Председателя Комитета национальной безопасности Республики [Конституция Республики Казахстан 1995: 55]; согласие Мажилиса на назначение Президентом Республики Премьер-министра Республики [Конституция Республики Казахстан 1995: 56]; решение вопроса о доверии Правительству; заслушивание отчетов членов Правительства Республики по вопросам их деятельности [Конституция Республики Казахстан 1995: 57]; выдвижение обвинения против Президента Республики Казахстан для отрешения его от должности [Конституция Республики Казахстан 1995: 47]; назначение членов Конституционного Совета, Центральной избирательной комиссии, Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета [Конституция Республики Казахстан 1995: 57]; правительственный час, депутатские запросы и ряд других. Процедуры, связанные реализацией палатами контрольной функции Парламента, достаточно регулируются в регламентах Мажилиса и Сената.

Однако конституционное регламентирование процедур, связанных с реализацией палатами контрольной функции Парламента Республики, не содержит возможностей для полноценного осуществления парламентского контроля в Казахстане. Как показывает практика, резервы большинства из этих полномочий еще в полной мере не использованы. Данное обстоятельство обуславливает необходимость изучения и разработки положений казахстанского законодательства по вопросу развития механизма парламентского контроля в республике.

Для этого необходимо иметь в виду следующие варианты достижения целей парламентского контроля: 1) внесение изменений и дополнений в действующее законодательство без принятия отдельного, базового закона о парламентском контроле; 2) разработка и принятие соответствующего закона.

В первом случае, с учетом того что Конституция содержит закрытый перечень вопросов, относящихся к компетенции Палат Парламента, возможны новации, прежде всего в плане закрепления процедуры организации и проведения парламентских расследований (такая возможность может быть упомянута в тексте Конституции Республики Казахстан [Конституция Республики Казахстан 1995: 57, 70]), внесения изменений в конституционные законы («О Президенте Республики Казахстан», «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов», «О Правительстве Республики Казахстан»), в регламенты парламента. Во втором случае эффективным решением в плане укрепления контрольной функции парламента представляется принятие Закона «О парламентском контроле», для чего в настоящее время сложились объективные предпосылки.

Как показывает мировой опыт, эффективность проведения парламентских расследований неизбежно снижается в случае, если они не включены в основной закон государства. Впрочем, отсутствие упоминания парламентских расследований в тексте конституции той или иной страны отнюдь не означает, что они не проводятся или проводятся неэффективно. Поэтому вне зависимости от выбора возможного варианта возникает необходимость решить ряд проблемных вопросов, касающихся, прежде всего, внесения изменений в Конституцию с целью закрепления в ней в той или иной форме норм о парламентском контроле, в том числе о парламентских расследованиях.

Требует решения и вопрос о том, могут ли в состав объектов расследования включаться Президент и Администрация Президента Республики Казахстан, Генеральная прокуратура Республики Казахстан, Национальный банк, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан, Омбудсмен, Счетный комитет Республики Казахстан.

В зарубежном законодательстве каких-либо особых ограничений в этом вопросе нет. Вопросы о составе объектов расследования носят, в первую очередь, политический характер и нуждаются в предварительном согласовании. Но именно они, в конечном счете, продиктуют и реальное содержание, и структуру будущего закона, а главное – определяют его эффективность.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что парламентскому контролю в системе общественного контроля за деятельностью исполнительной власти должна принадлежать более весомая роль, для реализации которой необходимы наличие конституционно-правовой основы, устанавливающей его направления, формы и возможность учредить и обеспечить функционирование специализированных органов парламентского контроля, а также существование гарантий контрольных полномочий Парламента.

Материал поступил в редколлегию 21.10.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

База данных информационно-аналитических материалов Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4635/16421> (дата обращения: 23.08.2016).

Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. 2013. Институт парламентского расследования в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой аспект // Юрид. мир. № 10. С. 66-70.

Булгаков О.Н. (ред.) 2005. Современный парламент: Теория, мировой опыт, российская практика : учебник / под общ. ред. О.Н. Булгакова. М.: Эксмо, 2005. 319 с.

Государственный и политический строй Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easttime.ru/info/yaponiya/gosudarstvennyi-i-politicheskii-stroi-yaponii> (дата обращения: 23.09.2016).

Добрынин Н.М. 2005. Концептуальные подходы в оценке механизма общественного контроля за государственной публичной властью в конституционно-правовой действительности Российской Федерации // Право и политика. № 9. С. 4-11.

Закон о парламентском контроле вступил в силу [Электронный ресурс], URL: <https://www.gazeta.uz/2016/04/12/parl/> (дата обращения: 23.08.2016).

Иванец Г.И., Калининский И.В., Червонюк В.И. 2002. Парламентский контроль // Конституционное право России : энцикл. слов. / под общ. ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит. 432 с.

Коврякова Е.В. 2002. Парламентский контроль в зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М. 26 с.

Корнилаева А.А. 2002. Теория парламентского контроля в контексте принципа разделения властей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Уфа. 27 с.

Малиновский В.А. 2008. Парламентский контроль в Республике Казахстан: история, современность и перспективы // Материалы международной научно-практической конференции «Парламентаризм в Казахстане: состояние и перспективы развития» (22 ноября 2007 г.). Астана, 2007. С. 112-118.

Мигачев Ю.И. 1999. Механизмы и институты защиты прав военнослужащих в зарубежных странах // Право в Вооруженных Силах : Военно-правовое обозрение. № 2. С. 45-48.

Степанов И.М., Хабриева Т.Я. (ред.) 1999. Парламентское право России: учеб. пособие / А.С. Автономов, А.П. Любимов, Т.С. Румянцева [и др.] ; под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. М. : Юристъ. 392 с.

Тайторина Б.А. 2015. Контроль как способ модернизации государственного управления // Изв. Нац. акад. наук Республики Казахстан. № 3. С. 98-106.

Чиркин В.Е. 2000. Конституционное право зарубежных стран. М. : Юристъ. 600 с.

Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 217.

Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) (утратила силу) // Ведомости Верховного Совета Рос. Федерации. 1978. № 29. Ст. 407.

Конституционный закон Республики Казахстан от 16 октября 1995 года № 2529 «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 21. Ст. 124.

Федеральный закон от 27 декабря 2005 года № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2006. № 1. Ст. 7.

Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19. Ст. 2304.

Постановление Мажилиса Парламента Республики Казахстан от 8 февраля 1996 года «Регламент Мажилиса Парламента Республики Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 3. Ст. 213-216.

References

Baza dannykh informatsionno-analiticheskikh materialov Gosudarstvennoy Dumy [The database information and analytical materials of the State Duma], available at: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4635/16421> (accessed 23 August 2016). (in Russ.).

Berlyavskiy L.G., Taraban N.A. *Institut parlamentskogo rassledovaniya v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh: sravnitel'no-pravovoy aspekt* [Parliamentary investigation Institute of the Russian Federation and foreign countries: a comparative legal aspect], *Yurid. mir.*, 2013, no. 10, pp. 66-70. (in Russ.).

Bulgakov O.N. (ed.) *Sovremennyy parlament: Teoriya, mirovoy opyt, rossiyskaya praktika : uchebnik* [Modern parliament: theory, world experience and the Russian practice: Textbook], Moscow, Eksmo, 2005, 319 p. (in Russ.).

Chirkin V.E. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries], Moscow, Yurist", 2000, 600 p. (in Russ.).

Dobrynin N.M. *Kontseptual'nye podkhody v otsenke mekhanizma obshchestvennogo kontrolya za gosudarstvennoy publichnoy vlast'yu v konstitutsionno-pravovoy deystvitel'nosti Rossiyskoy Federatsii* [Conceptual approaches to assess the mechanism of public control over the state of public authority in the constitutional and legal validity of the Russian Federation], *Pravo i politika*, 2005, no. 9, pp. 4-11. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 27 dekabrya 2005 goda № 196-FZ «O parlamentskom rassledovanii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii» [The Federal Law «About parliamentary investigation of the Federal Assembly of the Russian Federation» 27.12.2005 № 196-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2006, no. 1, art. 7. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 7 maya 2013 goda № 77-FZ «O parlamentskom kontrole» [Federal law of May 7, 2013 № 77-FZ “On parliamentary control”], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2013, no. 19, art. 2304. (in Russ.).

Gosudarstvennyy i politicheskii stroi Yaponii [State and political system of Japan], available at: <http://www.easttime.ru/info/yaponiya/gosudarstvennyi-i-politicheskii-stroi-yaponii> (accessed 23 September 2016). (in Russ.).

Ivanets G.I., Kalininskiy I.V., Chervonyuk V.I. *Parlamentskiy kontrol'* [Parliamentary oversight], *Chervonyuk V.I. (ed.) Konstitutsionnoe pravo Rossii : entsikl. slov.*, Moscow, Yurid. lit., 2002. (in Russ.).

Konstitutsionnyy zakon Respubliki Kazakhstan ot 16 oktyabrya 1995 goda № 2529 «O Parlamente Respubliki Kazakhstan i statuse ego deputatov [The Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated October 16, 1995 № 2529 «On the Parliament of the Republic of Kazakhstan and the status of its deputies»], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Kazakhstan*, 1995, no. 21, art. 124. (in Russ.).

Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki (prinyata na vneocherednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta RSFSR devyatogo sozyva 12 aprelya 1978 g.) (utrata silu) [The Constitution (Fundamental Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the ninth convocation of April 12, 1978.) (Repealed)], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Ros. Federatsii*, 1978, no. 29, art. 407. (in Russ.).

Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (prinyata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda) [The Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted at the national referendum 30 August 1995], *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan*, 1996, no. 4, art. 217. (in Russ.).

Kornilaeva A.A. *Teoriya parlamentskogo kontrolya v kontekste printsipa razdeleniya vlastey : avtoref. dis... kand. yurid. nauk* [The theory of parliamentary control in the context of the principle of separation of powers: abstr. of diss.], Ufa, 2002, 27 p. (in Russ.).

Kovryakova E.V. *Parlamentskiy kontrol' v zarubezhnykh stranakh : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Parliamentary oversight in foreign countries: abstr. of diss.], Moscow, 2002, 26 p. (in Russ.).

Malinovskiy. V.A. *Parlamentskiy kontrol' v Respublike Kazakhstan: istoriya, sovremennost' i perspektivy* [Parliamentary oversight of the Republic of Kazakhstan: history, present and prospects], *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Parlamentarizm v Kazakhstane: sostoyanie i perspektivy razvitiya» (22 noyabrya 2007 g.)*, Astana, 2008, pp. 112-118. (in Russ.).

Migachev Yu.I. *Mekhanizmy i instituty zashchity prav voennosluzhashchikh v zarubezhnykh stranakh* [The mechanisms and institutions protecting the rights of servicemen in foreign countries], *Pravo v Vooruzhennykh Silakh : Voенно-pravovoe obozrenie*, 1999, no. 2, pp. 45-48. (in Russ.).

Postanovlenie Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazakhstan ot 8 fevralya 1996 goda «Reglament Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazakhstan» [Resolution of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan dated February 8, 1996 “Regulations of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan”], *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan*, 1996, no. 3, art. 213-216. (in Russ.).

Stepanov I.M., Khabrieva T.Ya. (eds.) *Parlamentskoe pravo Rossii : ucheb. posobie* [Parliamentary Law of Russia, Textbook], Moscow, Yurist", 1999, 392 p. (in Russ.).

Taytorina B.A. *Kontrol' kak sposob modernizatsii gosudarstvennogo upravleniya* [Control as a way to modernize public administration], *Izv. Nats. akad. nauk Respubliki Kazakhstan*, 2015, no. 3, pp. 98-106. (in Russ.).

Zakon o parlamentskom kontrole vstupil v silu [The Law on parliamentary oversight in force], available at: <https://www.gazeta.uz/2016/04/12/parl/> (accessed 23 August 2016). (in Russ.).

Zhanna U. Tlembaeva, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of the Republic of Kazakhstan Legislation, The Republic of Kazakhstan, Astana.
E-mail: zhanna.ot@mail.ru.

FOREIGN EXPERIENCE OF PARLIAMENTARY CONTROL AND ISSUES OF IMPROVEMENT OF ITS LEGAL MECHANISMS IN KAZAKHSTAN

Abstract: The article observes questions of the organization of parliamentary oversight and improving the mechanism of parliamentary control in Kazakhstan. The features of the basic model of parliamentary control in the practice of state power of modern states are indicated. We analyze the constitutional procedures relating to the implementation of the control function of the Parliament. In the article, significant place is devoted to the analysis of control functions of the Parliament by the Government. The attention is paid to parliamentary investigation as the form of parliamentary oversight. Based on the study, the author concludes about the necessity of the development of legal provisions in the organization of parliamentary control, including parliamentary investigation.

Keywords: Republic of Kazakhstan; parliament; government; parliamentary control, form of parliamentary control; inquiry; parliamentary hour; parliamentary inquiry.

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 16

Выпуск 4

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск К.В. Киселев, В.С. Мартьянов, В.В. Эмих

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректоры *А.И. Никонова, Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовский*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 10.02.2017 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,5 Уч.-изд. л. 8,4
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134